

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Материалы Одиннадцатой международной
научно-практической конференции
(15–16 мая 2025 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2025

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

П68

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (председатель);

Т. Е. Грязнова — доктор юридических наук, доцент,
(заместитель председателя);

А. В. Червяковский — кандидат юридических наук, доцент;

Д. А. Мурин — кандидат юридических наук
(ответственный секретарь)

П68

Право и политика: история и современность : мат-лы Один-
надцатой междунар. науч.-практ. конф. (15–16 мая 2025 г.) / пред.
редкол. С. К. Буряков. — Омск : Омская академия МВД России,
2025. — 192 с.

ISBN 978-5-88651-900-6

В сборнике представлены тезисы докладов, авторы которых с различных позиций обсуждают принципы права в историческом, теоретическом и практическом контексте. Высококвалифицированный состав участников, объединяющий ученых и практических работников, позволил реализовать комплексный подход к анализу рассматриваемых вопросов, наметить перспективы сотрудничества всех заинтересованных сторон.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, докторантов, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России, иных образовательных и научных организаций.

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-900-6

© Омская академия МВД России, 2025

РАЗДЕЛ I.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

М. М. Алафьев

Реализация законодательных новелл об ответственности за взяточничество по Уголовному уложению 1903 г.

К основным причинам разработки и последующего принятия нового уголовного закона необходимо отнести: влияние на коронную власть формирующихся общественных отношений, вызванных буржуазными реформами 60–70 гг. XIX в.; нарастание противоречий ряда законодательных норм николаевского периода правления с новыми социально-политическими реалиями конца XIX — начала XX вв. Обретение крестьянством личной свободы, наметившиеся тенденции в преодолении сословного разделения общества, формирование института независимого судопроизводства объективно нуждались в обновлении системы уголовно-правового регулирования. В пользу обновления уголовного законодательства свидетельствовало увеличение числа новых видов преступлений, а также громоздкость, неполнота и неопределенность санкций действующего Свода законов 1832, 1842, 1857 гг.

Последняя четверть XIX в. отмечается некоторой активизацией борьбы государственной власти России с ростом коррупции. Этому во многом способствовало завершение промышленного переворота, сопровождавшегося развитием тяжелой промышленности, строительством железных дорог, значительным увеличением торгового оборота. Крупные иностранные инвестиции Франции, Англии, Бельгии, других неевропейских государств, открытие концессионных предприятий, слияние банковского и промышленного капиталов, монополизация производства создавали благоприятную среду для всплеска взяточничества во всех эшелонах российского общества и особенно его чиновничества. На первоначальном этапе разработки основ Уголовного уложения, вступившего весной 1881 г. на престол Александр III в качестве превентивных коррупционных

мер вводит запреты на участие чиновников в работе правлений частных акционерных обществ и на получение вознаграждений за размещение государственных займов; препятствует великим князьям вмешиваться в дела министерств в тех случаях, когда это угрожает государственной казне и др. По причине коррупционной составляющей императором были уволены со своих постов министр финансов А. А. Абаза и министр путей сообщения А. К. Кривошеин. О потенциальном масштабе коррупции этого периода можно лишь предполагать, если учесть, что только российское чиновничество к 1897 г. составляло около 436 тысяч, и, как известно, хронически испытывало нехватку в денежном обеспечении со стороны государства [1, с. 116]. Статистика говорит сама за себя: если к 1850 г. палатами Уголовного суда по делам о взяточничестве чиновников государственной службы было рассмотрено 220 дел, то в 1883 г. — 303. Понимая, что кара правосудия настигает лишь незначительную часть мздоимцев, коронная власть предпринимала дополнительные меры по искоренению этого явления.

Подготовка нового Уголовного уложения 1903 г. стала последней попыткой в истории коронной власти России усовершенствовать государственный механизм по противодействию взяточничеству. Законодательная работа получила обнадеживающее начало, но в связи с утверждением в стране консервативно-охранительного курса Александра III ее ход затормозился: от начала разработки и до утверждения проекта Уголовного уложения Николаем II 22 марта 1903 г. прошло более 20 лет.

По Уголовному уложению 1903 г. ответственность за взяточничество получила новое толкование в ст. ст. 149 и 150 главы 6 «О неповиновении власти» и в ст. ст. 636–687 главы 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». В Уголовном уложении 1903 г. детальную разработку получили должностные преступления, в том числе самое опасное среди них — взяточничество. По новому Уголовному уложению понятие «взяточничество» слагалось из трех деяний: мздоимства, лихоимства и вымогательства. Неразграниченность взяточничества и взимания лихоимственных сборов являлось серьезным недостатком конструкции этого преступления. Уголовное уложение 1903 г. обособило взяточничество от понятия «лихоимство». Законодатель исходил из того, что эти деяния, составляющие виды незаконного захвата имущества или преступного обогащения при помощи злоупотребления по службе, различаются тем, что лихоимство есть захват имущества под предлогом законности получения, а взяточничество является захватом или приобретением имущества заведомо для

обеих сторон незаконным. Взятничество признается простым, если взятка принимается за учинение служащим действия, входящего в круг обязанностей по службе, и тяжким, если взятка принимается им за совершение должностного преступления или проступка по службе. Вымогательство Уголовным уложением признается квалифицированным видом взяточничества (ст. 657).

В уже упомянутой ст. 149 законодатель формулирует, что обвиняемый в намерениях «склонить» при помощи денежного посула чиновника к нарушению исполнения должностных предписаний или использования своего служебного положения в корыстных целях «преступлены или тяжкого преступлены» — подлежит наказанию посредством тюремного заключения [2, с. 61].

Как видим, новым Уголовным уложением вводится наказуемость не только за дачу взятки, но и за склонение или намерение к склонению чиновников коронной власти к нарушению законности, что является совершением противоправных действий. В соответствии со ст. 149 дача взятки государственному служащему считается преступлением, так как «благодаря тем преступным деяниям, которые совершены подкупленным», причиняет вредное воздействие на механизм законного функционирования государства. В случае совершения преступления, а также тяжкого преступления подкупленным подкупивший как соучастник противоправного действия подвергается наказанию: за дачу взятки к совершению преступления заключается в тюрьму сроком не менее полугода; за подкуп к совершению тяжкого преступления наказывается содержанием в исправительном доме [2, с. 61].

Однако утвержденное Уголовное уложение Николай II запретил вводить в действие в полном объеме. Исключением стали территории губерний Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, где в полном объеме действовали нормы Уголовного уложения 1903 г., включая главы о взяточничестве. К причинам ограниченного применения нового Уголовного уложения следует отнести неподготовленность пенитенциарной системы. Будущий закон предусматривал существенное переустройство всей системы мест заключения: тюрьма, которая раньше содержала заключенных со сроком отбывания наказания до двух лет, теперь предназначалась для заключения приговоренных только на срок до одного года. Напротив, сроки заключения в крепости увеличивались с 4 до 6 лет [3, с. 63].

Другим обстоятельством являлось то, что в устройстве местного суда не было единообразия. Об этом говорили многочисленные отступления от общих процедур для значительного числа и видов дел представителей

разных сословий и обвиняемых. Обычной практикой стало проведение отдельных судебных процедур для представителей дворянских званий, государственных служащих, лиц неподатных и податных сословий.

К веским причинам следует отнести и то, что в составе судов выборные представители не обладали элементарными юридическими познаниями, а сельское сословие нередко выбирало неграмотных представителей. На принятии судебных решений сказывалось влияние судебного чиновничества. Несмотря на отмеченные различия в работе местного суда, характерной чертой их развития в пореформенный период были гласность, выборность, состязательность и независимость.

В результате основным нормативным актом в сфере уголовного права, вплоть до 30 ноября 1918 г., являлось Уголовное уложение 1845 г. Предпринимаемые правительством меры существенного снижения фактов взяточничества в России не дали, в том числе из-за Первой мировой войны и революции 1917 г.

Несмотря на то что нормы Уголовного уложения о взяточничестве были введены в действие ограниченно, их изучение и в настоящее время представляет значительный интерес как определенный результат развития уголовно-догматической мысли. Правильным можно считать утверждение о том, что Уголовное уложение 1903 г. стало значимым явлением российского права начала XX в. Уголовное уложение 1903 г. не только осуществило систематизацию норм права по проблемам коррупции в российском обществе, но и существенно переработало меры санкций за эти деяния по сравнению с нормами права XVIII–XIX вв.: из перечня наказаний за взяточничество была исключена смертная казнь; проведена радикальная переработка законодательных положений, касающихся взяточничества; предусмотрено уголовное наказание за посредничество во взяточничестве. По сути, Уголовным уложением была подготовлена прогрессивная правовая основа для борьбы со взяточничеством.

В определенной мере Уголовное уложение 1903 г. стало базой для дальнейшего развития отечественного законодательства в деле борьбы с коррупцией. В принятом в 1918 г. Декрете Совета народных комиссаров РСФСР «О взяточничестве» впервые за всю историю отечественного уголовного законодательства ввели понятие «должностное лицо». В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. в главу 7 были включены универсальные статьи о взяточничестве, которые могли применяться ко всем государственным служащим. Закон 1991 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» сформулировал нормы, связанные коррупционной составляющей, в том числе получение взятки при отягчающих обстоятельствах.

Список источников

1. *Рубакин Н. А.* Много ли в России чиновников // Вестник Европы. 1910. Т. 1.
2. *Новое Уголовное уложение*, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.
3. *Волженкин Б. В.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX — начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2.

Р. З. Амиров

Некоторые аспекты реализации законодательства в сфере обеспечения внутренней безопасности СССР в период кризиса советской государственности

Кризис советской государственности на рубеже 80–90-х гг. XX в. характеризовался разрушением политической системы, основанной на руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза (далее — КПСС) и единой марксистско-ленинской идеологии. Как следствие, это вызывало рост национализма и обострение межнациональных противоречий, запустившие центробежные процессы и приведшие в итоге к распаду СССР. Советская правовая система в данный период испытывала проблемы, в частности, в сфере реализации союзного законодательства на уровне союзных республик, вызванные «войной законов», юридическими коллизиями, политизацией правовой жизни. В этих условиях естественной реакцией руководства СССР стала попытка противодействовать сепаратизму и национализму различными методами, в том числе и военно-силовыми, что требовало соответствующей правовой регламентации. Исходя из тезиса «армия вне политики», войска Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности (далее — КГБ) СССР были выведены из состава Вооруженных Сил в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета (далее — ПВС) СССР от 21 марта 1989 г. [1]. Однако в сложившихся социально-политических условиях армию невозможно было исключить из системы обеспечения внутренней безопасности страны, о чем свидетельствуют события в сто-

лице Грузинской ССР, происшедшие 9 апреля 1989 г., т. е. практически сразу же после указанных изменений в законодательстве.

В связи с недостаточностью сил и средств правоохранительных органов для пресечения несанкционированного митинга перед Домом правительства были привлечены армейские подразделения. Ввиду отсутствия правовых норм, регламентирующих порядок применения подразделений Вооруженных Сил к выполнению задач по пресечению массовых беспорядков и иных правоохранительных функций, соответствующие меры предпринимались на основе решений и устных указаний центральных партийных органов. Возглавлявшим Министерство обороны (далее — МО) СССР Д. Т. Язовым в устной форме также было дано распоряжение генералам К. А. Кочетову и И. Н. Родионову прибыть в г. Тбилиси, где действовать в соответствии с обстановкой и по собственному усмотрению. Для восстановления общественного порядка командующему Закавказским военным округом генералу И. Н. Родионову были подчинены все силы и средства в городе на основании полномочий, предоставленных МО, и решения Бюро ЦК Компартии Грузии [2]. Распоряжение Совета Министров Грузинской ССР от 8 апреля 1989 г. о привлечении военнослужащих также выходило за рамки полномочий, предоставленных органам власти союзной республики.

Привлеченные для оказания содействия внутренним войскам (далее — ВВ) МВД военнослужащие парашютно-десантной роты ввиду отсутствия соответствующей экипировки и спецсредств в стычке с агрессивно настроенной толпой были вынуждены применить малые саперные лопатки. Данные события нашли отражение в постановлении II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., в котором было отмечено отсутствие четкой законодательной регламентации порядка и практики использования Вооруженных Сил для разрешения внутренних конфликтов, а также предлагалось в законодательном порядке запретить использование Советской Армии для ликвидации массовых беспорядков, предусмотрев возможность привлечения армейских подразделений в этих целях лишь в виде исключения в случаях, прямо предусмотренных законом, по решению ПВС СССР с сообщением ВС СССР [3]. Следовательно, любые действия по военно-силовому разрешению подобного конфликта с участием военнослужащих МО могли трактоваться как нарушение законности при всей их целесообразности.

В связи с обострением межнациональных противоречий 20 января 1990 г. было объявлено чрезвычайное положение в г. Баку с вводом

войск МО и МВД СССР для пресечения массовых беспорядков. В отличие от событий в Тбилиси, законность действий армейских подразделений и ВВ была озвучена высшим руководством страны: «Солдаты и офицеры Советской Армии и внутренних войск выполняют свой долг по защите Конституции СССР и закона» [4].

Вместе с тем в нормативно-правовых актах РСФСР, принятых в том же году, указывалось, что военнослужащие МО не должны привлекаться к участию в разрешении межнациональных конфликтов, что объявлялось «не свойственной» им функцией. Органам власти СССР предлагалось сформировать для выполнения этих задач «межреспубликанские части специального назначения» на контрактной основе [5]. Однако исходящий из данного предложения Указ М. С. Горбачева от 18 ноября 1991 г. [6] о создании межреспубликанских ВВ МВД СССР так и остался нереализованным в связи с прекращением существования СССР. Назначенный в декабре 1990 г. главкомом воздушно-десантных войск П. Грачев заявлял, что подчиненные ему войска не должны участвовать в политических процессах. Об этом же говорилось и в обращении Председателя ВС РСФСР Б. Н. Ельцина к военным в Прибалтике в январе 1991 г.

Таким образом, в пику руководству СССР, пытавшемуся обеспечить внутреннюю безопасность страны с использованием войск различных ведомств, органы власти РСФСР выступали против проведения подобной политики. В частности, в заявлении Съезда народных депутатов РСФСР от 25 мая 1991 г. Президенту СССР предлагалось «немедленно принять меры, исключающие использование Вооруженных Сил СССР и внутренних войск МВД СССР в каких бы то ни было целях, кроме разделения конфликтующих сторон» [7]. В условиях эскалации конфликта, недостаточности сил милиции (в том числе ее ненадежности ввиду влияния национального фактора на деятельность органов внутренних дел союзных республик), исключение армии и ВВ из числа субъектов, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность (что не ограничивается одним лишь разъединением противоборствующих сторон, о чем говорит и опыт деятельности миротворческих сил ООН), не способствовало реализации призыва депутатов к немедленному прекращению эскалации насилия и массового нарушения прав человека.

Правовые основы привлечения Вооруженных Сил для противодействия внутренним угрозам безопасности страны заложил принятый в апреле 1990 г. Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» [8]. В соответствии со ст. 11 допускалось привлечение воинских частей МО СССР для охраны общественного порядка и обеспечения без-

опасности граждан, наряду с ВВ МВД СССР и войсками КГБ СССР в соответствии с нормативно-правовыми актами, устанавливающими права и обязанности ВВ. Для восполнения имеющихся пробелов в законодательстве Президентом СССР был принят Указ от 25 июля 1990 г. № 373 [9], предусматривавший привлечение ВВ и армейских подразделений к борьбе с незаконными вооруженными формированиями. Указом президента СССР от 29 января 1991 г. предписывалось обеспечить взаимодействие милиции с подразделениями МО СССР в поддержании общественного порядка на улицах и в общественных местах [10]. В дальнейшем данные положения были закреплены в законе «О советской милиции» от 6 марта 1991 г. [11].

Однако при реализации соответствующих норм союзного законодательства возникали коллизии с нормами чрезвычайного законодательства РСФСР, не предусматривавшего возможности привлечения Вооруженных Сил при введении чрезвычайного положения в случае возникновения угроз социального характера [12]. 18 апреля 1991 г. ВС РСФСР принял Закон РСФСР «О милиции» и постановление «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О милиции“», в котором указывалось, что Закон СССР «О советской милиции» считается не действующим на территории РСФСР в части, противоречащей Закону РСФСР «О милиции». О выполнении военными функциями милиции в законе речь не шла вовсе [13].

Как показывала практика, привлечение подразделений МО совместно с ВВ МВД СССР давало положительные результаты в разрешении межнациональных конфликтов. При этом руководством союзных республик было предложено вывести армию из системы обеспечения внутренней безопасности, ограничивая ее роль только внешними функциями. Однако история страны и зарубежный опыт наглядно демонстрируют, что при обострении внутренних угроз безопасности борьба с ними возлагается и на Вооруженные Силы. Как известно, разрушение СССР произошло в том числе и по причине внутренних раздоров, когда армия оказалась фактически исключенной из процесса противодействия центробежным силам. В данном случае напрашиваются прямые аналогии с разрушением Российской империи в 1917 г., армия которой также не справилась с ролью оплота государственности.

Таким образом, привлечение армии для обеспечения внутренней безопасности в рассматриваемый период первоначально основывалось не столько на действующем законодательстве, сколько на решениях высших партийных органов, приказах и распоряжениях (устных в том числе) пар-

тийных и военных руководителей. При этом допускалось принятие решений военным командованием по своему усмотрению, что фактически возлагало ответственность на самих военных. Однако развитие правовой базы, регламентирующей деятельность Вооруженных Сил и внутренних войск по обеспечению внутренней безопасности СССР, не смогло предотвратить негативные процессы в последующем развитии страны, вызванные комплексом причин политического, экономического, идеологического, социального характера. Во многом это было связано с политическим противостоянием между союзным руководством и руководством ряда союзных республик (в том числе РСФСР), выразившимся, в частности, в принятии актов, противоречащих союзному законодательству, провозглашавших верховенство республиканских нормативно-правовых актов на своей территории и тем самым разрушавших вертикаль нормативно-правовых актов как правовую основу существования СССР.

Список источников

1. *О выведении* из состава Вооруженных Сил СССР пограничных, внутренних и железнодорожных войск : указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1989 г. № 10224-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 12. Ст. 86.

2. *Фрагменты* из ста сорока томов следственных материалов Прокуратуры СССР по делу о событиях 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси // Советская Россия. 1991. 15 мар.

3. *По докладу* комиссии, образованной первым Съездом народных депутатов СССР, по расследованию событий, имевших место в городе Тбилиси 9 апреля 1989 года : постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 978-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 578.

4. *Выступление* Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева по Центральному телевидению 20 января 1990 г. в связи с введением чрезвычайного положения в Баку // Правда. 1990. 21 янв.

5. *О порядке* участия военнослужащих срочной службы в разрешении межнациональных конфликтов : постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 11 декабря 1990 г. № 412-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 28. Ст. 378.

6. *О внутренних* войсках Министерства внутренних дел СССР : указ Президента СССР от 18 ноября 1991 № УП-2872 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 48. Ст. 1368.

7. *Об обстановке в Азербайджане и Армении* : заявление Съезда народных депутатов РСФСР от 25 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 780.

8. *О правовом режиме чрезвычайного положения* : закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1407-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

9. *О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения* : указ Президента СССР от 25 июля 1990 г. № 373 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 31. Ст. 559.

10. *О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью* : указ Президента СССР от 29 января 1991 г. № УП-1408 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 6. Ст. 173.

11. *О советской милиции* : закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319.

12. *О чрезвычайном положении* : закон РСФСР от 17 мая 1991 № 1253-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 773.

13. *О милиции* : закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. № 16. Ст. 503.

В. В. Бабурин

Реализация поощрительных норм уголовного права на примере необходимой обороны

Поощрительные нормы играют важную роль в механизме государственно-правового регулирования. Их значимость подчеркивается уже тем, что, во-первых, они давно получили закрепление в различных отраслях российского законодательства; во-вторых, они обеспечивают реализацию одного из основополагающих методов правового регулирования — метода убеждения; в-третьих, они являются достаточно универсальными для того чтобы быть использованными, востребованными в гораздо больших отраслях российского права.

Особые свойства поощрительных норм позволяют сделать предположение о том, что они вполне могли бы и должны играть более значимую

и даже важную роль в других отраслях права, прежде всего, в механизме уголовно-правового регулирования. К сожалению, в уголовном праве сложилось так, что поощрительные нормы традиционно занимают в нем чрезвычайно малое место. И во многом это связано с тем, что в настоящее время у специалистов преобладает представление о поощрительных нормах в уголовном праве, скорее всего, как о парадоксе, чем о рядовом, хотя и не таком масштабном явлении.

Конечно, изначально такому восприятию интуитивно способствует само понимание содержания уголовного права как охранительной отрасли в антикриминальном сегменте (группе отраслей права) системы российского права, в которой главенствует запрет и наказание, принуждением обеспечивающее охрану норм большинства других регулятивных отраслей права от их нарушений, и, соответственно, поощрению здесь нет места.

Кроме того, происходит сужение возможностей использования поощрительных норм в уголовном праве и в связи с позицией тех специалистов, считающих, что поощрение в уголовном праве возможно только в сфере посткриминального поведения. Но, исходя из целей и задач уголовного права, нельзя согласиться с мнением о том, что уголовно-правовое поощрение нацелено на социально желательное поведение определенной категории граждан, т. е. лиц, ранее нарушивших уголовно-правовой запрет [1, с. 27]. Уголовное право достигает своей цели не только тогда, когда оно применяет наказание к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет, но и тогда, когда большая часть граждан государства не совершает преступления. Именно для них и предусматривается уголовно-правовой запрет, а не только для тех, кто решил совершить преступление и совершил его. Иначе нет необходимости в самом опубликовании уголовно-правового запрета и доведения его до граждан государства. В таком случае достаточно факта самого существования запрета без его опубликования. Получается, что когда человек совершит преступление, тогда и начнет работать уголовное право. А до этого, пока преступление не совершено, уголовного права нет, как нет и поощрения в уголовном праве? Конечно, с подобным подходом согласиться нельзя.

Системный анализ содержания уголовно-правового регулирования свидетельствует о том, что поощрение вполне возможно и нужно в этой сфере, во-первых, уже исходя из того, что целью уголовного права выступает вовсе не наказание так таковое, а предупреждение преступных посягательств, удержание от нарушения установленного государством уголовно-правового запрета. Наказание выступает средством, а не целью

уголовного права, поэтому такая цель может быть достигнута и другими средствами, как минимум в сочетании с таким средством, как наказание. Характеризуя цели и задачи уголовного права, в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации записано, что «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Для осуществления этих задач Уголовный кодекс Российской Федерации не только устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, но и виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Более того, и само наказание как средство решения этих задач имеет целью предупреждение преступлений, что отмечено в ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». А достижение цели предупреждения преступлений в уголовном праве возможно и нужно не только наказанием, но и поощрением.

В уголовном праве также присутствует отдельный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляющих собой законодательно закрепленное правомерное поведение, хотя и связанное с силовым ограничением преступных действий других лиц, которые многие авторы несправедливо называют правомерным причинением вреда. Данный термин абсолютно некорректен, о чем мы неоднократно упоминали в других работах [2, с. 241]. Остановимся на одном из ярких примеров такого поведения, как необходимая оборона.

Необходимая оборона — это один из законных способов защиты гражданином своих прав и свобод, закрепленных в ст. 45 Конституции РФ, отличающихся активным силовым противодействием нарушителю, осуществляющему наличное общественно опасное посягательство на законные интересы обороняющегося или других лиц, общества или государства. Данное право реализуется через ст. 37 Уголовного кодекса РФ, которая предполагает изначальную возможность и правомерность такого противодействия при соблюдении ряда условий, предусмотренных в данной статье. К сожалению, даже в таком выражении политики государства в отношении защиты прав обороняющихся в теории уголов-

ного права поощрительный характер необходимой обороны воспринимается неоднозначно [3, с. 86].

Следует поддержать С. В. Балмочных в том, что «норма о необходимой обороне соответствует всем основным признакам правового поощрения: а) применяется в ответ на заслуженное поведение лица, под которым понимается добросовестный правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением общепризнанного полезного результата; б) взаимовыгодно для государства, общества и поощряемого субъекта. Так, государство и общество в результате реализации права необходимой обороны ограждаются от преступных посягательств, а лицо, применившее такое право, освобождается от уголовной ответственности за вред, причиненный посягающему лицу; в) поощрение сопряжено с сугубо добровольным поступком. Необходимая оборона — добровольный, волевой поступок, так как представляет собой право, а не обязанность граждан (исключение составляют сотрудники правоохранительные органов); г) в отношении благоприятных последствий, которые наступают для поощряемого субъекта, следует отметить, что уголовно-правовые поощрительные нормы имеют определенные особенности в отличие от общеправовых» [4, с. 200].

Действительно, предоставление возможности обороняющемуся действовать активно, даже крайне силовым способом, связанным с причинением смерти нападающему преступнику, угрожающему насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия без каких-либо негативных уголовно-правовых последствий, не может не свидетельствовать о поощрении такого поведения со стороны уголовного права. За причинение вреда всегда должно следовать наказание, если за какое-то причинение вреда исключается наказание, то это поощрение, по сравнению с обычным поведением, которое не связано с причинением вреда. В соответствии со ст. 37 УК РФ лицо не обязано осуществлять необходимую оборону, обороняться или не обороняться — это его право. За уклонение от необходимой обороны нет уголовной ответственности. Но если лицо сделает выбор в пользу осуществления обороны, силового воздействия против нападающего преступника, то государство исключает всякую уголовную ответственность за физическое воздействие на нападающего преступника. В этом и состоит поощрение к активному действию. Уклонись от необходимой обороны, не защищай свои права и не будет уголовной ответственности, но при этом носи потери, ущемление своих интересов, убытки от преступника. А если не уклонишься, то защи-

тишь свои права способом, в целом наказуемым уголовным законом, ты в принципе должен подлежать уголовной ответственности. Данные обстоятельства не стимулируют гражданина к необходимой обороне. Но то, что государство предусматривает исключение уголовной ответственности, тем самым оно поощряет лицо на активную защиту своих законных интересов.

Кроме того, необходимую оборону следует рассматривать как поощрительную норму и с точки зрения криминологии (раздел виктимология), как активное поведение жертвы, пресекающей преступление. А это не может не поощряться государством, поскольку это выполнение фактически государственной функции по пресечению преступлений.

Необходимо поддержать мнение А. С. Ахметшина о том, что «уголовному преследованию должен подвергаться не обороняющийся, а посягатель, и, соответственно, все издержки реализации права гражданина на необходимую оборону должны возлагаться на него, т. е. уголовное дело должно возбуждаться в отношении посягателя, так как именно он спровоцировал такую ситуацию. И в этом смысле такое профессиональное (судебное) толкование будет соответствовать справедливости и отвечать общежитейскому пониманию необходимой обороны нравственным воззрениям общества, выразившимся в соответствующих уголовно-правовых нормах о необходимой обороне» [5, с. 216]. В развитие данного подхода считаем целесообразным в отношении посягающего применять отягчающее обстоятельство — совершение преступления в отношении лица, осуществляющего правомерную необходимую оборону.

Отметим, что недостаточное восприятие необходимой обороны как поощрительной нормы уголовного права препятствует ее полноценной реализации в правоохранительной деятельности.

Список источников

1. *Тарханов И. А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань, 2001.
2. *Бабурин В. В., Нечепуренко А. А.* Уголовно-правовое деяние: понятие и значение для характеристики предмета и метода российского уголовного права // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4(36).
3. *Боев Д. В.* Необходимая оборона — поощрительная норма права в уголовном законе // Научный аспект. Серия: Право. 2024. № 2.
4. *Балмочных С. В.* Необходимая оборона в системе уголовно-правового поощрения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.

5. Ахметшин А. С. Необходимая оборона как поощрительная норма // Вестник КрасГАУ. 2009. № 5.

А. В. Богданов

Роль и место полиции в системе органов государственной власти зарубежных стран, основные модели организации ее деятельности

Процесс становления и развития полицейских органов протекает параллельно со становлением и развитием самого государства. В связи с этим целесообразно привести цитату Фридриха Энгельса: «Полиция... так же стара, как и государство» [1, с. 118]. Выполняющие полицейские функции общественные институты действовали еще со времен античности, что объясняет этимологическое происхождение термина «полиция», имеющего греческие корни и производного от слова «polis» — город, представлявший на тот период в Древней Греции основную форму государственного устройства. В своих трудах Аристотелем было введено в научный оборот понятие «politeia», которым он называл городское управление. Позднее слово перешло в латинский язык и стало частью официального лексикона граждан Древнего Рима и Византии — потомков жителей древнегреческих городов-полисов. С последующим развитием государственности термин «politeia» подвергся определенной трансформации и с конца XIV в. во Франции и Германии употребляется как «police» (франц.) или «polizei» (нем.) для обозначения сначала процесса светского управления в целом, а в дальнейшем его смысловое значение сужается до публичной деятельности, направленной на охрану правопорядка.

В актуальном значении термин «полиция» (police) как совокупность специализированных органов государственной власти, призванных обеспечивать правопорядок и безопасность граждан от преступных посягательств, стал рассматриваться с конца XVIII в. сначала в Западной Европе, а затем он получил распространение в других странах, в настоящее время он имеет статус общепризнанного в мировом масштабе [2, с. 9].

Работа первых полицейских органов XVIII в. характеризуется чрезмерно широким профилем направлений деятельности, охватывающей практически все сферы общественной жизни. Полиция того периода, наряду с обеспечением правопорядка, выполняла судебные функции, занималась политическими вопросами, осуществляла контроль за монетным

делом, торговлей, здравоохранением и т. д. Ее полномочия носили практически неограниченный характер, а в качестве метода их реализации использовалось исключительно принуждение.

Место полиции в системе государственных органов европейских стран того периода объяснялось позицией их монархов, которую емко и точно сформулировал прусский король Фридрих Великий: «Народу как больному ребенку должно указывать, что ему есть и пить» [3, с. 39]. Российским императором Петром I в принятом в 1721 г. Регламенте Главного Магистранта говорилось, что «полиция ... есть душа гражданская и всех добрых порядок порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [4].

В дальнейшем данная концепция получила название «полицейское государство», роль полиции в реализации которой была главенствующей. Однако практика тотальной регламентации и злоупотребление карательными формами воздействия на общественные процессы дали отрицательный результат, поскольку они оказывали негативное влияние на развитие экономических и политических процессов, ввиду чего от нее в течение времени были вынуждены отказаться.

На смену идее полицейского государства пришла идея правового государства, в основе которой лежало признание приоритета прав и свобод гражданина над государственными интересами в совокупности с обеспечением принципа верховенства закона. Зародившаяся еще в античности концепция правового государства, базисы которой были заложены в трудах Аристотеля, Платона, Сократа, была поддержана и получила свое дальнейшее развитие в произведениях И. Канта, Монтескье, Горація, Спинозы, Дж. Локка, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Толчком к ее реализации послужила Великая французская революция 1789 г.

В процессе реформирования государственного механизма в рамках реализации идеи правового государства полиция перестала рассматриваться исключительно в качестве карательного органа, выступая уже в роли инструмента государственной защиты граждан от преступности и обеспечения общественной безопасности.

Главной проблемой, возникающей при построении оптимальной структурно-функциональной модели полицейских сил в рамках реализации идеи правового государства, является сохранение паритета между соблюдением прав и свобод человека, с одной стороны, и обеспечением их эффективной защиты, с другой стороны, что невозможно сделать без их ущемления при решении правоохранительных задач, связанных с применением мер государственного принуждения. Ее сложность включает-

ся в том, что пути решения каждой из задач отдельно имеют противоположные направления, предполагая необходимость постоянного поиска компромисса.

Обязательным организационным условием его достижения является выбор оптимальной модели охраны правопорядка, максимально учитывающей специфику конкретного государства. Согласно общепринятой классификации в настоящее время в мире существует всего три типа таких моделей: централизованная, фрагментарная (децентрализованная) и интегрированная (смешанная) [5, с. 7].

В качестве типичного представителя централизованной модели сил обеспечения внутренней безопасности можно назвать Францию, которая имеет единую кодифицированную правовую систему, а ее административные органы находятся между собой в состоянии строгого соподчинения по вертикали. Полицейские силы Франции представлены в виде двух самостоятельных ведомств (Национальная полиция и Национальная жандармерия), полномочия и функции которых разграничены. Полиция является самостоятельной гражданской службой, подчиняющейся Министру внутренних дел Французской Республики, а жандармерия — военизированное подразделение, находящееся в ведении Министерства обороны Франции.

Ярким примером государства, использующего фрагментарную модель охраны правопорядка, являются США, где противодействие преступности и охрана правопорядка осуществляются в значительной степени силами небольших по численности и обособленных полицейских подразделений, не имеющих не только федерального подчинения, но и контроля на уровне штата. Несмотря на выраженный индивидуализм и автономный характер полицейской деятельности, данная модель позволяет обеспечивать контроль за оперативной обстановкой, что наглядно иллюстрирует пример организации полицейских органов США, в которых данная модель сложилась исторически и успешно функционирует до настоящего времени.

Интегрированная (смешанная) модель охраны правопорядка представляет собой компромиссную форму организации полицейской деятельности, поскольку сочетает в себе черты как централизованной, так и фрагментарной моделей. Она встречается в равной степени как в унитарных, так и в федеративных государствах. В качестве примеров государств, использующих интегрированную модель охраны правопорядка, можно назвать Австрию, Великобританию, Германию, Японию и т. д. Наиболее типичным примером государства, в котором функционирует

интегрированная модель охраны правопорядка, является Великобритания. Полицейская деятельность осуществляется там самостоятельными полицейскими агентствами, находящимися в подчинении МВД Великобритании. Координация действий полицейских агентств осуществляется силами 9 дежурных полицейских бригад, в их состав включены представители полицейских агентств от каждого региона страны. Деятельность каждой дежурной бригады на региональном уровне контролируется соответствующим региональным координатором, а все 9 дежурных бригад подчиняются Национальному координатору.

Приведенные модели охраны правопорядка, используемые во Франции, США и Великобритании, показывают широкую вариативность способов и форм организации полицейской деятельности. Каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны, однако успешный опыт долгосрочного успешного функционирования подтверждает их жизнеспособность и требует дальнейшего научного осмысления.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

1. Полиция представляет собой самостоятельный государственный институт, выступающий базовым элементом национальной правоохранительной системы, призванный обеспечивать безопасность граждан от внутренних угроз путем противодействия преступности и охраны общественного порядка.

2. В настоящее время в мире существует три основные модели организации полицейской деятельности: централизованная, фрагментарная и интегрированная (смешанная). Ключевым различием между ними выступает соотношение централизации и децентрализации управления полицейскими органами. Поскольку интегрированная модель охраны правопорядка построена на реализации принципа оптимального соотношения централизации и децентрализации управления полицией, широко применяется в странах с федеративной формой государственного устройства, имеющих единое кодифицированное законодательство, полагаем возможным использовать накопленный ими опыт в организации полицейской деятельности в Российской Федерации.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 21.
2. Губанов А. В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика, кадровое обеспечение деятельности, международное полицейское сотрудничество : монография. М., 2001.
3. Горожанин А. В. Государство и полиция : монография. СПб., 2001.

4. *Полный сборник законодательства Российской империи. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

5. *Марьина Е. В. Основные иностранные правоохранительные системы : учеб. пособие. Самара, 2020.*

В. Н. Борков

Реализация принципа правовой определенности в уголовном законе

Исключительная репрессивность государственного воздействия на лиц, совершивших преступления, предъявляет особые требования к правовой определенности уголовного закона. Проблема определенности уголовно-правовых предписаний возникает в связи с необходимостью применения общих законодательных конструкций к конкретным событиям. Важной функцией принципов права является разрешение противоречий, которые возникают в ходе правотворчества и правоприменения, при «столкновении» правовых форм и реальности. Соблюдение принципа законности (ст. 3 УК РФ) ограничивает возможный произвол правоприменителя, когда уголовный закон отстает от развивающихся общественных отношений и способов посягательства на них. Принцип вины (ст. 5 УК РФ) снимает противоречие между мерой фактически наступивших общественно опасных последствий и наличием или отсутствием у причинителя к ним психического отношения. Справедливость (ст. 6 УК РФ) предполагает достижение баланса между оказываемым на виновного уголовно-правовым воздействием и опасностью совершенного им посягательства. Принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ) ограничивает стремление к мести, физическому и моральному уничтожению преступника, призыв подчинить оказываемое на него воздействие решению задачи обеспечения безопасности личности и общества.

Правовая определенность обеспечивает как четкое представление лица о содержании поведения, запрещенного под угрозой уголовного наказания, так и применение уголовного закона во всех случаях совершения общественно опасных посягательств, подвергнутых криминализации. Следование принципу правовой определенности не препятствует распространению действий конкретных норм на неограниченное количество случаев. Об актуальности комментируемой правовой идеи для юридической реальности свидетельствуют решения Конституционного Суда РФ, которые невозможно игнорировать именно в силу принципа правовой определенности [1, с. 27].

Сомнения в реализации принципа правовой определенности при применении уголовного закона часто связаны со сложностями понимания его предписаний лицами, совершающими преступления. Так, гражданин М. А. Тимошенко, признанный виновным в незаконном предпринимательстве (п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ), за осуществление деятельности по производству муки посредством эксплуатации опасного производственного объекта посчитал норму не соответствующей Конституции РФ, поскольку она позволяет распространить «требование о лицензировании части производственного процесса на предпринимательскую деятельность организации в целом» [2]. По мнению С. А. Вартанова, не соответствующая принципу правовой определенности ст. 171¹ УК РФ «...не устанавливает конкретного механизма нанесения маркировки на пищевую продукцию, допуская неограниченную правоприменительную дискрецию..., позволяет произвольно привлекать к уголовной ответственности за отсутствие любой маркировки...» [3]. Гражданка О. В. Савина посчитала несовершенным состав мошенничества при получении выплат, признаки которого были усмотрены в получении ей социальной выплаты без фактического проживания в зоне с льготным социально экономическим статусом. С точки зрения заявителя, она была привлечена к уголовной ответственности «...без опровержения презумпции добросовестности действий и установления в них признаков обмана... притом что представленные... документы не содержат признаков подделки или подлога» [4].

Во всех перечисленных случаях суждения о неопределенности уголовного закона были связаны с его толкованием, которое предполагает обращение к содержанию охраняемых общественных отношений. Именно по объекту мы определяем, какие способы посягательства достигают криминальной степени опасности. Указанное правило, используемое законодателем при конструировании уголовно-правовых запретов, ориентирует правоприменителя на обращение к позитивному регулированию охраняемых общественных отношений при квалификации преступлений. «Принцип правовой определенности, обязывающий законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение (как дозволенное, так и запрещенное) и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов» [5]. А. В. Наумов отмечает, что «представляется целесообразным внести в ст. 3 УК РФ четко сформулированную во мно-

гих решениях Конституционного Суда конкретизацию принципа законности в виде „определенности уголовно-правового запрета“...» [6, с. 10].

В условиях усложнения охраняемых уголовным законом общественных отношений и их позитивного регулирования реализация принципа правовой определенности при квалификации преступлений имеет межотраслевой характер. При этом важно отметить, что уголовная противоправность не всегда подразумевает обязательное нарушение регулятивных норм, последние часто проясняют содержание признаков составов преступлений. Например, «...не исключается привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на него» [7].

Ю. Е. Пудовочкин и М. М. Бабаев связывают реализацию принципа правовой определенности с программным характером уголовного права, отсутствием непредсказуемых отклонений в его функционировании. Они отмечают, что «отклонения случаются, а в условиях нарастающей неопределенности и непредсказуемости общественного развития риски их возникновения многократно увеличиваются» [8, с. 123]. Принцип правовой определенности не вступает в неразрешимое противоречие с контекстуальностью содержания уголовного закона. Например, при квалификации преступлений, «определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления» [9].

Реализация принципа правовой определенности при осуществлении уголовного правотворчества на переломных этапах развития общества и государства должна «...основываться на учете фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях», что предполагает приведение «...уголовно-правовых предписаний в соответствие с новыми социальными реалиями...» [10]. При таком подходе очевидна связь между правовой определенностью и социальной обусловленностью уголовного закона. Как было сказано выше, формально определенным является закон, понятный гражданину, позволяющий «сообразовывать с ним свое поведение (как дозволенное, так и запрещенное) и предвидеть вызываемые им последствия». Наличие у лица намерения соблюдать уголовный закон и способность предвидения опасных последствий его нарушения связаны с принятием его предписаний, осознанием их социальной ценности. В этом смысле стабильность уголовного закона как одна из составляющих правовой определенности заключается

не в его неизменности, а в последовательной охране конституционного строя, защите здоровых интересов большинства граждан и укреплении государства с учетом актуальных угроз.

Таким образом, условиями реализации принципа правовой определенности уголовного закона являются, во-первых, его соответствие содержанию охраняемых общественных отношений, во-вторых, последовательная охрана традиционных ценностей и конституционного строя России.

Список источников

1. Яни П. С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда // Законность. 2024. № 2.

2. *Определение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2024 г. № 1120-О.* Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. *Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2024 г. № 888-О.*

4. *Определение Конституционного Суда РФ от 9 июля 2024 г. № 1756-О.*

5. *Определение Конституционного Суда РФ от 19 сентября 2024 г. № 2057-О.*

6. Наумов А. В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3.

7. *Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2025 г. № 574-О.*

8. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона: проблемы типологии и оценки // Журнал российского права. 2025. № 2.

9. *О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48.*

10. *По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.*

А. В. Быков

Проблемы реализации гражданского права в России в XIX — начале XX вв.

Гражданское право как отрасль, регулирующая имущественные и личные неимущественные отношения, играет ключевую роль в обеспечении стабильности общества.

В Российской империи гражданское право формировалось в условиях сословного общества и крепостничества, что создавало фундаментальные противоречия. Реализация права в Российской империи XIX — начала XX вв. оставалась сложной задачей, несмотря на масштабные реформы и эволюцию правовой мысли. Этот период характеризуется борьбой между архаичными нормами и попытками внедрения европейских правовых принципов, что порождало системные противоречия.

Российские правоведы, юристы и ученые этого периода активно анализировали препятствия, мешавшие эффективному применению законов, выявляя их причины и предлагая пути решения. Их труды отражают как теоретические, так и практические аспекты проблем правоприменения в условиях социально-политических трансформаций.

Значительной проблемой являлась слабость судебной системы. До судебной реформы 1864 г. суды были зависимы от администрации, а процесс носил закрытый и письменный характер. Судебная реформа 1864 г., введя принципы гласности и состязательности, не смогла полностью преодолеть зависимость судов от администрации. Судьи оставались частью бюрократического аппарата, что подрывало доверие к правосудию.

Реализация права осложнялась особенностями правосознания, правовой малограмотностью, а иногда и скептическим отношением к писаному закону со стороны значительной, если не большей части населения (прежде всего крестьянства). Свое влияние оказывала, безусловно, сословная организация общества, крепостное право и его наследие.

До 1861 г. крепостные крестьяне были исключены из полноценных гражданско-правовых отношений. Их правосубъектность ограничивалась: они не могли свободно распоряжаться имуществом, заключать договоры без разрешения помещика, обращаться в суд.

Даже после отмены крепостного права сохранялись пережитки сословности. Крестьяне, перешедшие в состояние «свободных сельских обывателей», руководствовались не только (а часто не столько) нормами закона, но и нормам обычного права в волостных судах, что создавало правовой дуализм. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал: что «...дело, воз-

никшее в крестьянской среде, смотря по подсудности, разрешается или на основании обычаев или на основании законов. Неудобство такого положения, устраняющее возможность заранее определить, какого рода нормы будут применены к устанавливаемому отношению, настолько очевидно, что не требует дальнейших пояснений» [1, с. 45].

После реформы 1864 г. сохранялась двойственность правовой системы: крестьянские волостные суды руководствовались нередко обычным правом, а не общеимперскими законами. Государство в пореформенный период позволяло волостным крестьянским судам использовать обычаи. И хотя подразумевалось, что обычай восполнял пробелы в законе, на практике норма закона нередко подменялась нормой обычая. Это противоречие подрывало единство правового пространства.

Большинство российских подданных, особенно крестьяне, не знали, нередко не понимали законов и придерживались обычаев. Исследователь обычного права Е. И. Якушкин в своей работе «Обычное право» объясняет такую ситуацию особенностями хозяйственной жизни, особыми представлениями крестьян о справедливости. Эти аспекты затрагивали в первую очередь отношения имущественные, наследственные, обязательственные. Е. И. Якушкин писал: «Большая часть мнений о безнравственности народа, об отсутствии в нем уважении к закону происходит от приложения требований строгого права к таким случаям, к которым они вовсе не могут быть приложены по народным понятиям» [2, с. XX].

На реализацию права негативно влияло и то, что Свод законов Российской империи, особенно к концу XIX в., имел множество недостатков. Н. М. Коркунов указывал на отсутствие единства и целостности Свода [3, с. 324].

Отсутствие единства права и единого гражданского кодекса, архаичность норм затрудняли защиту имущественных прав, особенно для низших сословий. Проблемы усугублялись противоречиями между общеимперским законодательством, местными обычаями (например, на Кавказе или в Сибири), особенностями правового регулирования в Царстве Польском, прибалтийских губерниях. Особенно ярко проблема различий, связанных с религиозными конфессиями, выражалась в семейном праве.

Таким образом, ключевые проблемы реализации права коренились в противоречии между модернизацией и традиционными структурами империи. Проблемы реализации права в XIX — начале XX вв. носили системный характер, связанный с политическими, социальными и культурными особенностями империи.

Список источников

1. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань, 1902.
2. *Якушкин Е. И.* Обычное право : мат-лы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. 1.
3. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1909.

Т. Е. Грязнова

Вопросы реализации права в юридической науке России конца XIX — начала XX вв.

Понимание исключительной важности осуществления предписаний юридических норм, следования «букве закона» всеми субъектами правоотношений было свойственно отечественным мыслителям уже Киевской и Московской Руси. Однако термин «реализация права» появляется в работах российских юристов на рубеже XIX–XX вв., что обусловлено дифференциацией фундаментальных юридических наук и осознанием значения общей теории права для развития не только научной, но и практической юриспруденции.

Будучи достаточно широко употребляемым, изначально понятие «реализация права» (реализация юридических норм) выступало синонимом терминов «действие права» (действие юридических норм) и «применение права» (применение юридических норм), выражая общую идею воплощения в жизнь формально определенной воли законодателя [1, с. 405, 406, 410–411; 2, с. 50; 3, с. 338, 358; 4, с. 89; 5, с. 315; 6, с. 92]. В то же время уже в последней четверти XIX в. в контексте проблем правопонимания, источников права и его эффективности, принципов правового государства, законности, специфики правовых систем происходит разграничение смысловой нагрузки названных выше терминов.

Действие права (закона) в юридической доктрине стало рассматриваться с точки зрения пространственного, временного и субъектного воздействия нормативно-правовых актов на общественные отношения. Так, согласно А. Д. Градовскому под действием закона следует «иметь в виду юридические последствия действий, совершенных отдельным лицом, и фактов, к нему относящихся» [4, с. 91]. «Учение о действии закона... обнимает собой три вопроса: а) о действии закона во времени; б) о действии закона в пространстве; в) о действии закона по лицам» — констатировал он [4, с. 89]. Е. Н. Трубецкой утверждал, что «всякий закон

действует в пределах места, времени и распространяется на определенный круг лиц» [7, с. 146].

Категория «применение права» употреблялась российскими юристами преимущественно в контексте аналитики деятельности уполномоченных государственных органов (в основном судебных) по решению конкретных юридических дел (юридических казусов) [1, с. 431–432, 437; 3, с. 357–358, 361; 8, с. 49–50, 142–143; 9, с. 645].

Авторы выделяли следующие стадии правоприменительной деятельности: установление «фактического состава» («обстоятельств») дела; «нахождение нормы»; «юридический вывод или решение» [10, с. 606; 609–610, 643; 11, с. 412]. На первой стадии «задача лица, применяющего право, состоит в том, чтобы подготовить возможность умозаключения раскрытием фактического состава», — писал Г. Ф. Шершеневич [10, с. 608]. Для этого в ряду выявленных относящихся к делу фактов необходимо установить юридически значимые — задача, требующая не только наличия специального юридического образования, но и весомого опыта практической деятельности правоприменителя. Под юридическим фактом понимали «совокупность таких изменений, которые, взятые вместе, обуславливают применение закона» [3, с. 411].

Особое внимание отечественных юристов было сосредоточено на процессе поиска соответствующей фактическим обстоятельствам дела норме, установлении ее подлинности и аутентичности, уяснении посредством толкования точного смысла воли законодателя [3, с. 404–420; 7, с. 137]. Однако правоприменительная практика свидетельствовала, что найти норму, соответствующую фактическому составу дела, удастся далеко не всегда. «Чем более отстало право от жизни, чем более казуистично построено законодательство, тем вероятнее ...случаи пробелов», — отмечал в частности Г. Ф. Шершеневич [10, с. 643]. Преодоление пробелов безотносительно к типу правопонимания, авторы считали возможным посредством аналогии права и аналогии закона. При этом аналогия права (вынесение индивидуального решения по конкретному делу на основе принципов права, «общего духа законодательства», правосознания правоприменителя) признавалась допустимой лишь в случаях отсутствия юридических норм, имеющих даже косвенное отношение к установленным фактическим обстоятельствам дела [3, с. 420; 5, с. 337; 7, с. 142–143; 8, с. 146; 10, с. 649]. Г. Ф. Шершеневич подчеркивал, что если же норма права была установлена, она «должна быть применяема ко всем бытовым отношениям по точному ее смыслу, несмотря ни на какие конкретные условия» [9, с. 649]. «Применение норм права по точному их смыслу...

есть тот принцип законности, который составляет необходимое условие правового порядка» — констатировал он [10, с. 611].

Понятие «реализация права», в смысле воплощения правовых предписаний в социуме, мы встречаем преимущественно в контексте аналитики регулятивной функции принципов права, действующей посредством позитивации заложенных в них идей. Так, И. В. Михайловский, считая ключевыми составляющими естественно-правовой доктрины постулаты о наличии комплекса «общих разумно-этических принципов, вечных и неизменных, регулирующих поведение людей», а также «реализацию их в положительном праве сообразно условиям места и времени» [11, с. 198], определял положительное право как «реализацию «естественного права» в конкретной социальной среде» [11, с. 205, 206, 528]. Н. М. Коркунов, рассуждая об исключительной значимости принципов права (принципов-идей) для развития правопорядка и правовой системы в целом, обуславливал их «реализацию» приданием статуса юридической нормы, определяющей должное поведение участников правоотношений [1, с. 334].

Н. М. Коркунову было свойственно оперирование понятием «реализация права» и применительно к осуществлению правовых предписаний в сфере международного общения [2, с. 50], в первую очередь, в области прав человека. Однако «полнота международной охраны может быть... достигнута лишь тогда, когда отдельные права будут не только пользоваться международным признанием, международной защитой против правонарушений, и не только найдут себе осуществление через посредство общих международных мероприятий, но и будут во всем международном союзе определяться одинаковыми нормами» [2, с. 52], — отмечал автор.

В соответствии с уже достаточно устоявшейся классификацией юридических норм (запрещающих, обязывающих, предоставляющих) отечественные исследователи указывали на возможность их реализации посредством соблюдения и исполнения заложенных предписаний, а также путем использования субъектами правоотношений предоставляемых законом прав. Отметим, что взгляд на данные виды деятельности как на самостоятельные формы реализации права был не свойствен юридической науке рубежа XIX–XX вв.

Важной составляющей правовой доктрины рассматриваемого периода была идея неразрывной взаимосвязи процесса реализации права и сложившегося или конструируемого правопорядка. Не случайно С. А. Муромцев определял правовой порядок как «совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе», «известное состояние

отношений» [8, с. 141, 139]. «Необходимость юридического порядка есть общий закон для всякого общежития людей в известной степени его развития», — писал Н. М. Коркунов [1, с. 405; 3, с. 339]. Отсюда исключительное внимание авторов к аналитике в широком историческом контексте факторов, благоприятствующих или, напротив, препятствующих практической реализации формально определенной воли законодателя. В числе основных факторов правопорядка они называли: юридические нормы, систему государственных органов и квалификацию должностных лиц, правосознание правоприменителей и граждан, господствующие правовые идеалы, уровень экономического и социального развития общества [1, с. 405–406; 3, с. 339; 8, с. 142 ; 11, с. 206].

Как видим, в конце XIX — начале XX вв. в отечественной правовой доктрине формируется терминологический ряд, заложивший основу современных теоретических исследований действия, реализации и применения права. Вполне объяснимая в российских реалиях трактовка реализации права, прежде всего, как законотворческого процесса, должествующего юридизировать соответствующие требованиям эпохи и жизненно важные для конкретного государства принципы права (естественного или позитивного), не препятствовала активному научному интересу к иным сферам практического воплощения юридических норм, с оптимизацией которых связывали конструирование соответствующего идеалам правового государства правопорядка.

Список источников

1. Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. СПб., 1883.
2. Коркунов Н. М. Международное право. Лекции, читанные в военно-юридической академии. СПб., 1886.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений А. Д. Градовского. 2-е изд. СПб., 1907. Т. VII. Ч. I.
5. Чичерин Б. Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006.
6. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004.
7. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1908.
8. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступ. ст., коммент. Ю. И. Гревцова : 2-е изд. СПб., 2004.

9. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права // Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2017. Т. 2.

10. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016. Т. 4.

11. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Томск, 1914.

М. Л. Давыдова

О значении средств умного регулирования в контексте реализации права¹

Исследования в области умного регулирования связаны с поиском инструментов правового регулирования достаточно эффективных, но не столь ресурсозатратных, как санкции [1, р. 134]. Речь идет, например, о повышении легитимности и предсказуемости нормативных актов, а также о человекоцентричности права в ее внешнем пользовательском значении, т. е. удобстве, понятности, доступности юридических текстов; об эмпатии законодателя, способного взглянуть на правовую норму глазами ее адресата. Кодификация, приемы юридического дизайна, упрощение языка права улучшают «пользовательский опыт», повышая тем самым вероятность того, что содержание правовой нормы дойдет до ее адресата без искажений.

Чаще всего применение этих инструментов рассматривают в контексте правотворческой деятельности. Именно на этом уровне задаются правила, в соответствии с которыми затем более или менее эффективно будут реализовываться правовые нормы. Это могут быть законодательно установленные процедуры и требования к правоприменителю, система положительных и отрицательных стимулов, а также «подталкивающая» архитектура выбора для исполнителя, юридические гарантии добросовестного поведения участников договорной деятельности. Все эти инструменты должны быть сначала нормативно закреплены, чтобы затем получить свое воплощение на практике [2, с. 37].

Например, исполнение обязанности по уплате административного штрафа поддерживается сочетанием позитивных и негативных материальных стимулов (в первые 20 дней достаточно заплатить только 50% или 75% от суммы штрафа, а после 60 дней — двойной размер (ст. ст. 32.2, 20.25 КоАП РФ) и поведенческих приемов (уведомления о начисленных

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175.

штрафах через единый портал госуслуг, включающие напоминание о возможности и сроках уплаты штрафа в меньшем размере). К реализации права в форме исполнения обязанностей данный пример имеет непосредственное отношение, но вся эта регулятивная модель полностью задана правовыми нормами, т. е. относится скорее к «умному правотворчеству», чем к «умному применению права». То же касается и других форм невластной непосредственной реализации права. Если собственно правовые механизмы, облегчающие рядовому пользователю взаимодействие с правом, были использованы, то произошло это, как правило, на уровне правотворчества.

Дальнейшее развитие установленных законом норм происходит на уровне локального (нормативного) или договорного (индивидуального) регулирования. Здесь средства умного регулирования также применимы, но, по сути, речь идет об аналогичных правотворческих инструментах: согласование интересов всех участников, продуманное сочетание регулятивных средств, установление правил по умолчанию, использование приемов раскрытия информации, ясный язык [3, с. 62] и доступный дизайн документа и т. п.

Можно предположить, что значимость подобного инструментария для обеспечения эффективности действия акта обратно пропорциональна количеству и строгости санкций за его нарушение. Будучи правовыми, и локальные и договорные акты в конечном итоге опираются на силу государственного принуждения. Однако чаще всего речь в них идет не о собственных санкциях, а об отсылке к санкциям, предусмотренным законодательством. Кроме того, основным мотивом соблюдения этих актов является не принудительность, а добровольность принятия субъектами на себя обязательств (именно этот эффект теория умного регулирования пытается перенести на законодательство через использование сорегулирования, механизмов обратной связи и других инструментов делиберативной демократии). Так как действие силовых стимулов к соблюдению локальных и договорных правил ослабевает по сравнению с государственным правовым регулированием, значимость конкретных несиловых средств здесь может быть более заметной. В этих условиях понятность текста и удобство исполнения его предписаний не выглядят как незначительные формальные требования.

Определенную сложность представляют приемы умного регулирования на уровне применения права. Казалось бы, чем ближе регулирование подходит к конкретной жизненной ситуации, тем более гибким и человекоориентированным оно должно быть, тем проще соотнести

применяемые правовые средства с установленными законодателем целями. Но на практике достижение этих эффектов осложняется тем, что правоприменительная деятельность максимально регламентирована процессуальными нормами, а любая дискреция вызывает обоснованные опасения по поводу коррупциогенных рисков.

В то же время одних только процедурных требований недостаточно, чтобы гарантировать обеспечение всех критериев качества правоприменения. Например, определенность и предсказуемость судебного решения — это характеристики, существенно влияющие на достижение целей правоприменительной деятельности, но не программируемые полностью на уровне правовых норм, эту деятельность регламентирующих.

При этом «градус» принудительности при индивидуальном властном регулировании не только не снижается (как это происходит в локальном и договорном регулировании), но даже возрастает по сравнению с регулированием нормативным, так как здесь принуждение из абстрактной угрозы превращается в насилие в отношении конкретного человека. Таким образом, первоначальная задача умного регулирования — оптимизировать принуждение, предложить более эффективные и ресурсосберегающие его альтернативы — на уровне правоприменения не теряет своей актуальности, но приобретает новые формы, сталкивается с новыми сложностями.

Зарубежные исследователи, рассматривая понятие умного правоприменения (*smart enforcement*), выделяют его следующие особенности: ориентир на мотивирование соблюдения регулятивных требований субъектами правоотношений, учет их информированности, «процедурной справедливости», рационализации затрат и выгод всех участников правоприменительного процесса [4, р. 1408; 5, с. 4]. Продолжая ту же логику, заложенную в определение умного регулирования, можно предложить, понимать под умным правоприменением такую организацию правоприменительной деятельности, которая наилучшим (наименее ресурсозатратным) образом позволяет достичь цели правового регулирования.

Основа качественного применения права задается четкими алгоритмами правоприменительной деятельности, определяющими последовательность и содержание всех ее этапов. Такая алгоритмизация необходима для упрощения и упорядочения выполнения правоприменителем своих профессиональных задач, снижения вероятности ошибки, и, кроме того, гарантирует определенный уровень качества коммуникации, повышает понятность и предсказуемость происходящего для всех участников

правоприменительного процесса. Подобные алгоритмы, с одной стороны, задаются процессуальными нормами, а с другой стороны, являются результатом теоретического осмысления данной деятельности, препарирования ее содержания на «элементарные частицы» — правоприменительные операции [6, с. 22; 7, с. 463]. Чем более подробно описана технология, тем меньше остается пространства для возможных ошибок.

Помимо подробных и понятных всем участникам алгоритмов, умное правоприменение может подразумевать использование таких инструментов, как риск-ориентированный подход, учет выгод и издержек, поддержание мотивированного соблюдения регулятивных норм, использование поведенческих приемов для обеспечения конструктивного взаимодействия сторон, языковое качество и аргументированность текста правоприменительного акта и пр.

Некоторые из этих инструментов призваны обеспечить ясность и доступность происходящего для всех участников. Такую роль играют требования к тексту индивидуального правового акта и коммуникативным компетенциям правоприменителя. Другие необходимы для того, чтобы ответить на вопрос, наилучшим ли образом достигаются те цели, ради которых применяемая норма была принята. В некоторых случаях такая цель может быть достигнута и без применения нормы: вместо разрешения конфликта возможен уход от него; снижение избыточного контроля может положительно повлиять на развитие бизнеса.

Таким образом, инструменты «умного», несилового воздействия используются на уровне нормативного и индивидуального регулирования в актах, исходящих от органов публичной власти и негосударственных субъектов. Реализация любого правового акта не может опираться исключительно на страх принуждения, авторитет регулятора или осознание полезности нормы. Эти и другие мотивы всегда действуют в комплексе. Удельный вес и практическая значимость каждого из них в обеспечении действия акта может различаться в зависимости от его вида. Но в любом случае максимальное использование потенциала несиловых средств способно существенно повысить эффективность как нормативного, так и индивидуального правового регулирования.

На стадии непосредственной реализации субъективных прав и обязанностей, где пространства для правового регулирования почти не осталось (субъекту остается уже просто исполнить или использовать адресованное ему нормативное или индивидуальное правовое предписание), сохраняется возможность на управленческом уровне сделать исполнение,

соблюдение или использование права понятным и удобным для пользователя. Например, внедрить памятки, буклеты, информационные сообщения о правах и обязанностях, цифровые платформы, облегчающие обмен информацией, удобный дизайн сайтов государственных органов. Такие меры, хоть и не носят правового характера, в качестве вспомогательных работают на достижение того же результата — с наименьшими издержками достичь цели правового регулирования.

Список источников

1. *Gunningham N., Sinclair D. Smart Regulation // Regulatory Theory. Foundations and applications / ed. by P. Drahos. Canberra, Australia. 2017.*
2. *Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / под ред. М. Л. Давыдовой. М., 2024.*
3. *Давыдова М. Л., Филимонова Н. Ю., Серегина О. Л. Языковые особенности договоров возмездного оказания медицинских услуг: доступность и достаточность // Академический юридический журнал. № 3(81). 2020.*
4. *Blanc F. Smart enforcement in the EU // Journal of Risk Research. 2020. № 23(11).*
5. *Слеженков В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? // Правовая парадигма. 2025. № 2.*
6. *Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций : монография. М., 2023.*
7. *Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53.*

Н. В. Кальченко

Некоторые дискуссионные вопросы аутентичного толкования права

Любому государству, независимо от политико-правовой характеристики, свойственно стремление к повышению эффективности осуществляемой под его юрисдикцией правоприменительной практики, во многом определяющей качественный уровень функционирующей правовой системы. Достижение этой цели обуславливает потребность в создании ряда условий, среди которых немаловажную роль играет единообразное

применение правовых норм субъектами, наделенными соответствующими полномочиями. Минимизация ситуаций, при которых правоприменители вынуждены опираться на собственное субъективное восприятие нормативных положений, — это задача, от решения которой зависит степень полноты реализации государственной воли, выраженной в содержании нормативных правовых актов. Таким образом, толкование права выступает государственно значимым видом деятельности.

Среди всех видов толкования особую роль играет толкование официальное. Это объясняется его способностью воздействовать на правоприменительную деятельность и ее результаты. Между тем в российской юридической науке на протяжении длительного времени сохраняют статус предмета дискуссии отдельные аспекты данного вида деятельности и, в частности, круг субъектов, правомочных осуществлять официальное толкование, а также его правовые последствия.

Аутентичным (от греч. *autentikos* — подлинный, исходящий из первоисточника) считается толкование, которое исходит от субъекта, издавшего толкуемую норму. Примечательно, что в сфере международно-правовых отношений, отличительной чертой которых выступает «горизонтальное» правотворчество, т. е. правотворчество равноправных субъектов (чаще всего государств), возможность толкования норм международного соглашения закономерно признается за всеми его участниками. Логично, что итогам толкования придается наивысшая юридическая сила. Соглашение о толковании отдельных положений договора, достигаемое после его заключения, рассматривается в качестве аутентичного толкования, за которым признается статус неотъемлемой части договора.

Вопрос аутентичного толкования на уровне государства может решаться разными способами и зависит от позиции самого государства, его правовых традиций. В некоторых странах (Финляндия, Греция, Нигерия и др.) право аутентичного толкования законов признано за парламентом.

Следует признать, что из всех возможных видов интерпретационной деятельности аутентичное толкование является наиболее точным, корректным, поскольку только автор может знать, какой именно смысл он хотел вложить в содержание конструируемой им нормы права. Некоторые ученые прямо высказывают убежденность в том, что способность субъекта разъяснять суть своей воли, выраженной в тексте закона, имманентно присуща самому процессу волеизъявления [1, с. 16].

Заметим, что оптимальным следует считать вариант, при котором авторское толкование изначально содержится в нормативно-правовом

акте, фиксирующем толкуемую норму. Это в полной мере соответствует предписаниям юридической техники. Примером может служить Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», статья 3 которого дает четкое разъяснение содержания понятий, используемых в тексте закона.

Практика показывает, что между созданием правовой нормы и ее интерпретацией может быть временной разрыв. Это можно проиллюстрировать на примере ст. 158 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение кражи и содержащейся в уголовном законе с момента введения его в действие в 1996 г. В пункте «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ речь идет о краже, совершенной с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище. Примечательно, что актуальная дефиниция понятия «хранилище» введена в уголовный закон гораздо позже — в 2006 г. Полагаем, что в течение десяти лет, с 1996 г. по 2006 г., происходило доктринальное толкование указанной статьи закона, формировалась соответствующая судебная практика, которая, являясь воплощением «живого» права, способна максимально обнажить те содержательные аспекты применяемых юридических категорий, которые нуждаются в профессиональной интерпретации. Судебные органы, представленные квалифицированными правоведами, способны заниматься этим видом деятельности на высоком профессиональном уровне, в этом состоит их определенное преимущество перед законодателем. Это обстоятельство, наряду с указанным выше, порождает соблазн осуществлять формирование авторской интерпретации на основе результатов судебного правоприменения.

Чаще всего предметом дискуссии среди теоретиков права выступает вопрос относительно возможности аутентичного толкования, результат которого не находит отражения в тексте источника толкуемой нормы, а облекается в форму иного самостоятельного правового акта. Эта идея воспринимается юридическим сообществом неоднозначно, в ней усматривают существенные недостатки. Высказываемые при этом аргументы можно систематизировать следующим образом:

1. Правотворчество и толкование — это два вида деятельности, совершенно разных по своей природе, поэтому их смешение недопустимо; наделение одного государственного органа полномочиями по осуществлению обоих видов деятельности противоречит принципу разделения властей и, в конечном счете, принципам правового государства.

2. Аутентичное толкование, формально нацеленное на разъяснение нормы (норм) конкретного правового акта, фактически представляет собой способ правотворчества в упрощенном порядке. Несмотря на то что

мотивация субъекта аутентичного толкования априори носит позитивную направленность (скорректировать положения акта по результатам выявленных неточностей или коллизий; отразить в нем изменения социального характера, происшедшие с момента принятия первоначального варианта текста; уточнить собственную позицию по тому или иному вопросу и т. п.), его деятельность будет осуществляться вне условий, установленных для процедуры правотворчества.

Свою позицию по данному вопросу обозначил Конституционный Суд РФ, отметив в одном из своих постановлений неприемлемость подхода, при котором конституционные полномочия Государственной Думы РФ по принятию федеральных законов расцениваются в качестве закономерной предпосылки признания за ней права на аутентичное толкование действующих федеральных законов. Суд отметил, что в законотворческом процессе должен участвовать ряд субъектов — обе палаты Федерального Собрания и Президент РФ, обладающий полномочиями подписания и обнародования законов. Следовательно, процедура аутентичного толкования может быть признана легитимной только при условии, что она будет аналогична процедуре принятия закона. Если же разъяснение имеет форму постановления Государственной Думы РФ, т. е. принято без соблюдения требований ст. ст. 105, 106, 107 Конституции РФ, предъявляемых к принятию федеральных законов, то оно не может рассматриваться в качестве акта законодательного органа Российской Федерации. Будучи актом лишь одной из палат Федерального Собрания РФ, такое постановление не является аутентичным разъяснением закона [2].

3. Признание за законодательными органами полномочия толкования результатов собственной правотворческой деятельности может породить у них своеобразное ощущение свободы от жестких рамок, устанавливаемых требованиями юридической техники. Действительно, зачем продумывать и «оттачивать» каждое понятие, положение, если есть возможность впоследствии исправить допущенные правовые «огрехи»? Таким образом, законодатель получает легальную возможность в любой момент прибегнуть к уточнению допущенных неточностей, размытых и неконкретных формулировок, вместо того чтобы стремиться к предупреждению их появления в тексте закона. Следует напомнить, что предусмотренные Конституцией РФ парламентские обсуждения законопроектов нацелены как раз на то, чтобы в условиях максимально эффективного использования всего имеющегося в распоряжении законодателя арсенала средств и приемов юридической техники получить в результате текст, доступный для уяснения всеми субъектами, которым он адресован.

Таким образом, аутентичное толкование федеральных конституционных законов, федеральных законов и законов субъектов Федерации следует признать допустимым при условии, что оно осуществляется правотворческим путем и выражается во внесении соответствующих норм (прежде всего дефинитивного характера) в текст закона.

Отметим, что вопрос приемлемости аутентичного толкования подзаконных нормативных правовых актов, в отличие от авторского толкования законов, не вызывает в среде правоведов столь же острых дискуссий. Можно предположить, что данное обстоятельство обусловлено юридической природой самих подзаконных актов, которые априори не должны противоречить ни Конституции государства, ни законам, реализацию которых они обеспечивают. Более того, толкование такого рода должно служить средством повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Егоров А. В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5.

2. По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»“» и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К. Н. Карпов

Судимость как инструмент социального контроля за лицами, совершившими преступление

Несмотря на то что уголовно-правовая категория «судимость» имеет давнее происхождение, она содержит ряд спорных компонентов, не позволяющих полноценно использовать ее в качестве инструмента уголовно-правового воздействия. Судимость имеет различное понимание в зависимости от контекста и сферы применения. В общеупотребительном значении судимость отождествляется с фактом осуждения лица

за совершение преступления. В то же время в узко юридическом смысле судимость определяет уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, только в случае вступления обвинительного приговора суда в законную силу и только до момента ее погашения либо снятия. Данный статус обозначен в ряде составов преступления как отягчающее обстоятельство (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ) либо как обязательный конструктивный признак состава (ч. 2 ст. 116¹ УК РФ и т. д.). Наличие судимости выступает прямым препятствием для признания лица впервые совершившим преступление как условие для освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 75–76² УК РФ).

Указанные способы контроля за поведением осужденного базируются на презумпции повышенной опасности лиц, совершивших преступление. Происходящие в предшествующие исторические периоды в политическом дискурсе попытки отмены концепции стигматизации и смещения акцента от оценки опасности личности (или даже полного исключения возможности такой оценки) к оценке опасности исключительно совершенного деяния показывают свою нежизнеспособность в свете предупреждения преступности.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие средства уголовно-правового воздействия, обусловленные и непосредственно связанные с особым правовым статусом лица, имеющего непогашенную или неснятую судимость.

1. Установление уголовной ответственности специальных субъектов — лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость в рамках:

а) преступлений, сконструированных по типу уголовной преюдиции (ч. 2 ст. 116¹, ч. 2 ст. ст. 264¹–264³ УК РФ и др.);

б) повышенной ответственности за совершение преступлений при наличии признаков рецидива (в рамках отягчающего обстоятельства (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ)).

в) особо квалифицирующих признаков отдельных составов преступления при наличии специального рецидива преступлений (ч. 5 ст. 131, ст. 132 УК РФ и др.);

г) специальных составов, предусматривающих ответственность за нарушение режима административного надзора.

2. Административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

3. Общеправовые ограничения, предусмотренные федеральными законами и выражающиеся в запрете участия в отдельных видах деятель-

ности, связанной с повышенными требованиями к участникам правоотношений (государственная служба, арбитраж, банковская деятельность, некоторые виды трудовых отношений (педагогическая деятельность и т. д.)).

Е. С. Квасников

Роль правоприменительной практики в совершенствовании уголовного закона

За время своего существования российское уголовное право претерпевало значительные изменения, включая увеличение значения гуманизации, декриминализации ряда деяний, дифференциации уголовной ответственности. Такие правовые явления непосредственно связаны с практикой применения уголовно-правовых норм. Нормотворчество без учета правоприменения часто носит хаотичный характер, что приводит к пробелам и противоречиям в законодательстве [1, с. 6].

Так, по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, за предыдущие 5 лет количество расследованных уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 261¹ УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», составило более 350 тысяч [2]. Причем некоторые лица совершали указанное преступление более 10 раз [3]. Вследствие этого из-за распространенности и повторяемости управления транспортным средством в состоянии опьянения, не достижения целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ, был изменен УК РФ, а именно, в него введены более строгие санкции за неоднократное совершение преступления, предусмотренного ст. 261¹ УК РФ.

Правоприменительная практика также показывает функционал соответствующих норм, между какими уголовно-правовыми нормами возникают коллизии или правовая неопределенность.

В частности, решения высших судов (Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ)) формируют правовые позиции, толкуют закон. Это влияет на его дальнейшее применение и возможные изменения. На основе повторяющихся судебных ошибок или неоднозначных ситуаций законодатель может вносить соответствующие поправки (например, уточнение составов преступлений или санкций) в целях функционирования уголовно-правовой нормы надлежащим образом.

Таким образом, правоприменительная практика демонстрирует необходимость криминализации или декриминализации деяний и в целом влияет на уголовно-правовую политику страны. Так, в связи с распространением противоправных деяний в сфере экономики, безопасности государства и порядка управления законодатель, посчитав это общественно опасным явлением, влияющим на суверенитет государства, предусмотрел уголовную ответственность за невыполнение финансовых обязательств, общественно опасные публичные действия, не выполнение исполнительской дисциплины (например, ст. ст. 171¹–171⁵, 185⁵, 280¹, 280², 285¹–285⁴, 291¹, 322², 322³ УК РФ и др.).

Вместе с тем порой случается, что сформированные правоприменительной практикой правовые позиции фактически подменяют уголовный закон. Например, некоторые правовые позиции КС РФ фактически вынуждают правоприменителя руководствоваться правовой позицией, а не уголовно-правовой нормой. Ярким примером является определение КС РФ от 19 июля 2016 г. № 1640-О [4]. Изложенная в данном документе правовая позиция фактически изменила диспозицию ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности». В диспозиции статьи четко определен исчерпывающий перечень лиц, незаконное освобождение которых влечет за собой уголовную ответственность (подозреваемый и обвиняемый). На основании УПК РФ подозреваемый и обвиняемый — участники уголовного судопроизводства, процессуальные статусы которых приобретаются в установленном УПК РФ порядке.

Согласно правовой позиции КС РФ при квалификации преступления по ст. 300 УК РФ необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование (т. е. избобличенное в совершении преступления на стадии предварительной проверки лица, а не только подозреваемый или обвиняемый). Таким образом, правовая позиция КС РФ фактически расширила диспозицию ст. 300 УК РФ, подменив собой законодателя.

Подводя итог, отметим, что правоприменительная практика служит важным источником для совершенствования УК РФ, обеспечивая его актуальность и эффективность. Вместе с тем формирование правовых позиций не должно подменять букву уголовного закона. Восполнение пробелов в законе, его совершенствование являются функциями законодателя, а не правоприменителя.

Список источников

1. Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3.
2. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.04.2025).
3. О внесении изменения в статью 264¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1142948-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1142948-7> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ставцева Александра Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1640-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М. А. Кожевина

Проблема толкования и реализации права в истории отечественной юридической науки

Проблема толкования и реализации закона в отечественной науке рельефно высветилась в процессе систематизации русского законодательства к середине XIX в. До этого времени в России превалировала практическая юриспруденция, «в которой знания законов сливались с искусством прилагать эти законы к встречающимся случаям гражданской жизни» [1, с. 3]. Знать законы — становилось обязанностью не только юриста-практика, но и обычного человека. Например, И. В. Васильев пояснял это требование времени следующим: «каждый должен... знать законы, чтобы ограждать свою честь, доброе имя — личность, с коей соединено политическое бытие наше..., оградить от притеснений слабого..., оправдать невинного есть торжество души благородной, возвышенной..., охранить законным образом имущество, собственность...» [2, с. 12–13].

Постепенно термин «законоведение» стал наполняться не только практическим, но и научным смыслом. Так, А. Г. Станиславский ввел новое понятие «наука законов», обосновывая свою позицию тем, что «...законодательство — это жизнь. В нем мы живем, движемся и существуем..., устраните мысль о существовании закона, и вы вместе с тем разрушите понятие общества...» [3, с. 5, 8, 9].

Теоретическая юриспруденция стала рассматриваться как неотъемлемая часть создания и толкования положительного права. В своем

труде «Энциклопедии законоведения» (1839–1840) профессор К. А. Неволин впервые разграничил основные понятия «закон», «обычай», «законодательство», «формы законодательства», осуществил классификацию законов по родам и видам, определил способы познания и особенности толкования законов, показал прямую зависимость эффективности реализации законов от толкования [4].

В качестве основного в этом процессе он выделял понятие законодательства, которое рассматривал широко, включая в него не только совокупность законов, но и обычай, а также «учение законоведцев». При этом он пояснял: «Формы, в которых образуется законодательство, суть или обычаи, или законы в тесном смысле сего слова. Средину между теми и другими занимает учение законоведцев. На пути обычая законодательство образуется без особенного сознания и воли человека под господством необходимости; на пути закона — при посредстве сознания и воли. Учение законоведцев представляет соединение в себе того и другого способа образования законодательств» [4, с. 47–48]. Выделив три формы права, ученый также указывает на то, что они могут рассматриваться не только как форма, «в которой образуются (читаем содержатся — М. К.) начала правды», но и как источники этих начал [4, с. 47].

Со временем в российском научном сообществе выработалось общее понимания основных дефиниций. Главная задача виделась в «научной разработке юридического быта» русского народа, позволяющей сформировать обобщающее знание о взаимовлиянии толкования права и реализации права. Посыл этому был определен еще К. А. Неволным. Он указывал на взаимосвязь и взаимовлияние системы человеческих отношений, системы знаний об этих отношениях и системы законов, регулирующих эти отношения. Он писал: «Изучение законов, по истинному его смыслу, имеет своим назначением науку законов, ...присущую нашему духу, так чтобы наше познание законов было полным по его содержанию, стройным по его системному виду» [4, с. 91]. И далее звучит, пожалуй, самый главный вывод: «Но изучение законов должно быть особенно направлено к тому, чтоб разяснить для человека идею правды как вообще, так и в частности по духу известного законодательства, дабы он мог о каждом представляющемся случае и предмете сказать, как сей случай должен быть решен и по общим началам правды, и по особенным началам известного законодательства. Конечно, и богатство сведений в законах важно; но еще важнее это чувство законности, которое дает нам возможность самими судить о праведном и неправедном, и при всех случаях указывает нам непогрешительно то и другое. Одни сведения без такого

чувства составляют мертвое богатство. Для развития и образования чувства законности требуется изучение законодательств не в общих только их чертах, но в самых подробностях...» [4, с. 96]. Ученый предлагает три способа «приобрести познание о законах: практика, чтение законов и сочинений об них, слушание изустных наставлений о законах» [4, с. 97].

Этот опыт нашел отклик в теоретических обобщениях российских правоведов [5–9]. К началу XX столетия в отечественной юридической науке сложилось полное представление о толковании права и его прямой связи с его реализацией. Принимая во внимание, что значительная часть работ по общей теории права с некоторыми различиями содержит сходные рассуждения, обратимся к авторитетному мнению профессора Г. Ф. Шершеневича, который, на наш взгляд, расставил акценты и четко определил содержание понятий.

Ученый указывает на внутреннюю связь толкования права с критикой и аналогией права, рассматривая их в логическом единстве в рамках реализации права, под которым понимает «не что иное, как подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права. Применяются нормы права всеми, кто стремится сообразовать свои действия с указаниями права...» [8, с. 699]. Цель критики права — «определить подлинность нормы и правильность ее текста» [8, с. 716]. «За критикой следует толкование, которое состоит в раскрытии содержания норм права. Критика и толкование — это два момента в установлении большой посылки, которое само представляет только одну из стадий в процессе применения права... Другими словами, критика исследует, как выразился закон, а толкование разыскивает, что содержится в этом выражении» [8, с. 723].

Раскрывая суть толкования права, ученый выделяет способы толкования — обыденный, научный, грамматический, логический, пространительный, ограничительный и т. п. Все они воспринимаются современной наукой аналогично. Г. Ф. Шершеневич считает, что «толкование — процесс совершенно свободный. Его сила заключается в логической убедительности», при этом он видит тесную связь «юридического авторитета» и нравственности, последней в этом процессе отдает предпочтение, так как считает, что толкование не имеет никакой обязательности и все равно, от кого оно исходит. В связи с этим он подвергает критике доктринальное и аутентическое толкование [8, с. 725]. Последнее, считает автор, должно быть издано в форме закона в целях истолкования. «Сила аутентического толкования не в его убедительности, а в его обязательности... это не толкование закона, а закон» [8, с. 726].

Следующий аспект, на который указывает Г. Ф. Шершеневич, связан с определением объекта токования. Он задает вопрос: что им является — мысль или воля, выраженная в норме права? И отвечает: «Воля без мысли непостижима, мысль без воли не будет нормой права». При этом оставляет для научных дискуссий вопрос: «Всякая ли норма права подлежит толкованию?», подразумевая обычаи и административные распоряжения. В то же время ученый призывает к обсуждению и вопроса о том, «все ли законы требуют толкования или только неясные?».

Сам Г. Ф. Шершеневич склоняется к мысли, что толковаться должны все законы, но главное для него заключается в ответе на вопрос: «Чья мысль или воля должна быть раскрыта, законодателя или закона?» [8, с. 729]. Прибегая к мнениям европейских юристов, ученый заключает: «Не то важно, что хотел законодатель, а то, что он успел и сумел выразить в законе» [8, с. 731]. Из чего выводят принципы толкования закона — целесообразности и справедливости, соотнося два вопроса: «Как следует толковать законы — по тому смыслу, какой они имели в момент их издания, или по тому смыслу, какой они получают в момент применения?». Он справедливо отмечает, что второй вопрос логично вытекает из первого. Желание сделать уступку времени — это аргумент в пользу изменения законодательства, а не в пользу извращения смысла закона [8, с. 731].

В этом контексте ученый обращает внимание на исторический опыт составления закона и придает огромное значение историческому толкованию, суть которого видит в сопоставлении и уяснении содержания данного закона с другими, ранее принятыми. При этом он делает акцент на нередкое отождествление его с исторической точкой зрения, которая ориентирована не на внутреннее содержание закона, а на внешние обстоятельства, побудившие законодателя издать закон. В связи с этим он считает недопустимым использование для уяснения закона источников, стоящих вне закона, например, объяснительных записок, протоколов заседаний комиссий по составлению проекта закона и т. д. Вместе с тем ученый видит в этом средство для понимания намерений законодателя в процессе осмысления необходимости изменения закона [8, с. 740–741]. Такой подход, с его точки зрения, позволяет толкующему закон избежать опасности подмены толкования права его аналогией.

Таким образом, толкование закона и его реализация видятся в тесной связи и в широком контексте, от понимания которого зависит эффективность правового регулирования и полнота реализации субъективных прав человека.

Список источников

1. *Морошкин Ф. Л.* Гражданское право по началам российского законодательства // Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1860. Вып. 16.
2. *Васильев И. В.* О сущности и пользе законов вообще и о необходимости изучения законов Отечественных : лекция. М., 1828.
3. *Станиславский А. Г.* О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853.
4. *Неволин К. А.* Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т. 1.
5. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. М., 1904.
6. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. М., 1908.
7. *Рождественский А. А.* Общая теория права. Курс лекций. М., 1909.
8. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1.
9. *Виноградов П. Г.* Очерки по теории права. М., 1915.

О. А. Кожевников

Историко-правовое развитие полномочий Конституционного Суда РФ по толкованию Конституции

Вопросы историко-правового развития конституционного правосудия в России длительное время являются предметом многочисленных правовых и иных исследований. И этому есть очевидное объяснение, поскольку толкование Конституции РФ, полученное в процессе осуществления своих полномочий Конституционным Судом РФ, представляет собой официальное и обязательное интерпретирование норм для всех правоприменителей, в том числе и органов всех ветвей власти как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровне [1]. Вместе с тем объем компетенции федерального органа конституционного контроля относительно толкования положений высшего по юридической силе правового акта страны имеет свою длительную историю, часть которой, очевидно, прошла без упоминания названной компетенции в отношении предшественников современного Конституционного Суда РФ.

Идея формирования в нашей стране специализированного органа, уполномоченного на толкование высшего по юридической силе акта, впервые возникла во второй половине 80-х гг. прошлого века. В результате был создан Комитет конституционного надзора СССР (далее — Комитет), который в соответствии с первоначальной редакцией Конститу-

ции СССР 1988 г. избирался Съездом народных депутатов СССР сроком на 10 лет из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, его заместителя и 21 члена в целях обеспечения представительства каждой из союзных республик. Впоследствии Законом СССР от 23 декабря 1989 г. «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» была увеличена численность Комитета еще на четыре единицы.

Союзный законодатель к полномочиям Комитета СССР отнес следующие компетенции:

1. Выдачу заключений о соответствии проектов законов СССР и иных актов, принимаемых Съездом народных депутатов Конституции СССР.

2. Дачу заключений о соответствии актов и проектов актов Верховного Совета и его палат (Совета Союза и Совета Национальностей) Конституции СССР и законам, принятым Съездом.

3. Наблюдение за соответствием Конституции СССР и законам СССР конституций и законов союзных республик, актов Совета Министров СССР и советов министров союзных республик. В дальнейшем данный весьма абстрактный институт «наблюдения за соответствием» был заменен выдачей «заключения о соответствии» Конституции СССР конституций союзных республик, а также о соответствии Конституции СССР и законам СССР законов союзных республик.

4. Дачу заключений о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов других государственных органов и общественных организаций.

В последствии к компетенции Комитета была отнесена проверка соответствия Конституции СССР законов СССР. Инициировать надзорное производство были вправе депутаты численностью не менее одной трети, Председатель Верховного Совета СССР и высшие органы государственной власти союзных республик. Комитет также наделялся компетенцией дачи заключения о соответствии Конституции СССР и законам, принятым Съездом народных депутатов СССР, актов и проектов актов Верховного Совета и его палат; о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов Совета Министров, международных обязательств СССР и союзных республик [2].

За время своего существования — с мая 1990 г. по декабрь 1991 г. — Комитет принял 23 решения. Следовательно, советский прототип современного Конституционного Суда РФ не имел полномочий по прямому толкованию положений Основного закона государства, а его полномочия

были прообразом современного предварительного и последующего конституционного контроля Конституционного Суда РФ.

15 декабря 1990 г. в Конституции РСФСР впервые появилось упоминание о Конституционном Суде. В поправке, которая была одобрена Вторым Съездом народных депутатов РСФСР, говорилось, что Конституционный Суд РСФСР должен избираться Съездом РСФСР и порядок его деятельности должен быть установлен отдельным законом. Таким законом стал Закон РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР», ч. 2 ст. 1 которого закрепляла полномочия данного суда в части рассмотрения в заседаниях дел о конституционности международных договоров и нормативных актов, о конституционности правоприменительной практики, а также дачу заключений в установленных названным законом случаях. Таким образом, и второй в российской истории орган конституционного контроля не имел полномочий по осуществлению прямого толкования Основного закона страны.

12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме была принята новая Конституция РФ, статьей 125 которой впервые было закреплено право Конституционного Суда РФ давать толкование Конституции СССР по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации. Как неоднократно в своей практике обозначал Конституционный Суд РФ, цель реализации данного конституционного полномочия — устранение неопределенности в понимании конституционных положений, обеспечение их надлежащего применения, соблюдения, исполнения и использования [3; 4]. Кроме того, внесение нормы о толковании Конституционным Судом РФ в текст Конституции РФ обусловлено и потребностью правоприменителей, прежде всего населения, точно понимать содержание норм Конституции РФ, определять их истинный смысл в целях соотнесения с ним реальной юридической практики. Такое толкование позволяет предупредить конфликты между органами власти, нарушение прав и свобод граждан, невыполнение обязательств и другие негативные последствия [5].

Реализуя свои полномочия по толкованию Конституции РФ, Конституционный Суд РФ через закрепление в своих решениях правовых позиций сформировал «конституционно-правовые контуры и границы» своей компетенции по толкованию положений основного закона РФ. Среди них можно упомянуть следующие:

1. Определяя компетенцию Конституционного Суда РФ, Конституция РФ исходит из обязательности ее осуществления в специфической

форме правосудия — конституционном судопроизводстве — и поэтому устанавливает основные признаки этой формы, а именно, круг предметов проверки и инициаторов рассмотрения дел, связанные с этим виды процедур и юридические последствия принимаемых решений. В отношении других судов такая регламентация на конституционном уровне отсутствует [6].

2. Запрос уполномоченных лиц об одновременном толковании нескольких положений Конституции РФ правомерен лишь в том случае, если они неразрывно связаны между собой и имеют единый предмет правового регулирования [7].

3. Результатом толкования конституционной нормы ни при каких обстоятельствах не может быть признание ее недействующей, так как это противоречило бы самой юридической природе толкования Основного закона страны [7].

4. Если поступивший в Конституционный Суд РФ запрос о толковании определенных положений Конституции РФ фактически требует проверки конституционности принятого закона, который ни по форме, ни по содержанию непосредственно не оспаривается, подобный запрос не может считаться допустимым [8; 9].

5. Толкование положений Конституции РФ, конкретизированных в действующем законодательстве, означало бы проверку в ненадлежащей процедуре конституционности тех или иных норм закона, а поэтому соответствующие запросы не могут быть признаны допустимыми [10; 11].

Можно и дальше продолжать перечислять сформированные федеральным органом конституционного правосудия позиции относительно пределов и содержания процедур реализации полномочия Конституционного Суда РФ по толкованию Конституции РФ, которое как мы отмечали ранее, не было закреплено за его предшественниками, однако уже упомянутые позиции наглядно свидетельствуют о наличии поступательного историко-правового развития института толкования положений Основного закона.

Данные Конституционным Судом РФ толкования Конституции РФ за всю историю реализации Судом названной компетенции затронули практически все сферы общественных отношений, в том числе и положения, ставшие фундаментом для развития и совершенствования гражданского, административного, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального законодательства, вопросов социального обеспечения, организации публичной власти, осуществления политических прав и др. Важнейшую роль деятельности Конституционного Суда РФ по толкова-

нию и обеспечению соблюдения Конституции РФ неоднократно в своих выступлениях отмечал Президент РФ. Так, на одной из встреч с Председателем Конституционного Суда РФ он отметил, что «Конституция — это фундамент всей правовой системы государства», а роль Конституционного Суда «как высшего органа контроля за конституционными положениями имеет непреходящее значение» [12]. Полагаем, что данные слова ярко подчеркивают значение Конституционного Суда РФ и его исключительную прерогативу интерпретировать волю народа, выраженную в Основном законе государства, которая, в свою очередь, определяет и пути развития российской правовой системы [13, с. 167].

Список источников

1. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ст. 106). Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komitet-konstitutsionnogo-nadzora-sssr-v-gosudarstvenno-pravovoy-istorii-rossii-opyt-pravovogo-regulirovaniya-organizatsii-i> (дата обращения: 02.05.2025).

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Законодательной Думы Хабаровского края о толковании части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 36 Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 269-О-О.

4. *По делу* о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 134-О.

5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tolkovaniya-konstitutsii-rf-konstitutsionnym-sudom-rf> (дата обращения: 02.05.2025).

6. *По делу* о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П.

7. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Федерального Собрания о толковании положений статьи 80 и части 2 статьи 95 Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 декабря 1995 г. № 137-О.

8. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Ярославской области о толковании пункта «т» статьи 71, пункта «н»

части 1 статьи 72 и части 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1997 г. № 4-О.

9. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1997 г. № 14-О.

10. *О прекращении* производства по делу о толковании положений статьи 95, части 2 статьи 96, пунктов 7 и 8 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 1995 г. № 80-О.

11. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы Омского городского Совета как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 1997 г. № 20-О.

12. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/751ec1a8> (дата обращения: 02.05.2025).

13. Романовская Л. Р. Конституционный Суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 2.

Ю. Л. Корабельникова

Реализация принципа взаимодействия и сотрудничества в деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе

Современная политическая обстановка и связанные с ней существующие и новые вызовы и опасности ставят вопрос об использовании таких форм организации и деятельности органов публичной власти, которые способны эффективно обеспечивать безопасность личности, общества и государства. Это касается и такой специфической области деятельности данных органов, как взаимодействие. Оно занимает важное место в структуре взаимоотношений органов, непосредственно осуществляющих обеспечение безопасности в городе.

Статьей 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» впервые закреплено взаимодействие и сотрудничество в качестве одного из принципов деятельности полиции. Взаимодействие с федеральными и региональными органами исполнительной власти, иными органами публичной власти, общественными объединениями и организациями

как неотъемлемая часть деятельности МВД России и его территориальных органов в городах федерального значения предписано также Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Приказом МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 аналогичным образом предусмотрен принцип взаимодействия в деятельности территориальных органов в городах и городских районах. Причем организация взаимодействия и координации деятельности исполнительных органов субъектов РФ и территориальных органов внутренних дел возложена на высших должностных лиц регионального уровня [1].

Кроме того, полиция в своей деятельности осуществляет взаимодействие с Международной организацией уголовной полиции (Интерполом) [2], органами полиции и компетентными правоохранительными органами зарубежных государств, с которыми заключен ряд многосторонних (например, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.) и двусторонних (например, Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Болгарии о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями и финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем от 7 июня 1999 г.) договоров в сфере обеспечения безопасности. Безусловно, в современный период развития информационных технологий, прозрачности государственных границ для киберпреступности, распространения транснациональной преступности взаимодействие в любых законных формах является необходимым для повышения эффективности деятельности полиции [3, с. 194].

Таким образом, в сфере обеспечения безопасности в городе взаимодействие органов публичной власти может быть разделено на внутриведомственное и межведомственное. Внутриведомственное взаимодействие состоит в согласованном, объединенном единой целью осуществлении службами и подразделениями органов внутренних дел комплекса управленческих функций, функций по непосредственному осуществлению правоохранительной деятельности, направленных на обеспечение безопасности в городе. Межведомственное взаимодействие представляет собой согласованную деятельность органов полиции с органами и подразделениями правоохранительной системы РФ, иными органами публичной власти, а также общественными объединениями правоохранительной направленности, частными охранными организациями по обеспечению безопасности в городе. Взаимодействие, как правило, осуществляется по инициативе одного из субъектов при необходимости расширения их компетенционных возможностей, привлечения

дополнительных сил и средств, получения информации для обеспечения безопасности в городе при определенных условиях [4, с. 5].

О значении межведомственного взаимодействия в деятельности органов внутренних дел свидетельствует функционирование в системе МВД России Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ, а в территориальных органах МВД России на региональном уровне — отделов (отделений, групп) по взаимодействию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [5], на которые возложены координационные функции. Со стороны региональных исполнительных органов они делегированы одному из подразделений, например, в Кемеровской области — Кузбассе в структуре Правительства создан департамент правоохранительных органов. В результате отличительной особенностью деятельности органов полиции данного уровня является тесное взаимодействие с другими федеральными органами исполнительной власти, расположенными на территории субъекта, региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления в городах.

Преступность считается одной из серьезных угроз безопасности в городе, в связи с этим к важнейшим сферам взаимодействия органов внутренних дел РФ с иными органами публичной власти Указом Президента РФ [6] отнесена координация деятельности правоохранительных органов именно в данной области. В перечне правоохранительных органов, осуществляющих координацию, органы внутренних дел РФ закреплены первыми, несмотря на то что координирующие функции возложены на прокуроров.

К основным направлениям взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами в сфере борьбы с преступностью в целях обеспечения безопасности в городе относятся следующие:

- выполнение федеральных и региональных программ борьбы с преступностью;

- совместная аналитическая деятельность в целях прогнозирования тенденций развития преступности и разработки научно обоснованных предложений о предупреждении преступлений;

- обобщение практики выполнения международных договоров РФ, применения российского законодательства в сфере борьбы с преступностью в целях совершенствования правового регулирования и развития правоохранительной деятельности;

- изучение и распространение положительного опыта совместной деятельности правоохранительных органов, подготовка информацион-

ных материалов по вопросам борьбы с преступностью и их направление в органы публичной власти в необходимых случаях.

Таким образом, важность взаимодействия и координации между органами внутренних дел и органами публичной власти в городах и районах обусловлена объективными причинами. Во-первых, предпринимаемые территориальными органами внутренних дел меры по борьбе с преступностью, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности реализуются с учетом особенностей городской среды. Во-вторых, негативные тенденции в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка в городе, усугубление существующих и формирование новых вызовов и опасностей приводят к необходимости комплексного подхода в обеспечении адекватного уровня безопасности, предполагающего участие различных органов публичной власти на всех уровнях государственного и муниципального управления.

Список источников

1. *Вопросы взаимодействия и координации деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти* : указ Президента РФ от 2 июля 2005 г. № 773.

2. *Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции — Интерпола* : указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113.

3. *Киричѐк Е. В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

4. *Белоконь А. В.* Взаимодействие органов внутренних дел с организациями правоохранительной направленности в охране общественного порядка : учеб. пособие. Краснодар, 2018.

5. *О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России* : приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333.

6. *О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью* : указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567.

Конституционный контроль как инструмент совершенствования законодательства

Проблема качества и системности законодательства является одной из центральных в теории и практике современного государства. Динамизм общественных отношений, неизбежная политизация законотворческого процесса и часто низкий уровень юридической техники приводят к принятию норм, которые могут вступать в противоречие с Основным законом, друг с другом или содержать правовые пробелы. В этих условиях именно конституционный контроль, осуществляемый специализированными органами правосудия, становится важнейшим инструментом поддержания правового порядка и совершенствования законодательного массива.

Конституционный контроль — это специальная деятельность уполномоченных государственных органов (чаще всего конституционного суда) по проверке соответствия нормативных правовых актов и международных договоров конституции государства. Его главная цель — обеспечение верховенства Основного закона и защита основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина.

Различают две основные формы контроля.

1. Предварительный (превентивный) контроль — проверка закона до его вступления в силу. Эта форма позволяет предотвратить принятие неконституционных норм.

2. Последующий контроль — проверка уже действующих законов и иных нормативных актов. Он осуществляется, как правило, по запросам уполномоченных органов или жалобам граждан.

Именно последующий контроль играет наиболее значимую роль в совершенствовании законодательства, так как работает с реальными действующими нормами, выявляя их недостатки в практике применения.

Влияние конституционного контроля на законодательство многогранно и проявляется в нескольких ключевых аспектах. Наиболее очевидная роль — признание законов или их отдельных положений не соответствующими Конституции и утратившими силу. Это прямое устранение из системы законодательства «правового брака». Как справедливо отмечал классик теории конституционной юстиции Г. Кельзен, конституционный суд является «негативным законодателем», поскольку он вправе отменять акты, принятые парламентом — «позитивным законодателем» [1, с. 103]. Однако современная доктрина и практика значительно расширили это понимание.

Традиционная модель, восходящая к Г. Кельзену, рассматривает конституционный суд исключительно как орган, отсекающий неконституци-

онные нормы. Безусловно, эта функция остается фундаментальной. Признание закона недействующим устраняет противоречия из правового поля, выполняя тем самым «санитарную» роль.

Однако конституционные суды давно перестали быть лишь «вето-игроками». Через процесс «нормативной конкретизации» они активно участвуют в формировании правопорядка, становясь *de facto* соавторами законодательной политики. Этот процесс осуществляется через выработку правовых позиций — обязательных судебных интерпретаций конституционных норм применительно к проверяемому акту.

Правовые позиции Конституционного Суда — это выводы и умозаключения правового характера, являющиеся основанием для итогового решения Суда и имеющие обязательное значение. По мнению российского ученого С. А. Авакьяна, Конституционный Суд выступает в роли второго законодателя [2, с. 206]. Правовые позиции становятся нормативным ориентиром не только для правоприменителя, но и для самого законодателя, определяя вектор дальнейшего развития регулирования в той или иной сфере. В статье 136 Конституции РФ говорится, что поправки к главам 3–8 Конституции принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и было не ясно, какой это должен быть акт. В постановлении от 31 октября 1995 г. о толковании ст. 136 Конституционный Суд РФ определил, что ее положения «могут быть реализованы только в форме специального правового акта о конституционной поправке, имеющего особый статус и отличающегося как от федерального закона, так и от федерального конституционного закона». Этот особый правовой акт в резолютивной части постановления Конституционного Суда получил наименование «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации». По существу, Конституционный Суд ввел новый вид закона, без которого теперь система федеральных источников не может быть полностью охарактеризована [3, с. 43].

Совершенствование законодательства конституционный контроль происходит по нескольким ключевым направлениям.

1. Устранение системных противоречий и пробелов. Конституционный Суд, оценивая отдельную норму, рассматривает ее в контексте всей правовой системы. Это позволяет выявлять и устранять межотраслевые коллизии. Более того, Суд часто не просто отменяет норму, а указывает на существующий пробел. Например, в постановлении от 28 января 2020 г. № 5-П Конституционный Суд РФ обратил внимание на неопределенность в пенсионном законодательстве и фактически обязал феде-

рального законодателя установить справедливый механизм индексации пенсий, что повлекло за собой внесение изменений в федеральные законы [4].

Решения суда, содержащие поручения законодателю, являются мощным катализатором правотворчества. Н. С. Бондарь определяет это как «правовую стимуляцию законодателя к осуществлению своей конституционной обязанности по устранению пробелов и дефектов правового регулирования» [5, с. 112]. Законодатель оказывается перед необходимостью детализировать и развивать правовое регулирование в заданных судом конституционных рамках.

Конституционный контроль придает абстрактным конституционным нормам живое практическое содержание. Толкуя закон в соответствии с Конституцией, суд адаптирует старое законодательство к новым общественным реалиям без его формальной отмены. Судьи при толковании права должны стремиться к выявлению лучшего морального обоснования правовой системы, таким образом, конституционное правосудие «оживляет» закон, наполняя его актуальным смыслом.

Сам факт существования действенного конституционного контроля оказывает превентивное воздействие на законодателя. Осознание возможной проверки заставляет участников законотворческого процесса повышать качество юридической техники, проводить широкую экспертизу на конституционность и тщательнее взвешивать соответствие предлагаемых мер высшим правовым ценностям.

Можно сделать вывод, что конституционный контроль является не столько барьером на пути законодателя, сколько инструментом диалога между властями, направленным на совершенствование права. Эволюционировав от классической роли «негативного законодателя», он приобрел сложные созидательные функции.

Таким образом, конституционный контроль выступает незаменимым институциональным механизмом «самоочищения» и постоянного развития правовой системы. Он обеспечивает ее гибкость, стабильность и соответствие динамично развивающимся общественным отношениям, гарантируя верховенство права и защищая конституционные ценности.

Список источников

1. Шустров Д. Г. Толкование в конституционном праве: теоретические основы. 2022.
2. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.

3. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие. В 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Т. 2.

4. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

5. По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О. В. Морозовой : постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Кузнецов

Криминалистический анализ юридических фактов как метод информационного обеспечения деятельности по расследованию преступлений

В историческом аспекте развитие криминалистических знаний проходило в сложных условиях. Поскольку разрабатываемые криминалистикой средства, приемы и методы в настоящее время находятся в области правовых явлений, то данную науку стали относить к юридической сфере. Большинство криминалистов признают теоретико-доказательственную концепцию, суть которой заключается в познании закономерностей возникновения, собирания, исследования и использования доказательственной информации. Среди зарубежных авторов распространена прагматическая концепция (приемы и способы раскрытия и предупреждения преступления). В отечественной криминалистике представляет интерес следоведческая концепция (технологии и средства практического следоведения), информационно-познавательная концепция (возникновение и движение уголовно-

релевантной информации в сфере раскрытия преступлений) и иные. Мы исходим из того, что криминалистика — это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [1, с. 65].

В структуре познавательной деятельности касательно раскрытия, расследования преступлений могут применяться различные методы (общенаучные, используемые в науках естественного, технического и гуманитарного цикла). Отдельные задачи, стоящие перед криминалистикой, потребовали приспособления всевозможных методов к практике получения доказательственной информации. Анализ как прием исследования любых объектов в криминалистике приобрел статус метода исследования от общих к его частным свойствам. И главным в этом отношении будет для нас цель такого анализа (исследования), в частности информационное обеспечение деятельности следователя (дознателя). Отметим позицию А. В. Дулова, который в свое время связал метод криминалистического анализа с системным подходом в исследованиях [2, с. 53]. Поэтому выделяют два уровня исследования при использовании криминалистического анализа: теоретический и практический. Таким образом, метод криминалистического анализа — это метод подхода к выявлению преступной деятельности, ее механизма во времени, становления и развития, сущность которого состоит в условном расчленении исследуемого объекта (преступной деятельности) на отдельные составные части [3, с. 54]. При этом нужно заметить, что такие составные части не только должны изучаться отдельно, но и рассматриваться в своей совокупности при наличии определенного круга признаков, позволяющих относить в целом объект к фактам, имеющим доказательственное значение. Чем полнее будет выполнен анализ, тем эффективнее будет организовано расследование.

Процесс криминалистического анализа связан с решением задач, определяемых объемом поступающей информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, а также процессом доказывания. Последний приобретает строго процессуальную форму и протекает в виде отношений, регулируемых УПК РФ. В ходе криминалистического анализа используются понятия объема информационных потоков (исходных фактических данных), систем доказательственных фактов. Здесь основным является выделение, объяснение (обоснование) отдельных проти-

воречий, относящихся к доказательственному факту, которые, в свою очередь, могут привести к выявлению ложных утверждений и определению направлений достоверного установления факта. В доказывании важно, чтобы полученная информация была достаточной (в определенных пределах) и непротиворечивой. При таком подходе, по мнению В. Я. Колдина, формируются типовые технологии криминалистического исследования: аналитические, информационные и логические [4, с. 5]. И сегодня научно-технический потенциал криминалистики (рассматривая проблематику использования в доказывании технических средств криминалистической техники и тактических рекомендаций тактики), судебной экспертизы (применение апробированных методов с учетом, например, искусственного интеллекта и разработка методик проведения перспективных исследований) связывают с понятием источника криминалистической информации. В современных условиях их классификация, выбор источника, способ его воспроизведения имеют как техническую, так и юридическую природу. Основной задачей будет являться установление доказательственных фактов. Аналитические и логические технологии успешно применяются для исследования источников фактических данных и для взаимосвязи установленных фактов. Например, процесс формирования (выдвижения) и проверки (оценки) криминалистических версий проводится по результатам криминалистического анализа материалов уголовного дела (если речь идет о этапе предварительной проверки, то методическое и научно-техническое обеспечение в сочетании с фактологическим анализом обеспечат принятие правильного тактического решения).

Вопросы теоретического обоснования понятия и направлений криминалистического анализа в криминалистике обсуждаются достаточно давно и принципиальных расхождений во мнениях авторов не наблюдается. Когда речь заходит о практической части применения криминалистического анализа для обеспечения, расследования преступлений, возникают проблемные вопросы одновременного использования положений уголовного процесса, криминалистики и иных наук, основные положения которых необходимы при получении доказательственных фактов. При этом нужно помнить, что в процессе работы по уголовному делу следователь получает сведения о достаточно большом количестве промежуточных (вспомогательных) фактов. Не все такие данные входят в предмет доказывания по уголовному делу, но это не означает, что они не должны использоваться для процесса доказывания. Например, благодаря диагностированию поведения допрашиваемого следова-

тель принимает решение о выборе того или иного тактического приема и такой выбор наиболее затруднителен. Информационное обеспечение подготовительных процедур в таких случаях выступает основой принятия тактического решения. Наиболее перспективным направлением можно признать разработку технологий работы с юридическими фактами с учетом использования положений отраслевых юридических наук [5, с. 134].

Любые юридические факты должны быть оформлены в каком-либо виде. Поэтому в содержание криминалистического анализа включаются такие понятия, как фиксация, удостоверение и доказывание юридических фактов. В криминалистической литературе акцент делается на указание объектов фиксации — на преимущественно материальные образования, а также на средства и методы фиксации. Понятие фиксации рассматривается чаще всего применительно к конкретному виду объектов фиксации. Удостоверение состоит в подтверждении истинности фактов, их существования. Фиксация и удостоверение факта нередко сливаются в едином акте (например, нотариальное удостоверение сделки), но они могут существовать и порознь (например, удостоверение подлинности документа, аутентичности копии). Криминалистика, оперируя юридическими фактами, разрабатывает рекомендации по обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательственной информации. Что касается работы с юридическими фактами, то их технологии должны строиться применительно к преступной деятельности и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Криминалистическому анализу подвергаются связи системы «преступление» с другими системами, а также следы-отражения, образующиеся на всех стадиях совершения преступления; немаловажное значение имеет и субъектно-функциональный анализ. Криминалистический анализ — это не только теоретические разработки возможностей познания преступления, но и практическая деятельность следователя.

По нашему мнению, в зависимости от вида аналитической работы необходимо различать криминалистический анализ как вид научной деятельности, в ходе которой изучаются и обобщаются криминальная и следственная практика, формулируются научные положения и разрабатываются рекомендации практике (это ретроспективный криминалистический анализ) и криминалистический анализ, осуществляемый в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (это оперативный криминалистический анализ) [6].

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск, 1998.
3. Оржинская Э. И. Метод криминалистического анализа преступления: определение, основные задачи и элементы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56).
4. Колдин В. Я. Криминалистический анализ : монография. М., 2016.
5. Кисленко С. Л., Менжега М. М. Юридические факты и технологии криминалистической деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск, 2023. Т. 25, № 1.
6. Чурилов С. Н. К вопросу о криминалистическом анализе следственной ситуации. URL: <https://naukarastudent.ru/17/2658/> (дата обращения: 02.02.2025).

Г. М. Лановая

Соотношение реализации права и его применения: вопросы теории

В настоящее время почти общепризнано представление о правоприменении как об особой форме реализации права. Вместе с тем, когда в науке какое-либо положение принимается за устоявшееся, возникает опасность того, что, полагая его самоочевидным, исследователи перестанут задаваться вопросом, описывает ли оно существующие на самом деле объекты, связи и закономерности либо это результат домисливания правовой реальности, ее идеализации или упрощения.

Такая опасность вполне реальна, когда речь идет о соотношении реализации права и правоприменения. Об этом свидетельствуют три факта.

1. Признание правоприменения особой формой реализации права чаще всего позиционируется в качестве предзаданной установки, в обоснование которой не приводится каких-либо аргументов [1, с. 134; 2, с. 38, 40–41; 3, с. 46–47, 49].

2. В тех редких случаях, когда аргументы приводятся, они выглядят доводами, скорее опровергающими, чем подтверждающими тот тезис, к которому относятся. При этом описанию отличительных особенностей правоприменения уделяется гораздо большее внимание, чем свойствам, сближающим применение норм права с их исполнением, использованием и соблюдением [4, с. 48; 5, с. 20].

3. Среди ученых-юристов находятся те, кто подвергает сомнению саму возможность рассматривать правоприменение в одном ряду с исполнением, использованием и соблюдением норм права в качестве формы правореализации [6, с. 144; 7, с. 13–14; 8, с. 182–183; 9, с. 146].

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что вопрос о соотношении реализации права и его применения сохраняет свою актуальность.

Наиболее веским аргументом в обоснование мнения о том, что правоприменение — не форма реализации права, является отсутствие общего, единого основания для выделения в качестве форм реализации права его соблюдения, исполнения, использования и применения [7, с. 13; 9, с. 146]. Постулирование того, что применение права — особая форма, решением проблемы стать не может: не будучи подкрепленным убедительной аргументацией, оно воспринимается как провозглашение теоретической фикции, необходимость в которой возникает в условиях отсутствия у юридической науки ответа на вопрос, как в действительности соотносятся между собой реализация права и его применение.

Не дает оснований для того, чтобы признать правоприменение одной из форм реализации права, и подход, в рамках которого исполнение, использование и соблюдение обозначаются как «разновидности» индивидуальной формы реализации права, а правоприменение маркируется в качестве «разновидности» коллективной формы наряду с договорной и правозащитной «разновидностями» [10, с. 11–12]. Его автор не предлагает теоретической модели, которая основывалась бы на однозначно интерпретируемых суждениях и была бы логически не противоречивой.

Например, указывая, что индивидуальная форма «предполагает наличие лишь одного субъекта права» [10, с. 12], автор одновременно пишет, что она «предусматривает реализацию права как одним субъектом (единолично), так и опосредованно с иными субъектами» [10, с. 12]. Характеризуя коллективную форму реализации права («разновидностью» которой называется правоприменение), автор отмечает, что она выражается «в комплексе ... действий двух и более самостоятельных субъектов права в кооперации либо одного коллективного субъекта...» [10, с. 13]. Руководствуясь приведенным описанием, проблематично провести четкую границу между «индивидуальным» и «коллективным», в частности, отличить правоприменение, осуществляемое должностным лицом единолично, от «индивидуальной формы реализации права», а реализацию норм права в форме соблюдения, исполнения или использования коллективным субъектом (например, политической партией) — от правоприменения.

Существенным обстоятельством, не позволяющим признать правоприменение формой реализации права, выступает то, что первое отличается от второго своими целями: «целью реализации права является воплощение правовых предписаний в жизнь ... целью правоприменения является разрешение конкретного юридического дела» [8, с. 182].

Сложно игнорировать и то, что фактически правоприменитель не реализует применяемые нормы, это делают адресаты вынесенного им акта. Более того, наличие правоприменительного акта еще не означает реализации той нормы, на основании которой он был издан, и даже не предопределяет ее. Норма права может остаться нереализованной, например, в ситуации, когда истец не будет требовать с ответчика взыскания, установленного решением суда, или в ситуации, когда лицо, признанное судом виновным в совершении преступления, скроется и уклонится от отбывания наказания.

Кроме того, противники признания правоприменения формой реализации права справедливо указывают, что «сами правоприменители, осуществляя свою деятельность, реализуют ... соответствующие процессуальные или процедурные нормы права, регламентирующие эту деятельность» [6, с. 144]. И «если отождествлять правоприменение с одной из форм реализации права, то тогда получается, что правоприменение, будучи одной из форм реализации права, осуществляется в иных формах реализации права» [8, с. 183].

Отдельно следует упомянуть еще об одном обстоятельстве: постулирование тезиса о том, что правоприменение является особой формой реализации права, не согласуется с представлениями, сложившимися о месте применения права в механизме правового регулирования. В теории правового регулирования правоприменение чаще всего рассматривается в качестве его факультативной стадии. Признание его таковой подразумевает осознание того, что оно не может быть одновременно формой реализации права, которую называют самостоятельной стадией того же самого процесса.

Раз правоприменение не является формой реализации права, необходимо вернуться к вопросу о том, как все-таки они соотносятся между собой.

Высказывается мнение, что применение права — это «особый тип осуществления права» [11, с. 396; 12, с. 276]. Однако выделение правоприменения в качестве типа осуществления права может быть лишь результатом применения в исследовании типологии последнего как метода, предполагающего дифференциацию нескольких типов. Возникает вопрос: какие еще, помимо правоприменения, имеются типы осуществления права? Кроме того, так как реализация права есть его осуществление, актуализируются все те же самые вопросы, появившиеся в связи с признанием правоприменения особой формой реализации права.

Сложно согласиться и с тем, что правоприменение можно рассматривать в качестве средства, способа или метода реализации норм права [6, с. 146; 9, с. 146]. В действительности «между вынесением правоприменительного акта и фактом реализации отсутствует непосредственная взаимосвязь» [7, с. 13], путем применения права лишь создаются условия, без которых реализация права в данном конкретном случае не может состояться. Таким образом, речь идет не об осуществлении реализации права, а о ее обеспечении.

Неконкретным видится указание, что «применение права есть ... часть процессов правового регулирования, имеющих место после создания правовых норм» [13, с. 111–112]. Возникает вопрос: о какой именно части правового регулирования идет речь, каково место применения права в правовом регулировании?

Представляется, что результаты проведенного анализа указывают на правоту тех исследователей, которые полагают, что правоприменение — одна из форм индивидуального правового регулирования [7, с. 14; 14, с. 70].

Во-первых, для правоприменения в полной мере характерны все те свойства, которые рассматриваются в качестве признаков индивидуального правового регулирования.

Во-вторых, оно играет в механизме правового регулирования ту же роль, что и другие формы индивидуального правового регулирования.

В-третьих, признание правоприменения формой индивидуального правового регулирования позволяет объяснить его принципиальное отличие от исполнения, соблюдения и использования норм права, не прибегая к постулированию теоретических допущений или к маскировке логических противоречий.

Будучи формой индивидуального правового регулирования, правоприменение предшествует реализации норм права в случаях, когда в нем возникает необходимость как в средстве обеспечения правореализации.

Список источников

1. Кожевников В. В. Правоприменение. Антология научных статей. М., 2021.
2. Макуев Р. Х. Применение права как особая форма реализации права // Государство и право. 2019. № 3.
3. Мецгер А. А. Некоторые аспекты правоприменения как юридической формы обеспечения гарантий реализации личных прав и свобод граждан // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1.

4. Максимов Г. Б. Применение права — особая форма реализации права // Право и практика. 2013. № 1.
5. Решетов Ю. С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2(20).
6. Афанасьев В. С., Жихорева Р. Е. Является ли правоприменение формой реализации норм права? // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза. М., 2017.
7. Марина И. Н. Средства повышения эффективности применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Осипов М. Ю. Системы в праве и правовые процессы. М., 2017.
9. Тонков Е. Е., Коваленко В. И., Пожарова Л. А. Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 2(121).
10. Мельников С. А. Индивидуальная и коллективная формы реализации права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.
11. Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007.
12. Чернова Э. Р., Ямищикова С. Л. К вопросу о применении права как одной из форм реализации права // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1.
13. Дробышевский С. А., Матвеева Л. С., Протопопова Т. В. Применение права: проблемы теории и истории. М., 2024.
14. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование. Иркутск, 2020.

В. Ф. Луговик

Реализация конституционного права граждан на конфиденциальное осведомительство

Сложность реализации конституционного права граждан на конфиденциальное осведомительство связана с противоречивым нравственным отношением к этому явлению. На обыденном уровне его однозначно приравнивают к таким морально сомнительным понятиям, как «стукачество», доносительство, шпионаж, сексотство и др. Случайные идеологически ориентированные участники дискуссии, не погруженные в процесс борьбы с преступностью, оценивают осведомительство через призму именно

этих стереотипов, извращая его морально-этическую и аксиологическую суть, искаженно домысливая ее нравственно-этическое содержание.

Нужно признать, что осведомительство в уголовно-правовой сфере остается на периферии научных исследований. До сих пор нет четкого научного решения этой проблемы. Одна из причин, на мой взгляд, в том, что многие представители юридического научного сообщества внутренне не согласны с порицающей осведомительство обывательской позицией, но, опасаясь прослыть «недемократичными» и «нелиберальными», внешне осуждают конфиденциальное сотрудничество либо старательно замалчивают свое отношение к нему. Таким образом, ученый-правовед ассимилировался с двуличным обывателем, внешне осуждающим конфиденциальное сотрудничество с властью, но втайне готовым к осведомительству. Это напоминает то, что французский философ Жюльен Бенда называл «предательством интеллектуалов» — своего рода конформизмом в научной среде.

Длительное игнорирование темы профессионалами повлекло то, что с 90-х гг. XX в. ею заинтересовались философы, психологи, социологи и даже лингвисты, и именно ими проблема была переведена в плоскость открытого дискурса. Возможно, это позитивная тенденция, позволяющая взглянуть на осведомительство под новым углом. Однако пока я вижу, что многие выводы делаются на основе слухов, литературно-художественных произведений и бытовых разговоров, а не достоверных данных, а фантазиями, облеченными в яркие художественные образы или публицистические формы, пытаются заместить отсутствие или нежелание доступа к достоверной статистике и придать правдивость нелепым утверждениям. Это создает почву для негативной мифологизации явления.

Для оценки идеи конституционализации осведомительства обратимся к международному опыту. Так, в 2014 г. Комитетом министров Совета Европы были разработаны рекомендации и принципы защиты информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности [1]. Отметим, рекомендации европейского сообщества согласно западной доктрине относятся к «мягкому праву», носят характер предложений и не поддерживаются санкциями. Тем не менее в течение последующих пяти лет идеи рекомендаций были имплементированы в законодательство многих европейских стран и реализованы в международных правовых актах [2]. В дальнейшем, видимо, для придания большей нормативности положениям о защите осведомителей Европейским парламентом и Советом была принята Директива 2019/1937/ЕС «О защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза», которая в Европейском Союзе

вступила в силу 16 декабря 2019 г. В директиве, которая в отличие от упомянутых рекомендаций уже является нормативным правовым актом, общественная полезность и значимость информаторов расценивается как данность, и на нескольких десятках страниц достаточно подробно регламентирован порядок защиты осведомителей, определены гарантии их безопасности; дан перечень законов, о нарушениях которых могут сообщать осведомители, и другие положения.

Директива не регулирует правоотношения осведомителей полицейских, таможенных и иных правоохранительных органов («информаторов или зарегистрированных в качестве таковых в базах данных, управляемых органами, назначенными на национальном уровне» — п. 30 Директивы). Иными словами, осведомительство, регламентируемое комментируемой директивой, является дополнительным информационным ресурсом, финансируемым и организационно обеспеченным за счет иных источников и не управляемым спецслужбами и правоохранительными органами. Другими словами, это как раз то, что можно назвать прямым участием граждан в делах государства.

Как отмечается в п. 31 Директивы, лица, которые сообщают информацию об угрозах или вреде общественным интересам в контексте своей трудовой деятельности, используют свое право не только на свободу выражения мнений, но и закрепленную в статье 11 Устава Европейского Союза и в статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на получение и распространения информации, свободу и плюрализм мнений [3].

Вместе с тем в Директиве содержатся ограничения на использование осведомителей и обращается внимание на необходимость взвешенного и осторожного обращения с поступающей информацией. Ограничения касаются использования адвокатской (п. 26) и врачебной тайны (п. 27), а также секретной информации (пп. 24, 25).

Допустимо ли утверждать, что мировое развитие осведомительства выступает симптомом морального разрушения человечества? Может, человечество забыло моральные идеалы, а мы, ловко уворачиваясь от угрызений совести, пытаемся интеллектуальными приемами подменить извечные моральные ценности сугубо утилитарными решениями? Не добавляем ли мы масла в огонь доминирующей бездуховности, оправдывая и развивая концепцию осведомительства?

Я уже отметил, что осведомительство относится к явлениям, которым даются диаметрально противоположные оценки — от полного неприятия до восторженного превозношения и универсального средства

борьбы с преступностью. В российском медийном пространстве чаще всего его рассматривают и анализируют с употреблением таких критичных эпитетов и метафор, как «стукачество», наушничество, фискальство и др. На этом фоне в обществе доминирует и насаждается трагическое мироощущение. В этом участвуют средства массовой информации, политики, блогеры, публицисты и так называемые лидеры общественного мнения. Это модно, привлекает внимание людей, отвлекает от решения насущных задач. Иногда осведомительство и осведомители приобретают форму имен собственных: гапон, азеф, ванька-каин и др., но в любом случае мы сталкиваемся с эмоционально осуждаемой окраской явления и вполне определенным смыслом, вкладываемым в понятие. Да собственно и общепризнанного понятия-то нет: каждый человек, социальная группа включает в него близкое и приемлемое для восприятия содержание [4, с. 298–299]. Удивительно, но, несмотря на отождествление осведомительства с ябедничеством, сплетничеством, злословием, это никак не повлияло на его существование и живучесть, в том числе и в криминальной среде, которая, как известно, не только негативно, но и репрессивно относится к информаторам полиции, однако именно в этой сфере наиболее развито осведомительство.

Что же касается позитивных оценок осведомительства, то они исходят преимущественно из профессиональной среды, да и то достаточно робко и с оговоркой, что это вынужденная мера. В таких рассуждениях не трудно заметить «извинительный» контекст: осведомительство — это плохо, но потребно. Абсурдность подхода оттеню сопоставлением с уголовно-процессуальной традицией. В частности, я не сталкивался с утверждением, что свидетель допрашивается (в том числе тайно от преступника) только тогда, когда иным способом получить доказательства вины невозможно. Нелепость понятна, так почему же в ином нравственном стандарте рассматривается информатор (осведомитель) и кто изначально может определить, с помощью каких мер можно предупредить или раскрыть то или иное преступление?

Проблема заключается в том, что российский законодатель до сих пор находится в плену моральных догм и стереотипов, сформированных в прошлом столетии, когда замалчивался сам факт конфиденциального сотрудничества с гражданами, а оперативно-розыскная деятельность регулировалась исключительно секретными нормативными правовыми актами. Для объективной оценки осведомительства как социального явления и его места в системе мер борьбы с преступностью необходимо преодоление мифов и предубеждений. И здесь важно уйти как от элемен-

тов иезуитского обеления осведомительства на основе принципа «цель оправдывает средства», так и освободиться от излишней возбужденности, экспансивных суждений и эмоциональной окраски явления. Думаю, только это позволит преодолеть законодательную робость и ввести осведомительство в правовое русло.

По моим данным, около 75% граждан готовы оказывать содействие в форме информирования не только о криминальных событиях и лицах, но и о любых нарушениях закона. И это не локальная особенность, а социальная закономерность, в связи с чем имеет принципиальное значение как для правоприменения, так и для законотворчества. Потенциал осведомительства на фоне готовности населения к сотрудничеству с властью и информированию о нарушениях законов далеко не востребован. Полагаю, осведомительство должно выйти из узких рамок оперативно-розыскной деятельности и специфических средств борьбы исключительно с преступностью. Осведомительство нужно расценивать как способ реализации конституционных прав граждан, в том числе: на осуществление власти непосредственно, а также через органы власти (ст. 3 Конституции РФ); свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ); участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ); обращаться лично, а также направлять обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ); защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) и др. Конституционные положения должны найти конкретизацию в федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах. Отсутствие правовых, организационных, социально-защитных механизмов, гарантирующих гражданам реализацию их конституционных прав, является существенным фактором, затрудняющим их участие в делах государства.

Таким образом, можно заключить, что осведомительство:

- перестает быть прерогативой правоохранительных органов и спецслужб и выходит из сферы уголовного правоприменения;
- является неотъемлемым правом граждан на участие в жизни общества, на обеспечение законности и справедливости;
- рассматривается как гарантия транспарентности власти и подконтрольности должностных лиц;
- выступает элементом гласности, так как предусматривает право человека сообщать о нарушениях любых законов в средства массовой информации;
- игнорирует иммунитеты и какие-либо статусные ограничения.

Помимо правовых гарантий, необходимо создание для осведомительства условий: экономических, организационных, социальных, культурологических, морально-нравственных и др., предусматривающих вознаграждение информаторам, материальное и моральное стимулирование (выплата доли от возмещенного ущерба, наложенного штрафа, прямое вознаграждение, объявление вознаграждения потерпевшими или спонсорами и др.), создание каналов поступления информации, обеспечение их анонимности и др.

В заключение можно отметить, что в перспективе изменение подхода к правовому регулированию осведомительства за счет расширения границ правоприменения способно обеспечить его прогрессивную трансформацию и превратить в эффективное средство обеспечения законности. Осведомительство может поставить информационную преграду криминализации общества.

Список источников

1. *О защите информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности* : рекомендация Комитета министров Совета Европы № СМ/Рес (2014). Доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *О надлежащем управлении в области спорта* : рекомендации Комитета министров Совета Европы № СМ/Рес (2018) (п. 10).
3. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод*» (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.).
4. *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения* : в 30 т., 2-е изд. М., 1954. Т. 21.

А. П. Лыга

О некоторых вопросах правового регулирования мер принуждения имущественного характера в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

По справедливому замечанию В. И. Сергеевича, образование права в каждую историческую эпоху имеет свои характерные особенности, отражающие дух эпохи и ее воззрения на право, не позволяющие рассматривать процесс правообразования прошлого с использованием современных понятий [1, с. 16]. В поддержку указанной мысли отметим явную преувеличенность возможного утверждения о появлении правового ре-

гулирования мер принуждения имущественного характера только в источниках современного уголовно-процессуального закона.

Правовой феномен государственного принуждения в различные исторические периоды находил проявление в правовых мерах, направленных на подчинение личности установленным правилам поведения. В российском законодательстве XI–XIX вв. процессуальные меры принуждения институционально развились от мер коллективного имущественного принуждения к мерам, воздействующим на поведение конкретной личности. Об этом писали А. Ф. Кистяковский, Н. И. Ланге, В. В. Микляшевский, П. И. Люблинский и М. Ф. Владимирский-Буданов. Мыслители связывали эволюцию мер процессуального принуждения в российском дореформенном уголовном процессе с изменением формы государственного правления, характера взаимоотношений государства и общества, появлением новых видов преступлений, экономическими и социокультурными аспектами развития государства, усиливавшими степень централизации власти, обуславливавшими преобразование исторических форм уголовного процесса и смещение направленности применяемого принуждения (личность или имущество) [2, с. 15; 3, с. 3; 4, с. 4; 5, 12; 6, с. 209]. Исследование их взглядов позволяет прийти к выводу о том, что в периодах, когда значимость интересов личности достигала наивысшей точки, направленность мер принуждения смещалась с ограничения личной свободы в сторону психологического воздействия, моделирующего надлежащее поведение участников уголовного процесса или же в направлении ограничения права собственности, т. е. тех сфер, воздействие на которые в меньшей степени влияло на личную свободу человека.

Апофеозом указанного процесса явилось принятие в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее — Устав). В рамках правовой парадигмы, сформированной под влиянием европейской либеральной доктрины, предусмотренные им меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера с некоторыми изменениями, предопределенными идеологией советского периода, развиваются и в современном российском правовом регулировании.

Действующим УПК РФ предусмотрены те же меры имущественного принуждения, что и Уставом, а именно: залог, поручительство (ст. ст. 416, 422–249 Устава), наложение ареста на имущество (ст. ст. 268, 305 и 1159 Устава) и денежное взыскание (ст. ст. 69, 114, 323, 328, 438, 651, 625 Устава). Данный аспект отличает указанные источники уголовно-процессуального законодательства от памятников российского права

XI — первой половины XIX вв. в первую очередь тем, что в них перечисленные меры принуждения либо не предусматривались, либо отдельные из них были ориентированы на корректировку поведения преследуемых лиц путем лишения свободы (заключение под стражу) или воздействия на психологическую сторону личности (поручительство, не обладавшее имущественным потенциалом).

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование мер имущественного характера в Уставе существенно отличалось от ныне действующего. Отчасти это объясняется меньшей развитостью механизмов реализации отношений собственности (длительность процедуры и излишняя бюрократизация ограничения права собственности [7, с. 386]), обуславливавшие сложности правоприменения).

Причинами подобных тенденций развития законодательства Н. Н. Розин небезосновательно называл практические нужды соответствующей эпохи, влиявшие на содержание отношений личности и государства [8, с. 43]. Например, положения ст. ст. 78 и 422 Устава допускали вариант денежной ответственности только для поручителя, а ст. ст. 79 и 423 предусматривали в качестве предмета залога только денежные средства и движимое имущество. Рассматривая вопрос о развитии пределов правового регулирования, некоторые ученые предлагали упростить уголовно-процессуальную процедуру согласования с Сенатом наложения ограничений на недвижимое имущество и отнесения его к объектам применения залога, а также о введении такого предмета залога в местностях, где распространена ипотека [3, с. 162].

Для сравнения: правовое регулирование залога, предусмотренное ст. 106 УПК РФ, допускает в качестве предмета залога различные варианты недвижимого имущества. Более того, установки п. 131 ст. 5 УПК РФ дают определение понятия «имущество», содержание которого адаптировано под особенности уголовного судопроизводства. Сказанное позволяет отметить, что отношения, урегулированные Уставом, не отличались столь развитой детализацией правовой регламентации рассматриваемого вопроса. В этом отсутствовала объективная необходимость в силу особенностей общественных отношений в сфере собственности и их отражения в законодательстве рассматриваемого периода.

Исследуемый период социально-политического развития российского общества связан не только с определенными сложностями приобретения права собственности, но и с его особой значимостью. Данный аспект существенно усиливал потенциал мер имущественного принуждения,

который в прямой постановке находил отражение в законе. Например, положения ст. 69 Устава устанавливали критерий дифференциации ответственности участника уголовного судопроизводства в виде размера денежного взыскания, определяя его зависимость от имущественного состояния лица и повторности нарушения. Данный подход критиковал В. К. Случевский, отмечавший недостаточную развитость правового регулирования, выражающуюся в отсутствии механизма, устанавливающего размер взыскания в зависимости от каждого в отдельности из обозначенных условий [9, с. 20], тем самым подчеркивая чрезмерность полномочий судебного следователя и суда при определении его размера, а также потребность в повышении правовой охраны института частной собственности.

Размер денежного взыскания варьировался в зависимости от процессуального статуса участника процесса (свидетели, понятые, сведущие люди — не более 25 рублей; переводчик, эксперт — не более 50 рублей; присяжный заседатель — от 10 до 300 рублей и поражение избирательного права). Денежное взыскание являлось достаточно строгой мерой, так как в 1885–1914 гг. заработная плата рабочего составляла от 6 до 47 рублей, 30 из которых хватало на месяц проживания семьи из 6 человек [10, с. 95]. Таким образом, можно утверждать, что данная мера была способна создать у участников уголовного процесса сильную мотивацию к соблюдению процессуальных обязанностей.

Наложение ареста на имущество по Уставу обладало серьезными процедурными отличиями от современного правового регулирования. Главным образом это проявлялось в том, что решение о его применении происходило по ходатайству судебного следователя, рассматривавшемуся в порядке гражданского судопроизводства. Исполнение решения о применении данной обеспечительной меры относилось к исключительной компетенции судебных приставов (ст. ст. 602–629 Устава гражданского судопроизводства). В число целей данной меры входило обеспечение гражданского иска в части отыскиваемого потерпевшим вознаграждения за вред и убытки (ст. ст. 268, 305 и 1159 Устава). Цели наложения ареста на имущество, предусмотренные в ст. 115 УПК РФ, определяются гораздо шире.

Проведенный анализ указанных выше источников российского законодательства, а также подходы поименованных исследователей к определению и оценке интенсивности влияния различных факторов на развитие государства и права позволят утверждать, что преобразование правового регулирования мер принуждения имущественного характера в Уставе

уголовного судопроизводства 1864 г. обуславливалось высокой степенью значимости имущественных интересов личности для общественного и государственного развития.

Список источников

1. *Лекции и исследования по древней истории Русского права* : учебник / под общ. ред. В. И. Сергеевича. 3-е изд., доп. СПб., 1903.
2. *Ланге Н. И.* Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков) : монография. СПб., 1884.
3. *Кистяковский А. Ф.* О пресечении обвиняемому способов уклонения от следствия и суда : монография. СПб., 1868.
4. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права : монография. Киев, 1907.
5. *Микляшевский В. В.* О средствах представления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклоняться от следствия и суда : монография. Варшава, 1872.
6. *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия : монография. СПб., 1906.
7. *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. СПб., 1914.
8. *Чебышев-Дмитриев А. П.* Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 1864 г. : монография. СПб., 1875.
9. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. СПб., 1913.
10. *Фаронов В. Н.* Рабочая семья в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Томской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010.

Г. Е. Москаленко

Влияние идеи солидарности на трансформацию прав и свобод личности: взгляд отечественных либеральных правоведов второй половины XIX — начала XX веков

Идея солидарности занимает особое место в истории политико-правовой мысли конца XIX — начала XX вв. В условиях кризиса традиционного сословного порядка и усиления социально-политического движения российские либеральные правоведы стремились найти основу согласия между личностью, обществом и государством [1, с. 4]. М. М. Ко-

валевский, С. А. Котляревский, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев и их последователи выдвинули концепцию, в рамках которой солидарность понималась не как подчинение индивида социальным интересам, а как ценностный фундамент, предполагающий признание свободы и равенства за каждым гражданином, нормативное закрепление системы прав и свобод, а также их гарантированность государством. В отличие от французских солидаристов О. Конта, Л. Дюги, Л. Буржуа, российские мыслители стремились не столько обосновать «социальный долг» индивида перед обществом и государством, сколько подчеркнуть его автономию и достоинство, видя в этом основу обеспечения социального единства [2, с. 341].

Значительное влияние на отечественных либеральных мыслителей оказала французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. П. И. Новгородцев называл ее «бессмертным историческим документом», поскольку в ней права признавались не даром со стороны государства, а неотъемлемой принадлежностью человеческой природы [3, с. 112]. С. А. Котляревский отмечал, что великое значение Декларации заключалось в том, что она не только закрепила неприкосновенность личности, но и установила требование, чтобы закон выражал общую волю народа [4, с. 243]. Эти идеи стали основой программных документов российских либеральных партий. В Программе Партии демократических реформ, лидером которой был М. М. Ковалевский, содержалось требование: «Все права граждан должны быть введены в Основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой». Подобные положения закреплялись и в Программе Конституционно-демократической партии, где провозглашалось равенство граждан независимо от пола, национальности и вероисповедания.

Особое внимание российские либеральные юристы уделяли праву на неприкосновенность личности. П. И. Новгородцев подготовил «Законопроект о неприкосновенности личности», в котором предусматривались судебный порядок задержания, неприкосновенность жилища, тайна переписки и свобода передвижения [3, с. 148–149]. Он считал, что принятие такого закона стало бы фундаментом нового общественного порядка, «основанного на уважении к личности и на строгой обеспеченности личных прав» [3, с. 152]. С. А. Котляревский полагал, что принцип неприкосновенности личности является залогом всех остальных прав и свобод [5, с. 9]. М. М. Ковалевский утверждал, что защита человека от любого проявления деспотизма как со стороны государства, так и со стороны общества — есть первый шаг к формированию социальной солидарности [6, с. 87].

Политические права также рассматривались как важнейшие условия укрепления солидарности власти и народа. В Программе Конституционно-демократической партии закреплялось право на свободу собраний, союзов и петиций. П. И. Новгородцев видел в свободе союзов инструмент взаимной поддержки, которая укрепляет солидарность [3, с. 163]. Однако он предупреждал, что открытое противостояние объединений с государством может нанести вред общественному согласию. Б. А. Кистяковский в свою очередь указывал, что чрезвычайные суды и законы подрывают доверие к власти и препятствуют развитию солидарности [7, с. 94].

Особое внимание уделялось социально-экономическим правам. М. М. Ковалевский подчеркивал необходимость введения восьмичасового рабочего дня, социального страхования и охраны труда [5, с. 153]. С. А. Котляревский и Б. А. Кистяковский настаивали на свободе совести и вероисповедания, освобождении церкви от государственной опеки. Существенное место занимал аграрный вопрос: предлагалось создать государственный земельный фонд для наделения крестьян землей и отменить дискриминационные правила найма сельских рабочих [5, с. 161].

Либеральные правоведы отмечали, что развитие общественной солидарности невозможно без нравственно развитой личности и гражданского правосознания. П. И. Новгородцев считал, что «равенство и свобода получают истинное содержание лишь в соединении с нравственным идеалом личности» [3, с. 201]. Б. А. Кистяковский связывал успех правового государства с развитием правосознания, без которого солидарность превращается в формальную декларацию [5, с. 8]. Важную роль здесь отводили образованию: российские юристы выступали за введение всеобщего бесплатного начального обучения, расширение сети библиотек и университетов, автономию преподавания в вузах.

Особое место в исследуемой доктрине занимала проблема собственности. В отличие от классического либерализма, российские юристы признавали допустимость ограничения абсолютного права собственности в интересах общества. М. М. Ковалевский не включал ее неприкосновенность в перечень основных прав, полагая, что государство может вмешиваться в сферу экономики. П. И. Новгородцев утверждал, что «правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности» [3, с. 189]. Подобный подход был обусловлен необходимостью смягчить социальное неравенство и содействовать солидаризации общества.

Таким образом, в трудах российских либеральных правоведов идея солидарности приобрела форму правовой доктрины, в которой приори-

тет отдавался свободе и равенству личности, а также законодательному закреплению системы прав. В отличие от западных солидаристов, сосредоточившихся на обязанностях, отечественные мыслители видели в правах фундамент общественного согласия. Они подчеркивали необходимость защиты личности от произвола государства, введения политических и социальных прав, а также воспитания гражданского правосознания. Эти идеи во многом предвосхитили концепцию социального государства и легли в основу трансформации традиционного сословного строя в сторону гражданского общества. Солидарность, понимаемая ими как добровольное единение свободных и равноправных граждан, стала важным звеном в развитии отечественной правовой мысли и заложила основы современного понимания прав и свобод человека.

Список источников

1. Москаленко Г. Е. Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
2. Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).
3. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1911.
4. Котляревский С. А. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1906.
5. Грязнова Т. Е. Учение о солидарности власти и народа Б. А. Кистяковского // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1(25).
6. Ковалевский М. М. Современные идеи в социологии. СПб., 1910.
7. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916.

Д. А. Мурин

Ответственность за прикосновенность к преступлению: проблемы правоприменения

Активными участниками криминализации общественных отношений выступают не только те, кто непосредственно совершает преступления, но и лица, различным образом способствующие этому. К этой категории следует относить тех, кто «отмывает» денежные средства и иное имущество, полученные преступным путем, приобретает это имущество, укрывает преступников. Их преступная деятельность причиняет вред,

обуславливает рост криминального сектора экономики, наносит ущерб собственности граждан, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, служит источником финансирования деятельности преступных групп, в том числе террористической направленности.

Прикосновенные лица влияют не только на высокий уровень преступности, но и на низкую раскрываемость преступлений. Одной из причин низкой раскрываемости выступают высокая организованность и профессионализм лиц, различным способом причастных к сокрытию преступлений. При этом такая деятельность достаточно латентна, особенно в части ее взаимосвязи с основными преступлениями.

Исключительная роль в противостоянии криминализации имущественных отношений отводится правовым нормам, предусматривающим уголовную ответственность за совершение заранее не обещанных умышленных деяний, создающих благоприятные условия для совершения преступных посягательств. Вместе с тем исследование правоприменительной практики позволяет сделать вывод о наличии проблем в квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 175, 316 УК РФ. В их числе нужно отметить вопросы отграничения прикосновенности к преступлениям от соучастия и смежных составов преступлений при неоконченной преступной деятельности по совокупности с другими преступлениями. Трудности практического применения этих норм связаны со спорным характером их содержания, а также противоречивостью разъяснений высших судебных органов по этим вопросам. Актуальной проблемой в такой ситуации становится назначение справедливого наказания.

Пониманию проблем прикосновенности к преступлениям и разграничению их с соучастием в данных преступлениях не способствует отсутствие в уголовном законе и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия прикосновенности к преступлению. Второстепенная роль прикосновенности к преступлению по сравнению с соучастием приводит к тому, что она всегда рассматривается в общих чертах, независимо от того, к какому преступлению имеет отношение. Вопросы прикосновенности применительно к видам преступлений в настоящее время практически не исследуются. Вместе с тем изучение специфики прикосновенности к конкретным видам преступлений позволяет решать задачи дальнейшего совершенствования борьбы с различными преступлениями и развивать общее представление о сущности и содержании прикосновенности к преступлению, ее отличии от других форм участия лиц в совершении преступления [1].

Список источников

1. Бабурин В. В., Мурин Д. А. Прикосновенность к преступлениям против собственности : монография. Омск, 2024.

Ю. В. Мурина

Роль органов прокуратуры в реализации прав и свобод граждан

Органы прокуратуры играют важную роль в защите прав граждан, являются гарантом соблюдения Конституции и законов. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, выявление и пресечение нарушений относятся к основным задачам прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура противодействует преступным проявлениям в самых разных сферах государственной, общественной и частной жизни, выступает надежным гарантом восстановления нарушенных прав и свобод граждан.

В условиях проведения Специальной военной операции (далее — СВО), внутренней политики, которая во главу всего ставит защиту прав и интересов граждан, возрастает роль государства по регулированию общественных отношений, решению реальных проблем как отдельных граждан, так и общества в целом. Задача органов прокуратуры — обеспечить исполнение законов на территории Российской Федерации и соблюдение конституционных прав граждан. Прокуратура как надзорный орган ежедневно сталкивается с проблемами реализации гарантированных прав граждан. Это могут быть как частные случаи нарушения прав граждан, так и необходимость защиты прав неограниченного числа лиц.

В настоящее время одна из приоритетных задач — соблюдение прав участников СВО и членов их семей. Мы столкнулись с проблемой реализации социальных гарантий и льгот данной категории граждан. Разночтения, имеющиеся в региональных нормативных правовых актах, способствовали нарушению прав граждан и необходимости обращения за защитой своих интересов в органы прокуратуры. Так, многие региональные льготы связывали право на получение мер поддержки с местом жительства или проживания, заключения контрактов с Минобороны России, местом службы, гибели, захоронения, проживания родственников.

Иногда получалось, что из-за разночтений региональной нормативной базы участники СВО, являющиеся жителями, например, Омской области, но заключавшие контракты на прохождение военной службы

в других субъектах Российской Федерации, по буквальному толкованию норм не имели права на получение выплат (в частности, в связи с ранением) ни в одном из субъектов. Такие случаи потребовали от прокуроров судебной защиты прав бойцов.

Учитывая это, основной задачей, поставленной перед органами прокуратуры Генеральным прокурором Российской Федерации, была унификация региональных нормативных правовых актов. Реализуя правотворческую инициативу, в 2024 г. прокуроры добились корректировки более 3 тыс. нормативных правовых актов органов власти. Более того, на федеральном уровне поддержана инициатива Генеральной прокуратуры Российской Федерации об утверждении единого минимального стандарта мер поддержки участников СВО и членов их семей. Например, по предложению прокурора Омской области расширен круг лиц — получателей мер поддержки. Так, теперь льготы получают семьи даже по возвращении бойца из зоны СВО. Ранее льготы предоставлялись только в период его нахождения там.

Учитывая, что 2024 г. Президентом РФ был объявлен годом семьи, надзор прокуроров сосредоточен на соблюдении прав граждан на получение мер социальной поддержки. Проверки, проведенные в отделении Социального Фонда Российской Федерации, позволили выявить многочисленные незаконные отказы в назначении детских пособий. Как правило, нарушения прав граждан допускались из-за неправильного определения среднедушевого дохода, имущественного положения, отсутствия дохода у отдельной категории граждан. Основной проблемой реализации прав граждан стали также сбои в работе системы межведомственного электронного взаимодействия по причине отражения некорректных данных по электронным запросам.

Задачей прокуроров является быстрое и оперативное реагирование на факты нарушения прав граждан и принятие действенного и эффективного комплекса мер реагирования, направленного на их восстановление. В связи с этим в фокусе особого внимания находится исполнение национальных проектов, на реализацию которых выделяются значительные денежные средства федерального и регионального бюджетов в порядке софинансирования. Так, прокурорского контроля требует строительство социальных объектов (школ, детских садов, больниц, спортивных комплексов). Надзорное сопровождение этих проектов осуществляется с момента заключения государственных контрактов до ввода объектов в эксплуатацию, практикуются выезды на строящиеся объекты для оценки соблюдения сроков строительства.

В заключение отметим, что текущая надзорная деятельность обеспечивает стабильность исполнения законов, а роль прокуроров в реализации прав каждого жителя нашей страны видна посредством разрешения прокурорами конкретных обращений граждан. Прокурорами практикуется проведение личных приемов граждан, в том числе тематических (с представителями общественных организаций, уполномоченными по правам человека и ребенка). В последнее время пользуется большим откликом у населения организация горячих линий, особенно с представителями Народного Фронта. Результатом рассмотрения каждого обращения является действенная помощь людям и фактическое устранение нарушений.

В. Е. Мушаков

Понятие и возможности реализации права на развитие посредством интернета

Право на развитие посредством интернета относится к категории современных притязаний личности на использование общедоступных достижений научно-технического процесса в целях научного, творческого, художественного и иного положительного изменения качеств личности. В системе прав и свобод личности право на развитие посредством интернета относится к группе цифровых прав публично-правового характера, которая, в частности, объединяет право на забвение, доступ к сети Интернет, цифровую смерть, защиту от нежелательной информации в сети Интернет и др.

Правовой основой осуществления права на развитие посредством интернета выступают положения п. «b» ч. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Декларация ООН об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества 1975 г., Декларация ООН о праве на развитие 1986 г., ст. 4 Хартии прав человека и принципов для интернета 2006 г., а также п. «м» ст. 71 Конституции РФ.

Информационно-телекоммуникационные технологии, включая сеть Интернет, были созданы США в 60-х гг. прошлого века в военно-политических целях, однако на рубеже XX–XXI вв. в качестве достояния общечеловечности стали использоваться для межличностной коммуникации и в ходе трудовой деятельности. Интернет был задуман и развивался как инструмент, способствующий прогрессу: обмену знаниями, научному

сотрудничеству, реализации творческого потенциала, расширению доступа к информации и формированию глобального информационного общества. Применение рассматриваемой технологии связывалось также с обеспечением фундаментальных прав человека: права на образование, на участие в культурной жизни, свободу выражения мнений, свободу информации и др.

В современных условиях интернетизация населения приобрела двойственную природу. Если, с одной стороны, интернет остается платформой для саморазвития человека и реализации его прав и свобод, то с другой — является пространством массового потребления развлекательного и деструктивного контента, распространения дезинформации, а также совершения киберпреступлений. В обозначенных условиях ставится под сомнение основательность притязаний личности на развитие посредством информационной сети.

В настоящее время возможности реализации права на развитие посредством интернета определяются рядом следующих обстоятельств:

1. Уровнем экономического благосостояния граждан, заключающегося в способности личности располагать достаточными финансовыми ресурсами для приобретения и обслуживания многофункциональных гаджетов, проведения и ежемесячного продления интернет-услуг. В Российской Федерации бесплатные онлайн-ресурсы через общественные точки доступа к сети в основном являются прерогативой коммерческих организаций и учреждений. Примечателен и уровень правового регулирования данной сферы. В России национальный проект «Доступный интернет» регламентирован подзаконными нормативными правовыми актами (постановлениями Правительства РФ, приказами Минцифры России), тогда как, например, в Португалии ч. 6 ст. 35 Конституции гарантирует каждому доступ к информационным сетям общественного пользования.

2. Цифровой грамотностью населения, позволяющей принимать меры самозащиты от информационных ресурсов, нарушающих их законные интересы, права и свободы.

3. Военно-политическими условиями, которые предполагают, что на период введения режима военного положения на отдельных территориях допустимо ослабление сигнала информационной сети.

4. Эффективностью государственной политики по контролю за распространением в национальном сегменте сети Интернет контента, нарушающего законодательство РФ.

5. Эффективностью внешнеполитической деятельности государства по блокировке и признанию нежелательными информационных ресурсов недружественных зарубежных государств.

Таким образом, право на развитие посредством интернета представляет собой публично-правовое притязание личности на использование информационно-телекоммуникационных технологий в целях самореализации образовательного, научного, творческого и иного потенциала при непосредственном взаимодействии с цифровой средой. В современных реалиях возможности личностного развития с помощью интернета определяются экономическими и военно-политическими условиями, уровнем цифровой грамотности, а также эффективностью внутренней и внешней политики государства в сфере контроля за законностью распространения контента в информационной сети.

А. А. Нечепуренко

Социальная справедливость при реализации общеправовых ограничений в отношении лиц, совершивших преступления

Социальная справедливость выступает основополагающей идеей, без которой право становится просто декорацией произвольно выпускаемых законов. Применительно к уголовному праву этот принцип на законодательном уровне впервые закреплён в ст. 6 УК РФ 1996 г., где говорится, что в соответствии с ним наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к преступнику, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В развитие этого принципа в ч. 2 ст. 43 УК РФ восстановление социальной справедливости указано в качестве основной цели применения наказания. Назначение справедливого наказания названо в числе общих начал данного института в ч. 1 ст. 60 УК РФ. В статье 15 УК РФ в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления подразделяются по степени тяжести на четыре категории. В свою очередь, с учетом этого деления устанавливаются санкции за конкретные преступления, описываемые в статьях Особенной части УК РФ, а в статьях Общей части УК РФ устанавливаются различные последствия, более неблагоприятные для лиц, совершивших преступления большей степени тяжести. Это касается рецидива преступлений, неоконченного преступления в виде приготовления, правил назначения наказаний, ограничений при применении уголовного испытания в виде условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и отсрочки отбывания наказания, ряда других

оснований освобождения от наказания, особенностей назначения наказания несовершеннолетним, сроков погашения судимости.

Исключения из принципа справедливости также вводятся законодателем, главным образом, с учетом тяжести совершенного преступления. Так, для лиц, совершивших нетяжкие преступления, предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, указанным в ст. ст. 75, 76, 76², 90 УК РФ. Понятно, что для менее опасных категорий преступников законодателем предусматривается освобождение от уголовной ответственности по указанным основаниям не только исходя из гуманных соображений, но и принимая во внимание обеспечение нормального функционирования системы уголовной юстиции, которая была бы значительно перегружена без существования данного института. В то же время следует обратить внимание на тот факт, что правовое положение лиц, привлеченных к уголовной ответственности и освобожденных от нее, оказывается ущемленным бессрочно или на весьма длительные сроки в соответствии с предписаниями, находящимся за пределами уголовного законодательства.

Права и свободы лиц, совершивших преступления, в соответствии со ст. 55 Конституции РФ могут быть ограничены только в том случае, если это установлено федеральным законодательством. Такие ограничения, предусмотренные более чем в сорока федеральных законах, можно разделить на три группы: 1) распространяющиеся на лиц, имеющих судимость; 2) распространяющиеся на лиц, имеющих или имевших судимость; 3) распространяющиеся на лиц, имеющих или имевших судимость, а также на лиц, освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Группа правоограничений, налагаемых на лиц, совершивших преступления, только на период судимости достаточно обширна и разнообразна. Все указанные правоограничения можно объединить в две большие подгруппы: правоограничения, распространяющиеся на всех судимых, и правоограничения, распространяющиеся на отдельные категории судимых. К правоограничениям из первой подгруппы относятся, например, запреты на занятие должностей государственной гражданской службы, службу в таможенных органах, в ведомственной охране, право быть присяжным заседателем и кандидатом в присяжные заседатели и др. Во второй подгруппе можно выделить ограничения, распространяющиеся на лиц, находящихся под административным надзором, а также запреты на осуществление частной детективной и охранной деятельности, занятие адвокатской деятельностью, назначение арбитраж-

ным управляющим, занятие должности специалистов авиационного персонала и др.

Ко второй группе правоограничений относятся, например, ограничения для лиц, ранее совершивших большинство преступлений средней тяжести, а также любые тяжкие или особо тяжкие преступления, в пассивном избирательном праве и праве выбора рода занятий. Такие граждане могут избираться Президентом Российской Федерации, в представительные органы власти Российской Федерации, на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации только в том случае, если после погашения или снятия судимости прошло соответственно 5, 10 и 15 лет [1]. В эту же группу правоограничений относятся запрет занимать должности в органах и организациях прокуратуры лицам, имеющим или имевшим судимость, а также запрет выдавать лицензии на приобретение оружия лицам, имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.

Наиболее обширна третья группа правоограничений, предусмотренных во многих федеральных законах, регулирующих прохождение различных видов правоохранительной государственной службы, т. е. деятельности, связанной с предъявлением к лицам, ее осуществляющим, особых нравственных требований. Эти правоограничения за редким исключением сформулированы как бессрочные. Так, лица, не только имеющие или имевшие судимость, но и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, перечисленным в соответствующих федеральных законах, не могут быть приняты на службу или продолжать ее в органах внутренних дел, в органах принудительного исполнения, в уголовно-исполнительной системе, в следственном комитете, в федеральной службе безопасности. Таким лицам в случаях, указанных в федеральном законодательстве, запрещается заниматься педагогической деятельностью, а также деятельностью в сфере образования, воспитания и развития несовершеннолетних, в том числе такие лица не могут быть усыновителями и опекунами (попечителями) несовершеннолетних. До недавнего времени этот запрет был бессрочным для всех лиц, совершивших перечисленные в соответствующем федеральном законе преступления. Однако Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 18 июля 2013 г. № 19-П указал на неконституционность такого безусловного и бессрочного запрета без учета общественной опасности ранее совершенного преступления и лица, его совершившего [2]. Во исполнение данного постановления законодатель внес изменения в це-

лый ряд федеральных законов (Трудовой кодекс РФ, «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Семейный кодекс РФ и др.), разрешив соответствующим органам допускать к указанным видам деятельности лиц со снятой или погашенной судимостью и освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, если ими совершены только те из перечисленных в этих законах преступлений, которые относятся к категориям небольшой или средней тяжести [3; 4].

Таким образом, очевидно, что только часть негативных последствий для лица, совершившего преступление, указана в уголовном законодательстве в виде форм реализации уголовной ответственности, включая правоограничения наказания, испытания и судимости. Эти последствия логично отражают факт восстановления социальной справедливости применительно к воздаянию преступнику за совершенное им преступление. Однако с погашением общественной опасности преступления не отпадает общественная опасность лица, его совершившего. Об этом свидетельствуют многочисленные правоограничения для таких лиц, которые, казалось бы, должны считаться юридически преступление не совершавшими. Такие правоограничения рассредоточены в десятках федеральных законов и распространяются на многие сферы жизнедеятельности, в том числе и на те, которые в соответствии с Конституцией РФ являются основой правового статуса личности в Российской Федерации. Как не парадоксально, большое количество таких правоограничений бессрочно распространяется на лиц, которые совершили нетяжкие преступления, и в силу меньшей общественной опасности, по сравнению с другими преступниками, признаны достойными освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Многие из правоограничений для лиц, совершивших преступления, сформулированы в федеральных законах противоречиво, с ненужными повторами, юридически небрежно.

Такое состояние дел с установлением ограничений правового статуса лиц, когда-либо совершивших преступление, существенно подрывает закрепленный в уголовном законодательстве принцип социальной справедливости. Выход из сложившейся ситуации вряд ли может быть найден на пути согласования и унификации таких правоограничений во множестве федеральных законов. Гораздо более приемлемым представляется радикальное решение проблемы, заключающееся в установлении в отдельной статье УК РФ предельных сроков для погашения правовых последствий совершения преступлений. Такие сроки следовало бы распространить

на всех лиц, признанных совершившими преступление, не зависимо от того, понесли они наказание или были от него освобождены, а также на лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. За пределами этих сроков не действовали бы никакие правоограничения, установленные в иных федеральных законах, и лицо, совершившее преступление, полностью бы восстанавливалось в своем конституционно-правовом статусе. Сроки эти могли бы составлять, например, 3 года, 5, 10 и 15 лет соответственно для лиц, совершивших небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. Течение таких сроков устанавливалось бы с момента погашения или снятия судимости, освобождения от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ либо освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным в статьях Общей и Особенной частей УК РФ. Конечно, из этого правила необходимо сделать исключения, указав, что правовые последствия, предусмотренные федеральными законами, являются бессрочными для лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, военной службы, мира и безопасности человечества. Возможно, следует ввести такие исключения и для ряда тяжких преступлений, например, для тех, которые совершены с применением оружия.

Список источников

1. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы* : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П.

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 237-ФЗ.

4. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 489-ФЗ.

А. А. Никитчик

Институт особого мнения судьи в контексте реализации принципов правосудия

В контексте проблемы реализации принципов правосудия внимание исследователей все чаще сосредоточивается на правовой определенности. Правовая определенность при наличии альтернативных подходов в научной литературе позиционируется в качестве принципа права, который находится в тесной связи с принципами законности, справедливости и гуманизма [1, с. 495]. Данную позицию разделяют в сфере практической юриспруденции. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь подчеркивает, что «правовая определенность носит универсальный характер и является универсальным принципом всех сфер юридической деятельности» [2, с. 5].

Главная задача правосудия — разрешение конфликтов и установление истины, которая, как известно, рождается в дискуссии. Поэтому особое мнение судей высших судебных инстанций, предлагающее альтернативный подход, играет ключевую роль в развитии российской правовой системы. При этом внесенные в 2020 г. изменения в ст. 76 Федерального конституционного закона от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» лишили судей возможности публиковать особое мнение или каким-либо образом ссылаться на него в публичном пространстве.

С одной стороны, особое мнение раскрывает позицию правоприменителя относительно исключительно значимой юридической ситуации (учитывая специфику дел, рассматриваемых в Конституционном Суде РФ), демонстрирует качество юридической аргументации, высвечивает пробелы и «неопределенность» в праве и законодательстве, сигнализируя о необходимых преобразованиях. С другой стороны, институт особого мнения дестабилизирует судебную практику, подрывает единство судебской позиции, ставит под сомнение авторитетность решения, которое согласно статье 79 названного закона обжалованию не подлежит [3, с. 8].

Введение запрета на опубликование особых мнений судей Конституционного Суда РФ выглядит скорее как попытка скрыть проблему, нежели как стремление ее решить. Возникает закономерный вопрос: если судьи по-прежнему могут выражать особые мнения, но не имеют права их обнародовать, какую ценность такие «невидимые» позиции представляют для юридической теории и практики? Как отмечает О. Н. Кряжкова, запрет на публикацию особого мнения судей фактически означает запрет

на их высказывание, что ставит под угрозу само существование института [4, с. 11].

Представляется, что особое мнение судьи является важнейшей гарантией реализации принципов правосудия и заслуживает широкой доступности. Факт его опубликования соответствует принципу состязательности, поскольку создает площадку для ведения юридической полемики; принципу независимости, так как защищает позицию судьи от давления со стороны авторитета большинства; принципу законности в силу своей роли своеобразного взаимного контроля, в рамках которого судья может указать на допущенные нарушения законодательства; принципу гласности, делая процесс отправления правосудия открытым для критической оценки со стороны граждан. И, наконец, обеспечивает реализацию принципа правовой определенности в части полноты и ясности относительно судебного разбирательства, возможности к изучению мнения каждого из участников процесса, о котором вправе знать заинтересованная сторона. Не менее важен рассматриваемый институт с точки зрения совершенствования законодательства, где риторичное мнение профессионального юриста может использоваться в качестве доктрины преобразований.

Таким образом, исключение особого мнения судьи из правового поля не только противоречит принципам судопроизводства, но и препятствует реализации принципа правовой определенности в законодательной и правоприменительной практиках. Решение проблемы видится в возрождении данного института и его последующем использовании как инструмента совершенствования российской правовой системы.

Список источников

1. Грибова Е. Н. Принцип правовой определенности: понятие и основные характеристики // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4(5).

2. Бондарь Н. С. Правовая определенность — универсальный принцип конституционного нормоконтроля // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10.

3. Еремеева Я. Д. Институт особого мнения: угроза или гарантия правовой определенности? // В зеркале права : сб. науч. тр. Липецк, 2024.

4. Кряжкова О. Н. Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. № 6(24).

К. Д. Николаев

Система отягчающих обстоятельств уголовно-правовых норм об ответственности за хищения: исторический аспект

В процессе развития российского законодательства квалифицирующие отягчающие обстоятельства хищений устанавливались по-разному. Использование большого числа указанных обстоятельств с детализацией возможных способов и вариантов совершения хищений (свойственное законодательным актам ранних периодов) сменилось закреплением в нормах о хищениях отягчающих обстоятельств с довольно высоким уровнем формализации (советский период). Наметилась тенденция к унификации названных обстоятельств, а также к конкретизации понятий, употребляемых при конструировании составов преступлений данной категории. Отметим, что содержание отягчающих обстоятельств норм о хищениях УК РФ является закономерным этапом развития российской законодательных актов предшествующих периодов [1, с. 96–97].

Изучив нормы об уголовной ответственности за хищения, содержащиеся в отечественных законодательных актах различных исторических периодов, а также точки зрения ученых по данной проблеме, мы предлагаем следующую классификацию указанных отягчающих обстоятельств, основу которой составляет сфера их применения законодателем при конструировании квалифицированных составов:

а) общие квалифицирующие отягчающие обстоятельства — это обстоятельства, используемые законодателем при конструировании квалифицированных составов преступлений, содержащихся в разных разделах (главах) Особенной части УК РФ («группой лиц по предварительному сговору», «организованной группой» и т. д.);

б) специальные квалифицирующие отягчающие обстоятельства — это обстоятельства, используемые законодателем при конструировании квалифицированных составов преступлений определенной группы, содержащихся в конкретной главе Особенной части УК РФ [1, с. 18].

Таким образом, в настоящее время к общим квалифицирующим отягчающим обстоятельствам хищений можно отнести следующие: «группой лиц по предварительному сговору» (п. «а» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159¹, ч. 2 ст. 160 УК РФ и др.); «организованной группой» (п. «а» ч. 4 ст. 158, ч. 4 ст. 159 УК РФ и др.); «с использованием своего служебного положения» (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159¹ УК РФ и др.); «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего» (п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ) и др.

К специальным квалифицирующим отягчающим обстоятельствам хищений относятся: «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище» (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ); «с причинением значительного ущерба гражданину» (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160 УК РФ); «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ); «с незаконным проникновением в жилище» (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ); «из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода» (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Несмотря на то что предложенные нами выше определения ориентированы на действующее уголовное законодательство России, они, несомненно, применимы к отечественным законодательным актам предшествующих периодов. Следует отметить определенное несовершенство законодательной техники ранее действовавших законодательных актов. Так, в нормах о хищениях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) были закреплены следующие общие квалифицирующие отягчающие обстоятельства: «по уговору нескольких лиц» (п. 2 ст. 167¹), «несколькими сговорившимися на то лицами, хотя и без составления настоящей для сего шайки» (ст. 163²), «шайкою» (ст. ст. 163³, 164⁵) [2, с. 355–366].

В названном Уложении содержались следующие специальные квалифицирующие отягчающие обстоятельства хищений: «в церкви, часовне или ином молитвенном доме... или же на кладбище, или с мертвого...» (п. 1 ст. 165⁹); «ограблены почта или дилижанс, или другие... для путешественников или перевоза клади, транспорты» (ст. 163²); «посредством взлома преград, препятствующих доступу во двор, в обитаемое строение или из одной его части в другую, либо находящихся в сих преградах заповров» (ч. 1 ст. 164⁷); «виновные влезли в окно, перелезли через стену, забор или иную ограду, или же вошли в дом под вымышленным предлогом» (п. 3 ст. 165⁹) и др. [2, с. 355–366].

Составители Уложения стремились учесть максимальное количество возможных вариантов совершения хищений, что нашло выражение в разнообразных формулировках специальных квалифицирующих отягчающих обстоятельств и значительном их преобладании над общими квалифицирующими отягчающими обстоятельствами в рассматриваемых нормах.

Подчеркнем, что общие и специальные квалифицирующие отягчающие обстоятельства содержались в нормах о хищениях и в других ранее действовавших законодательных актах.

Приведенные примеры показывают, что рассмотренная нами система отягчающих обстоятельств, нашедшая отражение в нормах об ответственности за хищения УК РФ, имеет глубокие исторические корни.

Таким образом, система отягчающих обстоятельств хищений в самом общем виде состоит из общих квалифицирующих отягчающих обстоятельств и специальных квалифицирующих отягчающих обстоятельств. Подобный подход конструирования системы отягчающих обстоятельств хищений характерен для отечественных законодательных актов на протяжении всей истории развития таковых.

Список источников

1. Векленко В. В., Николаев К. Д. Отягчающие обстоятельства хищений : монография. Омск, 2009.

2. Свод законов Уголовных. Часть первая: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885.

Д. А. Огорелков

Контент-анализ проблем регламентации и практики применения наказания в виде штрафа по современному уголовному законодательству России

Наказание в виде штрафа является одним из самых древних и распространенных средств воздействия на нарушителя правовых норм. Штрафные санкции существуют в различных отраслях законодательства. В уголовно-правовой сфере штраф сегодня занимает третье место по количеству осужденных после лишения свободы и обязательных работ, т. е. это одно из наиболее часто применяемых наказаний. Несмотря на длительную и постоянно ведущуюся разработку теоретических аспектов штрафа в юридической науке (о данном виде наказания рассуждали и писали и дореволюционные ученые, и советские юристы, и современные исследователи), регламентация и практика применения штрафа далека от совершенства. Об этом свидетельствует тот факт, что только в период с 2020 г. по начало 2025 г. в РИНЦ (русская национальная библиографическая база данных научного цитирования) было размещено более полутора тысяч публикаций, так или иначе касающихся вопросов штрафов (административного штрафа, уголовного наказания в виде штрафа, иной меры уголовно-правового характера в виде штрафа, сходных мер в законодательстве иностранных государств). Значительная часть работ имеет выраженный проблемный характер, они посвящены теоретическим и практическим дискуссионным вопросам правовой природы штрафа, достижения им целей, установленных законодательством,

просчетам в законодательной регламентации, а также практике назначения и исполнения штрафа.

Выявим и сгруппируем наиболее известные проблемы, которые фигурируют в большинстве исследований, а значит, являются актуальными и требующими решения в настоящее время.

Самая дискуссионная тема, широко обсуждаемая на страницах научной печати (более 130 работ за указанный выше период), — соотношение (разграничение) различных видов штрафов (судебного, административного, уголовного). В качестве центральных проблем в литературе указываются: близкий диапазон размеров данных средств воздействия, более высокий размер административного штрафа по сравнению с уголовным за отдельные виды деяний [1, с. 220]; одна цель (вернее, один итог и механизм воздействия) — финансовое взыскание в пользу государства, а также одинаковый состав участников правоотношений, возникающих при функционировании рассматриваемых институтов (суд; пристав-исполнитель; лицо, обязанное выплатить штраф) [2, с. 65].

Менее обсуждаемая, но регулярно напоминающая о себе — группа проблем, связанных с применением штрафов в отношении несовершеннолетних. Исследователи аргументированно доказывают, что такие штрафы назначаются не несовершеннолетним, а их родителям, что входит в противоречие с доктриной уголовного права, а именно, с принципом вины и общими началами назначения наказания [3, с. 744]. Отмечается также, что при уплате штрафа родителями несовершеннолетний преступник не подвергается никакому уголовно-правовому воздействию, т. е. цели наказания в данном случае не достигаются. Выводы в данном случае заключаются в необходимости исключения нормы, предусматривающей возможность исполнения штрафа родителями несовершеннолетнего [4, с. 169].

Третьей по «популярности», но не по значению, является группа проблем, посвященных низкой эффективности штрафа с точки зрения его реального исполнения. В качестве причин указываются недостатки в правовой регламентации механизма назначения и исполнения штрафа, а именно, чрезмерно высокие и поэтому явно неисполнимые размеры штрафов, назначаемых кратным способом, а также просчеты в правоприменительной практике — суды и приставы-исполнители не всегда должным образом обращают внимание на выяснение и установление реальных возможностей у осужденных уплатить штраф средних или даже небольших размеров (отсутствие места работы, долги, кредитная нагрузка и т. д.) [5, с. 213].

С начала 2020-х гг. наблюдается повышение интереса к теме справедливости и обоснованности применения штрафа за конкретные виды деяний. Если ранее штраф встречался в большей степени в санкциях составов преступлений небольшой и средней тяжести, в основном экономической (корыстной), экологической направленности, то в настоящее время возможность применения штрафа предусмотрена также и за посяательства против жизни и здоровья человека, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности и даже преступления против мира и безопасности человечества [6, с. 44].

Таким образом, контент-анализ научных работ за последние пять лет свидетельствует о высокой степени внимания научной общественности к теоретическим и практическим вопросам штрафов в различных отраслях отечественного законодательства, особенно уголовного. На сегодняшний день вскрылось и накопилось достаточное количество теоретических и практических проблем, требующих пересмотра некоторых норм правовой регламентации уголовного наказания в виде штрафа, а также совершенствования механизма его практического исполнения.

Список источников

1. Попугаев Ю. И., Шубин И. В. О проблеме соотносимости административного штрафа с уголовным штрафом и судебным штрафом как мерой уголовно-правового характера // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4.
2. Лепина Т. Г., Шатанкова Е. Н. Проблема разграничения судебного штрафа и уголовного наказания в виде штрафа // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2.
3. Хасанова Ф. Д. Проблемы назначения штрафа в отношении несовершеннолетних // Трибуна ученого. 2020. № 12.
4. Князева Е. А., Дубинская Ю. В. Штраф в системе наказания несовершеннолетних — проблемы взыскания // Закон и право. 2022. № 8.
5. Кулева Л. О. Злостное уклонение от уплаты штрафа: *delegelata et delegerenda* // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 2.
6. Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Некоторые проблемы законодательной регламентации и применения штрафа в уголовном праве России // Уголовная юстиция. 2023. № 21.

В. С. Плетников, М. С. Плетникова

Реализация права в условиях технологического развития: вопросы теории и практики

На современном этапе развития общественных отношений, когда в жизни человека повсеместно появляется новая техника, технологии и технологические инновации [1, с. 148], юриспруденция во всех своих проявлениях стремится не отставать от технологического развития общества.

В юридической науке исследуются вопросы, связанные с цифровизацией судебно-экспертной деятельности [2, с. 18], цифровыми технологиями [3, с. 41], цифровой трансформацией [4, с. 75] и т. д.

В юридическом образовании появляются образовательные программы и учебные дисциплины, позволяющие будущему юристу-практику понимать происходящие процессы и быть их квалифицированным участником (юридическое сопровождение стартапов, цифровое право, цифровые и информационные технологии в сфере противодействия коррупции и т. д.).

В юридической практике благодаря абстрактным формулировкам правовых норм, особенно положениям ст. 8 Конституции РФ, в которой допускается свобода экономической деятельности, участники имеют возможность, в том числе в сфере юриспруденции, широко применять достижения науки и техники (технологии искусственного интеллекта, платформенные технологии, смарт-контракты и т. д.).

При этом следует обратить внимание на ряд моментов, характеризующих современный процесс реализации права.

Во-первых, реализация права воспринимается как процесс претворения в жизнь правового предписания, без внимания остается то, что она в ряде случаев завершается изданием акта реализации права. Как следствие, большинство участников правовой жизни воспринимают акт реализации права только как некоторую деятельность, последовательность действий субъекта. В значительном количестве случаев такого понимания будет достаточно, например, когда речь идет о реализации запрещающих норм; субъект воздержался от совершения противоправных действий, вел себя пассивно, т. е. в полной мере выполнил требование о соблюдении запрета. Аналогичная ситуация возможна при реализации норм дозволения в пассивном поведении субъекта.

При этом важно обратить внимание, что, например, когда речь идет о реализации обязывающих норм и норм дозволений, которые реализуются в активных действиях, в значительном числе случаев акт реализа-

ции права — уже юридический акт-документ, с помощью которого происходит осуществление субъективных прав и юридических обязанностей [5, с. 546]. И если субъект проигнорирует данный факт (не создаст/получит этот юридический документ), такое его поведение может вызвать проблемы с разным уровнем последствий. В частности, обратим внимание на ситуации, когда субъект реализует принадлежащее ему право сделать заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ). Недостаточно прийти в органы внутренних дел и сообщить о преступлении, необходимо подать письменное заявление, а если заявление сделано в устной форме, то заявитель должен подписать протокол принятия устного заявления о преступлении. Реализация права на подачу заявления о преступлении будет использована в полной мере только при условии появления акта-документа.

Особую важность данный факт приобретает в связи с появлением в 2023 г. ст. 474² УПК РФ (электронные документы в досудебном производстве), поскольку позволяет существенно облегчить, минимизировать взаимодействие граждан с правоохранительными органами.

Здесь важно акцентировать внимание на том, что реализация права в ряде случаев возможна только при наличии акта (документа) реализации права. Только тогда она будет иметь заверченный вид, будет осуществлена в полном объеме и качественно. Добиться этого удастся только при условии, что данное положение войдет в учебную юридическую литературу в качестве фундаментального юридического знания.

Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что реализация права осуществляется как обычными гражданами, так и субъектами, которые действующим законодательством наделены в юридическом процессе определенными полномочиями (правами и обязанностями), в том числе государственно-властными.

Необходимо отметить, что законодатель в большинстве случаев предъявляет минимальные требования к актам, создаваемым гражданами, поскольку понимает, что не все знакомы с законодательством [6, с. 274–275].

Иная ситуация складывается со второй группой субъектов: любая деятельность субъекта, обладающего государственно-властными полномочиями, жестко регулируется законодательством. Следовательно, реализация права в исполнении данных субъектов будет осуществляться на основе строгих унифицированных юридических процедур.

Для примера обратимся к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном

контроле в Российской Федерации», который в совокупности с постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» определяет не только особенности правоприменительной, но и правореализационной деятельности, обеспечивает соблюдение обязательных требований, регламентированных Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании». В частности, законодательством установлено, что ряд проверок проводится только после согласования с органами прокуратуры, т. е. в случае, когда контрольный орган пришел к выводу о необходимости проведения проверки, вынес соответствующее решение, он должен обратиться в органы прокуратуры (его обязанность) для получения их согласия, и только когда получено согласие — проводить проверку. В данном случае получение согласия на проведение проверки — это реализация права в форме исполнения обязанности.

Для оптимизации контрольно-надзорной деятельности, повышения ее эффективности в соответствии с постановлениями Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 415 «О Правилах формирования и ведения единого реестра проверок», от 16 апреля 2021 г. № 604 «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» разработано некоторое технологическое решение — федеральная государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» (далее — ФГИС ЕРКНМ). Не будем останавливаться на проблемах нормативной регламентации реестра, перейдем непосредственно к правореализационной практике.

Регламент подключения и интеграции ФГИС ЕРКНМ, а также руководство пользователя системы, представленные в сети Интернет, дают полное представление о природе, правилах ведения ФГИС ЕРКНМ.

При этом приходится с сожалением констатировать, что на практике ситуация складывается не всегда гладко, так как ФГИС ЕРКНМ, например, интегрирована с АИК «Надзор-Web» прокуратуры. Невыполнение, неполное выполнение требований, определенных технико-юридическими нормами, не позволит заинтересованному субъекту получить искомый результат, например, согласование проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия. В частности, в силу постановления Правительства Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 980 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» раз-

мещенная в ФГИС ЕРКНМ карточка паспорта контрольно-надзорного мероприятия является решением органа контроля о проведении проверки. Неподтверждение текущего статуса контрольного (надзорного) мероприятия «Готов к согласованию» во ФГИС ЕРКНМ влечет за собой отсутствие сведений о статусе обмена в АИК «Надзор-Web». Только после подписания паспорта контрольного (надзорного) мероприятия в статусе «Готово к согласованию» он должен быть отправлен контрольным (надзорным) органом в органы прокуратуры с помощью функционала «Действия» путем выбора пункта «На согласование». Если органом контроля данное действие не выполнено, то это исключает возможность размещения итогового решения прокурора о результатах согласования контрольного (надзорного) мероприятия в разделе паспорта контрольного (надзорного) мероприятия «Сведения о согласовании» с ролью «Прокурор», т. е. мероприятие не может быть согласовано. Как результат, проведение контрольного (надзорного) мероприятия становится невозможным, поскольку фактически субъект, осуществляющий контроль, не исполнил возложенную на него обязанность и не обратился за согласованием в органы прокуратуры.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на то, какая по счету совершена научно-технологическая революция, реализация права и ее результат во многом будут зависеть от автономного грамотного решения конкретного субъекта, в намерениях которого присутствует воля на реализацию права. Причем на современном этапе развития общества данное решение должно быть представлено в той форме и с тем содержанием, которые определяются не только и не столько правовыми, сколько технико-юридическими нормами, сформированными на основе требований технологических процессов.

Список источников

1. Стрелкова Л. В., Кабанов С. С. Технологическое развитие отраслей промышленности: оценка и перспективы // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 2(2).
2. Саркисян А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
3. Топилина Т. А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
4. Буланова В. С. Информационно-правовое обеспечение оказания телемедицинских услуг в условиях цифровой трансформации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

5. *Шабуров А. С.* Теория государства и права : учебник. Курган, 2009.
6. *Юридическая техника* : учебник / под ред. В. М. Баранова. М., 2021.

Е. А. Плешаков

Приоритеты реализации трудовой (кадровой) политики России

Занятость населения — политико-правовой феномен, который традиционно выступает объектом идеологического противоборства между конкурирующими государствами. На этом социальном фоне законодательные позиции России представляются выигрышными, в том числе при определении приоритетов правового обеспечения занятости.

Природа, ценности, функции юридического приоритета не раз становились предметом научного дискурса [1, с. 39; 2, с. 40; 3, с. 51], хотя и заявлять о полноценно сформированной доктринальной концепции пока не приходится. Попытаемся отметить лишь некоторые методологического рода предпосылки анализа конкретного федерального закона, регулирующего трудовые отношения в России и формирование кадровой политики.

Верный выбор юридического приоритета, отсутствие грубых ошибок при определении приоритетных задач (в нашем случае в правовом обеспечении занятости) — свидетельства зрелости, устойчивости, силы государства, значимое средство формирования его имиджа.

Всего в Федеральном законе от 12 декабря 2023 г. № 575-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее — Закон о занятости) 70 статей. Понятие «приоритет» применено в них 7 раз, а статья 35 акта содержит его и в названии — «Содействие приоритетному трудоустройству граждан».

Подобная краткая констатация не претендует на полноценный комментарий законодательства. Автор стремится провести проблемный специализированный доктринальный анализ — «вычленив» из текста закона нормативный материал, относящийся к феномену «юридический приоритет». Кроме того, во главу угла поставлен системный подход: исследовалась взаимосвязь юридических норм, оперирующих понятием «приоритет», с иными государственными установлениями.

Презюмируем, что идея и концепция Закона о занятости реализованы в его содержании и форме в соответствии с логикой, задуманной законодателем. Следовательно, придерживаясь этой логики и примерно в та-

кой же последовательности, обратившись к юридическим нормам Закона о занятости, которые оперируют понятием «приоритет» либо терминами, замещающими его, получаем следующее: при определении приоритетов правового обеспечения занятости нужно учитывать гендерные, возрастные, демографические, образовательные критерии, состояние международного рынка труда и миграционные процессы. Сделать это весьма непросто, поскольку линии взаимосвязи между названными критериями не всегда очевидны, порой один фактор исключает другой.

Список источников

1. Репьев А. Г. Правовая политика по установлению специальных норм социальной помощи и защиты субъектов с особым юридическим статусом // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 1.

2. Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64).

3. Репьев А. Г., Хрони Н. Н. Приоритет в содержании правоотношений : монография. М., 2024.

О. Г. Половников

Социальное единство как фундамент правопорядка в современном обществе

Вопрос о том, что именно составляет фундамент правопорядка в современном обществе, традиционно решается в рамках общей теории права через апелляцию к идеям верховенства закона, конституционализма, разделения властей и гарантий основных прав и свобод человека. Однако, будучи рассмотренным в онтологическом ключе, правопорядок в строгом смысле оказывается не просто формой внешней организации, а состоянием согласованности социальных ожиданий и признания легитимности общеобязательных правил, установленных государством. Эта согласованность — социальное единство — выступает глубинным условием, при отсутствии которого «право» редуцируется к совокупности команд, а «порядок» — к принудительной стабильности. Именно поэтому классическая политико-правовая доктрина связывают право с механизмами социальной интеграции: от дюркгеймовской формулы «право — видимый символ солидарности», где смена типов солидарности (механической — на органическую) соответствует эволюции репрессивных санкций в сторону реститутивных [1, с. 126], до современных

теорий процедурной легитимности Ю. Хабермаса и либеральной концепции справедливости Дж. Ролза, которые выводят устойчивость правопорядка из согласия на процедуры и «перекрывающийся консенсус» по базовым конституционным ценностям [2, с. 254].

Для современной юридической науки важно, что социальное единство здесь мыслится не как унификация убеждений, а как минимум разделяемых всеми участниками правил и принципов: достоинство личности, формальное равенство, правовая определенность, добросовестность публичной власти и соразмерность ограничений прав. Когда изложенные требования соблюдаются, правопорядок не только поддерживается принуждением, но и воспроизводится в сознании участников: они признают нормы как легитимные, ожидая их соблюдения от других граждан и от государства. В противном случае возникают симптомы правовой аномии: непредсказуемость, фрагментарность, «правовая энтропия» и, как следствие, снижение готовности к добровольному соблюдению.

Юридический смысл социального единства наиболее четко проступает в политико-правовой доктрине конституционализма. Конституция современного типа не только закрепляет структуру власти и перечень основополагающих прав и свобод, она задает основу согласия в дифференцированном обществе. Поэтому правопорядок устойчив там, где существуют институциональные гарантии участия и представительства, открытые и инклюзивные процедуры правотворчества, а также судебные механизмы обеспечения баланса конфликтующих ценностей [3, с. 175].

Существенное место в юридическом осмыслении социального единства принадлежит либеральной отечественной традиции конца XIX — начала XX вв., которая, не отвергая идею солидарности, наполняет ее правовым содержанием. Б. А. Кистяковский предлагал рассматривать государство как «форму вполне организованной солидарности между людьми», а в правовом государстве усматривал «господство правовых норм» вместо персоналистского господства людей: «в конституционном государстве власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм». Солидарность власти и народа по Б. А. Кистяковскому указывает на правовой характер социального единства как конституционного факта [4, с. 8]. В дальнейшем идея дифференцируется: различаются правовая и социально-экономическая формы солидарности. Первая утверждается через формальное равенство, «неотъемлемые, неприкосновенные, неотчуждаемые права» и участие в народном представительстве, вторая — через материальную обеспеченность, делающую права реальными, а не декларативными.

Солидаризм во французской правовой мысли исходил из другой отправной точки — от «социального долга» личности перед обществом (Л. Буржуа, Л. Дюги). Реализация данной идеи осуществлялась посредством разработки «юридических средств преодоления социальной несправедливости», чтобы моральные идеалы стали «основой внутригосударственного и международного законодательства». Признание взаимозависимости членов общества ведет к возложению дополнительных социальных обязанностей на личность, общество и государство, а исполнение этих обязанностей «создает условия для достойной жизни» и «расширяет индивидуальную свободу» [5, с. 341]. Юридическая значимость данного тезиса в XXI в. состоит в том, что социальное единство опосредуется не только «негативными» гарантиями свободы, но и «позитивными» обязанностями государства — обеспечивать условия для реального использования прав.

Солидарность и социальное единство, будучи «внутренними условиями» правопорядка, не отменяют приоритета свободы личности. Отечественная либеральная традиция указывала на недопустимость «поглощения» личности целями коллективного блага: правовое государство обеспечивает автономию личности от произвольных притязаний власти и общества, не соразмерных конституционным целям [6, с. 22–23]. Социальное единство имеет значение и для качества законотворчества. В терминах чистой теории права Г. Кельзена правопорядок — иерархия норм; его согласованность обеспечивает предсказуемость и доверие [7, с. 116]. Там, где норма указывает понятные основания и последствия, налагает обязанности адресатам власти не менее жестко, чем частным лицам, и обеспечивает доступ к эффективной судебной защите, возникает «добровольная реализация» правопорядка: участники следуют нормам не из-за страха санкции, а потому что нормы прозрачны и справедливы. Таким образом, социальное единство — это состояние современного общества, при котором конституционные ценности разделяются в достаточной мере, чтобы обеспечить добровольное подчинение праву, а юридические институты функционируют как механизмы согласования и балансирования противоборствующих интересов. В данной перспективе правопорядок обеспечивается не принуждением, а базируется на социальном единстве: именно оно превращает нормы в предсказуемые ожидания.

Список источников

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. М., 1991.

2. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. М., 2001.

3. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57).

4. Грязнова Т. Е., Москаленко Г. Е. Учение о солидарности власти и народа Б. А. Кистяковского // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1(25).

5. Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).

6. Москаленко Г. Е. Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.

7. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем.; под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 2000.

С. Б. Поляков

Анализ судебской правоприменительной техники

По Р. Иерингу, юриста от профана должно отличать знание юридических методов [1, с. 16]. Их изучают студенты в курсе правоприменительных операций путем анализа судебных актов и их обсуждения [2, с. 14]. Результаты анализа учебной группы представляются в настоящей статье.

В 25 судебных актах по делам, в которых заявлялось о коллизии норм права, примерно в половине как-то обосновано наличие (12) или отсутствие (4) коллизии, но нет ясного логического основания для выводов. Структурный анализ норм права, о коллизии которых утверждается, отсутствует во всех судебных актах. Тождество адресатов и противоположность диспозиций при тождестве гипотез либо тождество диспозиций при различии гипотез для вывода о наличии коллизии норм не аргументируется.

В основном обсуждалось применение общей и специальных норм (конкуренция норм), но нет суждений, в каком положении закона содержится подчиняющее (родовое), а в каком — подчиненное понятие. Именно последнее определяет специальную норму.

В решении Арбитражного суда Республики Северная Осетия-Алания от 18 февраля 2010 г. по делу № А61-279/10 указано: «В данном случае

имеет место коллизия между правовыми нормами Закона о банках и банковской деятельности и Закона о защите конкуренции». Но вид коллизии и правила ее преодоления не определены. Истец обосновывал требования абзацем 2 ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1-ФЗ «О банках и банковской деятельности». Возражения ответчика подкреплялись ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В норме права, на которую ссылался истец, содержатся подчиненные понятия адресата и диспозиции относительно подчиняющих понятий в этих элементах нормы права, на которую ссылался ответчик. Иск удовлетворен, но аргументация суда неубедительна.

В 11 судебных актах утверждается о коллизии норм, которой в действительности нет. Так, в решении Ленинского районного суда г. Самары от 30 января 2024 г. по делу № 2-103/2024 (2-5261/2023) заявлено о коллизии общей и специальной норм, в то время как для разных адресатов установлены разные объекты, в отношении которых должны совершаться действия.

Отсутствие ясных логических оснований для выводов о наличии коллизии норм права, определения вида коллизии для ее правильного преодоления (ясно назван в 12 судебных актах из 21, в которых говорится о коллизии) приводит к противоречивым положениям судебных актов и сомнительным итоговым решениям.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2021 г. по делу № А40-143913/2020, которым оставлены без изменения обжаловавшие судебные акты, прописано, что суд первой инстанции, оценив положения ч. 5 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и п. 1 ст. 617 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и установив коллизию норм права, пришел к выводу о приоритете действия п. 1 ст. 617 ГК РФ как специальной нормы. Двумя абзацами ниже сказано: «Установление общего императивного запрета на замену стороны госконтракта согласно ч. 5 ст. 95 Федерального закона от 5 мая 2013 г. № 44-ФЗ не содержит принципиального отрицания действия ч. 1 ст. 617 Гражданского кодекса РФ в части установления гарантий правового положения арендатора при смене собственника арендуемого имущества». В нормах права, содержащихся в названных положениях законов, — противоположные диспозиции, а гипотезы норм различаются составом юридических фактов, т. е. нет коллизии между этими нормами права. Но суд кассационной инстанции не указал прямо на ошибку суда первой инстанции — ненужное для правильного решения дела утверждение о коллизии норм права.

Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2024 г. № 88-15412/2024 оставлены без изменения судебные

постановления об отказе в удовлетворении заявления ООО-1 «Об установлении правопреемства на стороне должника по гражданскому делу по заявлению ООО-2 (банкрота) о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги по содержанию жилья с К.», основанного на ст. 44 Гражданско-правового кодекса РФ (далее — ГПК РФ). В определении указано: «При разрешении коллизии между ч. 18 ст. 155 Жилищного кодекса Российской Федерации и положениями законодательства о банкротстве, устанавливающими порядок реализации имущества в деле о банкротстве должника, необходимо руководствоваться положениями Жилищного кодекса Российской Федерации как специального Федерального закона, регулирующего отношения, связанные с предоставлением коммунальных услуг и внесением платы за жилое помещение и коммунальные услуги». С какой именно нормой, содержащейся в законодательстве о банкротстве, усмотрена коллизия с нормой, содержащейся в ч. 18 ст. 155 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ), в определении не отмечается. Как эти положения связаны с требованием заявления, на каком основании изменен предмет спора — из определения понять невозможно. В то же время нормы права, содержащиеся в ст. 44 ГПК РФ и в ч. 18 ст. 155 ЖК РФ, адресованы несовместимым адресатам и различаются по всем элементам норм права. Сомнительно изложение заявления инициатора дела (ООО-1 просит правопреемство должника или все-таки кредитора). Путаница в определении предмета спора, притязаний заявителя и другого участника дела, называемых ими в обоснование притязаний норм права, не позволяют понять суть указанной судом коллизии между не названными нормами и смысл судебного акта.

Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 февраля 2022 г. № Ф04-8147/2021 по делу № А45-5811/2021 оставлены без изменения обжалуемые судебные акты, которыми удовлетворены требования истца, основанные на п. 1 ст. 395 и п. 1 ст. 401 ГПК РФ. Ответчик считал, что эти нормы не подлежат применению в силу п. 2 ст. 156 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В постановлении указано: «Суд округа полагает, что нормы пункта 2 статьи 156 Закона о банкротстве являются специальными по отношению к нормам пункта 4 статьи 401 ГК РФ. Следовательно, при разрешении коллизии между этими нормами приоритетом обладает специальная норма в соответствии с общеправовым принципом *lex specialis derogat generali*, определяющим критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения». Однако далее указывается, что применение общей, а не спе-

циальной нормы не привело к принятию неправильного судебного акта. Между тем структурный анализ норм, содержащихся в приводившихся сторонами спора положениях законов, устанавливает не только противоположные диспозиции, но и разные фактические составы. Основанный на этом вывод об отсутствии коллизии норм права, на которые ссылались стороны дела, позволял правильно опровергнуть юридическое возражение ответчика и затем решать дело по нормам права, названным истцом (по основаниям иска).

В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 мая 2023 г. по делу № А26-8653/2021 сделан вывод о наличии коллизии между не указанными нормами законодательства о банкротстве и законодательства о водоснабжении. Без аргументации Закон о водоснабжении назван специальным по отношению к Закону о банкротстве. Но решение вынесено в пользу ответчика, ссылавшегося на нормы Закона о банкротстве.

С подменой сравнения норм сравнением предметов регулирования законов, в которых они содержатся, сделаны выводы о коллизиях норм права в постановлениях Арбитражного суда Московского округа от 31 июня 2024 г. по делу № А40-247937/2022, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 декабря 2023 г. по делу № А72-10407/2023.

В 25 судебных актах по делам, в которых заявлялось о пробеле в праве, содержится достаточная аргументация суда о наличии (14) или отсутствии (11) пробела в законе, о которых заявляли участники дела.

В проанализированных судебных актах, обосновавших пробел в законе, можно определить, отсутствие чего именно (юридического факта, деяния, процессуальной нормы реализации существующей материальной нормы права) названо пробелом. Нет решений о применении аналогии закона или права до обоснования наличия пробела в законе.

Выявлен только один судебный акт с явно сомнительной аргументацией. В решении Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 7 июня 2022 г. по делу № 2-789/2022 не указано, что истец и ответчик заявляли о пробеле в праве. Суд обосновал отсутствие пробела в законе, определил, что спорные отношения прямо регулируются ч. 4 ст. 69 ЖК РФ. Но при этом зачем-то указал, что ст. 7 ЖК РФ предусмотрено применение жилищного законодательства по аналогии.

В 24 судебных актах по делам, в которых был спор об обязательности в фактическом составе или о юридическом значении обстоятельства, предмет толкования (юридический факт) ясно прописан в 18 актах. Не указаны способы толкования, которыми судом решен спор, в 8 актах.

Но в их аргументации можно определить примененные способы толкования права.

Во всех 24 судебных актах по делам, в которых был спор о соответствии обстоятельства дела понятию в норме права (юридического факта, признака деяния) указан предмет толкования (обстоятельство дела — понятие). Не отмечены способы толкования, которыми судом решен спор, в 13 актах. Но в их аргументации можно определить примененные способы толкования права. В трех актах утверждается, что «доводы стороны основаны на неверном толковании закона», но не указано, применение каких способов и приемов толкования закона было ошибочным.

Изученные судебные акты с установлением и преодолением коллизий норм права, толкованием норм права в значительной части основаны не на юридических методах.

Список источников

1. *Иеринг Р.* Юридическая техника. М., 2008.
2. *Поляков С. Б., Гилев И. А.* Система правоприменительных операций. М., 2023.

А. Г. Репьев

Реализация транспортной политики в Арктике и проблемы правового регулирования

Транспортная политика современной России выходит на качественно иной уровень. Классический комплекс транспортных отношений демонстрирует высочайшие темпы как в общесоциальном отношении, так и экономическом, политическом, образовательном и др. Государство вкладывает в отрасль значительные финансовые средства и привлекает колоссальные человеческие ресурсы. В 2025 г. на комплексную поддержку инфраструктурных задач в области перевозки пассажиров и грузов в новом национальном проекте «Эффективная транспортная система» Правительство РФ предусмотрело выделение из государственного бюджета одного триллиона рублей [1]. В то же время, кроме повсеместной необходимости достижения устойчивости транспортной отрасли, общество и органы публичной власти осознают острую потребность развития логистических и транспортных узлов в уникальной климатической зоне — Арктике.

Регион примыкания к Северному полюсу, охватывающий Северный Ледовитый океан с островами, требует не только неординарных поли-

тических и управленческих решений, но и качественно иных подходов к правовому регулированию. Это объясняется тем, что суровые климатические условия актуализируют необходимость создания уникальных промышленных и логистических проектов (по примеру центра строительства крупнотоннажных морских сооружений в Белокаменке). Имеющие неоценимое значение для климатического баланса по всему миру льды Арктики обязывают государство прикладывать усилия по развитию и модернизации Мурманского транспортного узла. Не следует забывать и том, что широта и протяженность данного физико-географического района предполагает создание новых транспортных и логистических терминалов, расширение железнодорожных подходов, сети автомобильных дорог.

Создание интеллектуальных транспортных систем, сети опорной логистической инфраструктуры, цифровых транспортных коридоров потребует четкого нормативного регламентирования единого транспортного пространства. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [2] (далее — Транспортная стратегия) прямо указывает на необходимость применения единых нормативных стандартов в области совместимости различных видов транспорта и транспортных средств.

Единообразие подходов правовой регламентации достигается совокупностью средств, приемов, технологий, фундаментальной из которых является систематизация законодательства. Она, как известно, предполагает создание унифицированного акта в различных формах. Наиболее глубоким подходом к унификации характеризуется кодификация, а более компромиссный характер имеет консолидированный акт. И в том и в другом случае этот процесс по своему содержанию означает упорядочение нормативного материала, а форма может быть разной.

Острая потребность в унификации транспортного законодательства подтверждается ее важным значением как минимум в трех проекциях.

Для субъектов законодательной деятельности, так как предполагает ревизию уже действующих правовых предписаний, установление среди них утративших свою актуальность и регулятивный потенциал и впоследствии — достижение согласованности, непротиворечивости всего правового массива. Например, может идти речь о ликвидации противоречий различного закрепления статусных характеристик субъектов (прежде всего прав, юридических обязанностей, ответственности), имеющих фактически идентичное правовое положение. Так, в настоящее время контрадициональной является группа норм, регулирующих

транспортно-экспедиционную деятельность. Согласно ст. 6 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ, основывающейся на общих нормах международного права в данной области (Конвенция о международных железнодорожных перевозках и др.), перед экспедитором должен отвечать соответствующий перевозчик [3], что не в полной мере согласуется с положениями национального законодательства.

Для правоприменителя унификация обладает информационно-ориентирующим свойством, поскольку позволяет уяснить основные начала построения правовой регламентации транспортной отрасли, установить системные связи базовых принципов и конкретных правил поведения для последующей интерпретации и реализации. Самый яркий пример — определение понятия «транспортное средство». В действующих нормативных правовых актах мы обнаруживаем некую вариативность на этот счет, а если к ним прибавить разъяснения законодательства в различных интерпретационных формах, то можно заметить полное отсутствие единообразия. Риски наличия разности статусных характеристик транспортных средств с учетом распространения на лиц, например, управляющих механическими транспортными средствами, уголовной ответственности — очевидна. К слову, Транспортной стратегией и во все закреплено предельно широкое определение понятия транспортного средства, включающее в себя перспективный подвижной состав (так называемые экранопланы).

При этом правовые предписания, претендуя на регламентацию сходных транспортных отношений, не только различны по своей юридической силе, но при этом частично дублируют друг друга, а нередко противоречат. Так, многим заинтересованным субъектам известна юридическая коллизия в части ответственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа. Для понимания достаточно проанализировать ч. 1 ст. 796 «Ответственность перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа» Гражданского кодекса РФ и ст. 118 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации, утвержденного Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ.

Наконец, унификация транспортного законодательства имеет магистральное свойство для юридической доктрины. В рамках интеллектуальной научной деятельности по упорядочению норм транспортного права (как теоретической, так и прикладной) за счет глубокой степени абстрагирования происходит выработка и приведение к единообразию специфической транспортной терминологии, дефинитивного ряда, юридических конструкций.

Общая концептуальная задача отталкивается от очевидной проблемы — действующее транспортное законодательство, регулируя стратегические вопросы экономического развития, особенно в арктической зоне, охватывая многообразие смежных отношений (в области цифровизации, информатизации, строительства, экологии, поддержания правопорядка и пр.), внутренне разбалансировано. Однако прежде чем приступить к кардинальному варианту решения данной проблемы, необходимо детально проработать возможность систематизации в целом (относительно формы окончательного продукта) и определить конкретную модель (будет ли это сплошная ревизия с последующим принятием нового сводного нормативного акта в формате единого кодекса либо возможно обойтись точечной донастройкой в формате инкорпорации без кардинальных нормотворческих шагов).

Арктика, требующая социального и промышленного освоения, с учетом сопутствующей необходимости защиты климата, реагирования на чрезвычайные ситуации обязывает научное сообщество, практикующих юристов максимально вдумчиво подойти к вопросам правового регулирования и повышения его стройности, системности и непротиворечивости.

Список источников

1. URL: <https://rg.ru/2025/03/26/mishustin-na-nacproekt-effektivnaia-transportnaia-sistema-vydeliat-1-trln-rublej.html> (дата обращения: 11.04.2025).

2. *О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года* : распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О транспортно-экспедиционной деятельности* : федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ.

Р. Ю. Рунаев

Образ сотрудника полиции как проводника и хранителя ценностно-ориентирующих установок права

Формирование образа сотрудника органов внутренних дел (далее — ОВД) в России имеет долгую историю, которая претерпела значительные изменения на различных этапах развития государства. Исторические и социальные факторы, а также изменения в законодательстве

оказывали существенное влияние на восприятие и роль блюстителей правопорядка в общественном мнении. Образ сотрудника ОВД в советский период — «милиционера» — символизировал защитника интересов рабочего класса и борца с преступностью.

На протяжении XX в. милиция играла важную роль в поддержании стабильности в государстве. В послевоенные годы, особенно в период 1960–1980 гг., благодаря фильмам и литературе был создан стереотип советского милиционера как человека принципиального, ответственного, часто героического. Например, фильмы «Рожденная революцией», «Место встречи изменить нельзя» и «Инспектор ГАИ» укрепляли в общественном сознании образ милиционера как благородного защитника общества, готового рисковать своей жизнью ради справедливости и правопорядка.

В 1990-е гг. после распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике образ милиционера изменился. Социально-экономический кризис, падение уровня жизни и коррупция в ОВД привели к тому, что общество утратило доверие к сотрудникам милиции. Резкий рост уровня преступности в 1990-е гг., а также значительное ослабление государственных институтов создали условия, при которых милиция стала ассоциироваться с разгильдяйством, коррупцией, взяточничеством и превышением служебных полномочий.

Для борьбы с внутренними проблемами в системе МВД и улучшения имиджа милиции в 2000-е гг. начались реформы. Усиление контроля за деятельностью сотрудников, повышение квалификационных требований и введение новых стандартов поведения были нацелены на повышение доверия со стороны населения. Несмотря на усилия государства, образ милиционера оставался противоречивым: с одной стороны, они продолжали выполнять важные функции по поддержанию правопорядка, с другой — случаи коррупции и неправомерных действий подрывали репутацию ОВД.

Одним из ключевых этапов изменения образа сотрудника ОВД стала реформа МВД России 2011 г., которая предусматривала преобразование милиции в полицию. Цель реформы заключалась в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов и улучшении их имиджа в глазах общества. Принятый в 2011 г. Федеральный закон от 7 февраля № 3-ФЗ «О полиции» закрепил новые стандарты работы и поведения сотрудников полиции, повысив требования к профессиональной и личной квалификации.

Тем не менее переходный период сопровождался различными трудностями. Общественное восприятие полиции все еще оставалось

неоднозначным, так как на фоне усиливающегося контроля за деятельностью сотрудников полиции продолжали фиксироваться случаи коррупции и превышения полномочий. Вместе с тем благодаря реформе был заложен фундамент для формирования современного образа сотрудника ОВД, чья деятельность открыта, публична и служит защите интересов граждан.

В настоящее время образ сотрудника полиции продолжает меняться. В условиях тотальной цифровизации и усиленного внедрения информационных технологий современные полицейские должны не только обладать физической подготовкой и правовой грамотностью, но и уметь эффективно работать с цифровыми инструментами и базами данных. Принципиально меняется вся концепция деятельности правоохранительных органов. Все больше внимания уделяется оценке эффективности деятельности сотрудников, повышению качества правовой защиты населения, а также этическим нормам и стандартам поведения сотрудников [1, с. 52].

Общество ожидает от полицейских высокой профессиональной культуры, умения корректно взаимодействовать с гражданами, а также прозрачности и открытости в их деятельности. Для повышения уровня доверия к полиции проводятся регулярные тренинги по коммуникации, повышение квалификации и внедрение новых стандартов поведения, что способствует улучшению общественного мнения о служебной деятельности сотрудников ОВД.

По словам начальника Управления по работе с личным составом УМВД России по Тюменской области полковника внутренней службы А. Мартиновского, для повышения степени доверия граждан к сотрудникам полиции необходимо, чтобы полицейские соответствовали требованиям, которые выдвигает общество. Для этого законодатель ужесточил требования для поступающих на службу. Кроме наличия соответствующей квалификации, потенциальный кандидат и его близкие родственники проверяются кадровыми подразделениями на отсутствие порочащих связей. В ходе всесторонней работы с претендентом выявляются его личные мотивы поступления на службу. Каждый кандидат в обязательном порядке проходит комплексное психологическое тестирование [2].

Прежде всего профессиональная компетентность — одна из ключевых черт современного полицейского. Сотрудник ОВД должен обладать знаниями в области уголовного, административного, гражданского и международного права, уметь применять законодательные нормы на практике и быстро ориентироваться в меняющейся правовой среде.

Способность к анализу оперативной обстановки, сбору доказательств, проведению следственных действий и расследованию преступлений является основой его профессиональной деятельности. Постоянное повышение квалификации через тренинги, курсы и образовательные программы позволяет сотрудникам ОВД оставаться компетентными и готовыми к новым вызовам.

При этом этические нормы и моральные качества занимают важное место в формировании образа современного полицейского. В условиях повышенного внимания со стороны общества и средств массовой информации (далее — СМИ) сотрудник должен демонстрировать высокий уровень профессионализма, быть вежливым и уважительным к гражданам, соблюдать их права и свободы. Этические стандарты поведения включают в себя недопущение проявлений коррупции, дискриминации или предвзятости в службе. Честность, ответственность и принципиальность являются основными моральными критериями оценки полиции, что напрямую влияет на доверие общества к органам правопорядка.

Коммуникативные навыки также играют важную роль в повседневной деятельности сотрудников ОВД. Полицейский должен уметь эффективно взаимодействовать с гражданами, коллегами и представителями других организаций. Способность вести переговоры, разъяснять законы и правила, а также разрешать конфликтные ситуации мирным путем — ключевые качества, необходимые для поддержания общественного порядка. Умение слушать, проявлять эмпатию и находить подход к людям разных возрастов, социальных статусов и культурных особенностей помогает в установлении доверительных отношений и снижении напряженности в конфликтных ситуациях.

Сегодня без партнерских отношений между гражданами и полицией невозможно предотвратить рост преступности. Без учета реакции населения на деятельность ОВД невозможно формирование благоприятных условий для жизнедеятельности граждан. При этом поиск баланса между государством и населением невозможен без помощи жителей страны. В нынешних условиях деятельность ОВД по формированию своего положительного имиджа, защите своей репутации и чести является одним из важных направлений [3, с. 236–237].

Однако формирование положительного образа сотрудников ОВД сопряжено с рядом сложностей, обусловленных как внутренними проблемами системы, так и внешними факторами. Отрицательное восприятие полицейской службы в обществе может быть связано с недостаточной прозрачностью ее деятельности, случаями превышения полномочий,

коррупционными скандалами, а также стереотипами, формировавшимися на протяжении длительного времени.

Одна из главных проблем — это случаи превышения полномочий сотрудниками полиции и использование насилия в отношении граждан. Даже единичные инциденты могут серьезно подорвать доверие к полицейской работе, поскольку информация о таких ситуациях быстро распространяется в медиасфере. Скандалные новости получают широкий общественный резонанс, вызывая негативную реакцию населения. Это приводит к тому, что граждане начинают воспринимать полицию как репрессивный орган, вместо того чтобы видеть в ней защитника своих прав и свобод.

Коррупция среди сотрудников ОВД — еще одна серьезная проблема, подрывающая доверие к полиции. Несмотря на то что принимаются меры по борьбе с коррупционными проявлениями, полностью искоренить это явление пока не удалось. Коррупционные схемы, взятки, «крышевание» бизнеса — все это формирует устойчивое негативное мнение о сотрудниках ОВД как о нечестных и корыстных людях, ставящих личные интересы выше общественных. Для изменения этой ситуации необходимы жесткие антикоррупционные меры, регулярные проверки и повышение прозрачности работы полиции.

Низкий уровень правовой культуры и недостаток профессиональной подготовки некоторых сотрудников также негативно сказываются на восприятии полиции обществом. Полицейские, не знающие основ действующего законодательства или неправильно применяющие его ценностно-ориентирующие нормы, допускают ошибки в своей работе, что приводит к ущемлению прав граждан и несправедливым решениям. Это особенно актуально в случаях, связанных с необоснованными задержаниями, неправомерным применением силы или нарушением прав подозреваемых.

Деятельность ОВД направлена на служение обществу и сотрудничество с ним. Важная роль здесь отводится построению диалога между властью и обществом, в котором МВД России имеет свою позицию и использует соответствующие механизмы взаимодействия. Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, повлияли как на правоохранительные органы, так и на граждан, оценивающих их деятельность. При этом эффективность выполнения профессиональных обязанностей полицейскими во многом зависит от уровня доверия граждан и взаимодействия с ними [4, с. 113].

Укрепление положительного имиджа полицейского ведомства невозможно без повышения профессионального уровня полицейских, до-

стойной оплаты труда и демонстрации своей ежедневной деятельности с помощью средств массовой информации. В настоящее время существует острая необходимость в преодолении негативных стереотипов о деятельности полиции, закрепившихся в сознании населения еще с до-реформенного периода. Искоренение таких стереотипов требует системной работы, направленной на изменение общественного мнения, а также демонстрации положительных примеров деятельности полиции, повышения ее открытости и прозрачности [5, с. 36].

Отсутствие должного уровня социальной поддержки сотрудников ОВД также негативно сказывается на формировании их образа. Низкие зарплаты и недостаточные социальные гарантии могут приводить к снижению мотивации и профессиональному выгоранию полицейских. Это отражается на их поведении при взаимодействии с гражданами, снижает уровень профессионализма и способствует распространению негативного мнения о полиции. Повышение уровня социального обеспечения, улучшение условий труда и создание благоприятного психологического климата в коллективе могут стать важными шагами для укрепления имиджа правоохранительных органов.

Большое влияние на правовую грамотность и правовое воспитание сотрудника полиции оказывает обучение в высшем учебном заведении, формирующем необходимые качества по созданию идеального облика сотрудника полиции. Кроме того, важен уровень развития личностных свойств, позволяющий противостоять манипуляциям и деструктивным воздействиям, определять личностные смыслы и цели, делать нравственный выбор, выстраивать коммуникацию с другими людьми [6].

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего рост профессионализма полицейских, усиление антикоррупционной борьбы, улучшение условий труда и активное взаимодействие с гражданами и СМИ. Только через системную работу и прозрачность деятельности можно достичь значительных изменений в формировании положительного образа сотрудника полиции как проводника и хранителя ценностно-ориентирующих установок права.

Список источников

1. Алексеев А. А., Кирихина Ю. В. Формирование имиджа органов внутренних дел России (ретроспективный анализ) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2.

2. URL: <https://ветеран.мвд.рф/Novosti/item/8545606> (дата обращения: 03.02.2025).

3. Шамурзаева Ю. В. Некоторые особенности формирования и развития коммуникативной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.

4. Передня Д. Г. Имидж полиции России: эмпирический анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1.

5. Николаенко Е. А. Кадровый потенциал органа внутренних дел как важный ресурс территориального органа МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2.

6. URL: <https://moluch.ru/archive/265/61356/> (дата обращения: 03.02.2025).

И. Г. Семенов

Влияние судебной практики на процесс правореализации

Прокуратура является субъектом юридически значимой деятельности, правореализация для которой выражается, помимо прочего, в правоиспользовании и правоприменении.

Как надзорный орган прокуратура вправе обратиться в суд с заявлениями, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства, в том числе с антикоррупционными исками.

Немаловажную роль для использования прокурорами полномочий по обращению в суд с антикоррупционными исками играет судебная практика.

Суды, рассматривая антикоррупционные иски прокурора, длительное время исходили из необходимости применения общего срока исковой давности, равного трем годам и исчисляемого с момента, когда органы прокуратуры узнали о нарушении права. Судами также применялись нормы п. 2 ст. 196 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) о том, что срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен.

В связи с распространением положений института исковой давности на правоотношения по противодействию коррупции прокуроры нередко отказывались предъявлять соответствующие иски, так как нарушения часто выявлялись за рамками трехлетнего срока, что связано с противодействием должностных лиц не только применению антикоррупционных мер, но и выявлению таких нарушений, наличие у них целого комплекса полномочий, способствующих совершению и сокрытию актов коррупции.

Такой подход судов к рассмотрению антикоррупционных исков прокуроров явно не способствовал искоренению коррупции.

С усилением борьбы с коррупцией и активизацией органов прокуратуры постепенно судебная практика претерпевала изменения. В последнее десятилетие судами при рассмотрении исков Генеральной прокуратуры РФ был выработан иной подход к антикоррупционным искам, который основан на недопустимости распространения исковой давности на акты коррупции.

Генеральной прокуратурой РФ были предъявлены антикоррупционные иски к более десяти сенаторам и депутатам федерального уровня на общую сумму более 408,6 млрд рублей. В качестве примера можно привести решение Клинского городского суда Московской области, рассмотревшего и удовлетворившего исковые требования Генеральной прокуратуры РФ о взыскании с бывшего главы Клинского района и подконтрольных ему лиц и возвращении в муниципальную казну 1 700 объектов недвижимости.

В этих случаях суды учитывали частноправовую природу института давности и его неприменимость к публичным правоотношениям, к которым, безусловно, относится деятельность государства по противодействию злоупотреблениям во власти. Свою позицию они мотивировали тем, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» под правом лица, подлежащим защите в порядке исковой давности (ст. 195 ГК РФ), предложено понимать субъективное гражданское право конкретного лица, а не публичное право, против которого посягает должностное лицо. Суды также учитывали положения п. 3 ст. 2 ГК РФ, запрещающего применять к отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство.

На базе этого нормативного массива суды заключили, что институт давности не предназначен для защиты коррупционно нажитых капиталов и не применим для регулирования публичных отношений, к которым, безусловно, относятся вопросы государственной службы. Эта позиция была признана правомерной Верховным Судом РФ.

Отметим, что суды, оценивая доводы сторон и всесторонне изучая обстоятельства дела, подходили к разрешению споров о сроках давности не формально, а содержательно. Они не отказывали в удовлетворении исков и не прекращали производство по ним в момент заявления об этом ходатайств по причине истечения сроков давности, а проводили полно-

форматное разбирательство и переносили рассмотрение вопроса по существу на стадию вынесения итогового решения.

Изменившаяся судебная практика положительно повлияла на использование органами прокуратуры субъектов Российской Федерации полномочий по обращению в суд с антикоррупционными исками.

Несмотря на явно положительный эффект от изменения судебной практики по вопросу применения сроков исковой давности к антикоррупционным искам прокурора, в 2024 г. ситуация изменилась. Верховный Суд РФ предложил кардинально поменять всю практику применения института давности к антикоррупционным искам прокурора. В двух решениях высшая судебная инстанция пришла к выводу о необходимости применения сроков исковой давности. При этом наибольший интерес вызывали не сами решения, а их аргументация. Акты однотипно мотивированы тем, что возврат имущества «служителям» народа нужно совершить во имя обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты права собственности лиц, выполнявших публичные функции.

Изложенную проблематику правореализации по антикоррупционным искам прокуроров в значительной степени разрешил Конституционный Суд РФ своим постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П. Согласно позиции Конституционного Суда РФ точкой отсчета для сроков исковой давности при коррупционных исках прокурора не может служить начало прокурорской проверки именно по причине противодействия лиц, совершающих деяния коррупционной направленности. В настоящее время указанные позиции, выработанные Конституционным Судом, применяются органами прокуратуры при подготовке и поддержании ранее предъявленных антикоррупционных исков.

Таким образом, формируемая судебная практика на основании исков прокуроров антикоррупционной направленности играет значительную роль в правореализации для борьбы с коррупцией и ее проявлениями.

А. И. Сидоркин

Особенности комплектования кадров полиции на польских территориях Российской империи

Организация и комплектование полиции на бывших территориях Польши, присоединенных к Российской империи во второй половине XVIII — начале XIX вв., имели свои особенности, обусловленные спецификой их административно-правового статуса, наличием специальных

законодательных актов, регулирующих данную сферу деятельности [1], а также глубинными процессами цивилизационного порядка, разграничивавшими польский и русский этносы, преодолеть которые, по справедливому замечанию Ю. Булатова, невозможно было механическим объединением земель в одно государство [2].

Одной из таких характеристик, влиявших на процессы комплектования органов полиции на польских территориях, было совмещение функций политического розыска военных с общеполицейскими. Многофункциональность органов полиции и их особая роль в поддержании общественного порядка в условиях непростого «политического климата» на польских территориях значительно затрудняли процедуру назначения на должности руководителей полиции. Особая сложность прохождения службы в полиции на польских территориях подчеркивалась в том числе высоким денежным содержанием Варшавского обер-полицмейстера, размер которого составлял 10 000 рублей в год и уступал только денежному содержанию обер-полицмейстеров Санкт-Петербурга и Москвы (14 000 рублей в год), а также льготным исчислением выслуги лет права на пенсию. Так, для лиц, проходивших службу в органах полиции в губерниях Царства Польского, срок выслуги права на пенсию исчислялся из расчета 5 лет службы на польских территориях за 7 лет службы на остальных территориях Российской империи. Правда, такое льготное исчисление действовало только в отношении лиц «русского происхождения» и не касалось этнических поляков, служивших в полиции [3, с. 34, 38, 52].

Льготный период выслуги в польских землях был установлен и для получения орденов чинами полиции. Например, для получения ордена Святого Владимира IV степени по общему правилу необходимо было прослужить 35 лет, но в губерниях Царства Польского эти сроки сокращались: 3 года беспорочной службы засчитывались за 4 года службы на остальной территории Российской империи [4].

Кроме того, польские территории являлись по факту приграничными, куда, помимо уголовного элемента, с территорий сопредельных государств проникали представители иностранной разведки. Поэтому полиция там вынуждена была заниматься не только традиционной для остальной России борьбой с политическим инакомыслием, но и пресечением происков иностранных разведок. Так, согласно секретным циркулярам помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части от 2 января 1899 г. № 6/1 и от 26 марта 1903 г. № 84/3 все полицейские чины обязывались выявлять подозрительных иностранцев и устанавливать надзор за лицами, прибывающими под видом представителей ино-

странных торговых фирм. Лиц, задержанных на пограничных пунктах, надлежало направлять в Варшаву в распоряжение начальника Особой канцелярии [5, с. 34, 42]. Последнее обстоятельство предопределяло особые требования к кадровому составу органов полиции, действовавших на польских территориях.

Особой проблемой в польских землях стало комплектование офицерского состава органов полиции и жандармерии. Правительство Российской империи изначально видело в офицерском составе полиции и жандармерии элиту правоохранительных органов. Естественно, что главным источником пополнения кадров элитарных подразделений виделось российское дворянство как национальная элита русского полиэтнического общества. Однако польское дворянство разительно отличалось от всех национальных элит, прежде достаточно успешно интегрированных в российское дворянство как по количественным, так и по качественным параметрам. Польское дворянство в количественном отношении превосходило русское, значительный отрыв наблюдался и в образовательном уровне. По данным исследователей, на момент создания Царства Польского (1815 г.) шляхетство составляло 20% всего польского населения, тогда как в самой России дворянство не превышало 1% от общего количества населения [2]. Становится понятным, почему правительство Российской империи с момента включения польских земель в состав государства стремилось не интегрировать польскую шляхту в российское дворянство, а сделать все, чтобы ослабить ее влияние. Поэтому, учитывая националистические и антироссийские настроения польского дворянства, оно не могло рассматриваться русским правительством как «кузница кадров» ни для формирующихся на польских территориях органов полиции, ни тем более для жандармерии. Первое, а особенно второе польские восстания наглядно продемонстрировали полную бесперспективность диалога с местным дворянством, политики, которая довольно успешно была реализована практически во всех национальных окраинах Российской империи и только на бывших польских территориях потерпела крах [6, с. 7].

В существующих условиях единственным выходом успешной реализации кадровой политики в органах полиции и жандармерии была пресловутая русификация, начатая еще во времена правления Николая I. В сфере полицейской кадровой политики она носила объективно вынужденный характер. Эта политика реализовывалась двумя путями: 1) мобилизацией на службу в полицию в польских землях этнических русских; 2) подготовкой национальных кадров пророссийской ориентации из чис-

ла польской молодежи в открытом в 1869 г. после длительного перерыва Варшавском университете.

Однако реализация первого пути за счет ресурсов русского населения на самих польских территориях была объективно невозможна. Даже на начало XX в., когда интеграция польских земель в Российскую империю признавалась официальной властью состоявшимся фактом, этнических русских в польских землях насчитывалось лишь 267 тыс. человек (2,8% населения этих земель). Причем 78% этого русского населения составляли военнослужащие российского воинского контингента [7, с. 199].

В связи с этим комплектование полиции и жандармерии было возможно только за счет привлечения на службу русских из регионов самой России путем установления различных льгот, выгодно отличавших полицейскую службу в польских землях от службы на остальных территориях Российской империи. Так, проектом привилегий, утвержденным в 1867 г., прибывшие на службу в польские земли русские чины получали право на дополнительные денежные поощрения, выплаты и другие финансовые вознаграждения. После 1867 г. были ликвидированы все трудности для лиц православного вероисповедания, прибывших на службу в польские земли и оставшихся там на постоянное место жительства. Высочайшим указом от 30 июля (11 августа) 1867 г., дополненным в 1869 г., полицейским чинам русского происхождения гарантировалось более быстрое продвижение по службе и значительные надбавки денежного содержания. Каждый полицейский, прибывший на службу в польские земли из центральных регионов России, получал надбавку к жалованию в зависимости от должности. Кроме того, этот указ предоставлял им определенные преференции при выходе на пенсию. Это повлекло массовый наплыв желающих продолжить полицейскую службу в польских землях. Только за период с 1867 по 1870 гг. было подано более чем 2 тыс. просьб и заявлений [7, с. 201].

В продолжение этой кадровой политики привлечения на службу в полицию на польские земли стало Положение 1886 г., предусматрившее особые преимущества службы в Царстве Польском. При переезде в польские земли семейным полицейским, занимавшим должности, соответствующие 4–5 классам, выплачивались путевые пособия в размере 1000 руб., соответствующие 6–8 классам — 600 руб., всем прочим — 300 руб. Одиноким по 4 классу получали 1000 руб., по всем остальным классам — 2/3 оклада.

За «постоянно усердную службу» по истечении пяти лет полицейским полагалась прибавка 15% от должностного оклада, а через 10 лет — еще одна прибавка в 15%.

Так же как и к остальным категориям местностей, предусмотренным Положением 1886 г., на польские земли для служащих полиции распространялись льготы по материальной поддержке детей. Дети могли учиться в учебных заведениях за казенный счет, правда, в отличие от всех остальных льготных местностей, для Польши в данном случае имелась оговорка: «если они (т. е. родители — полицейские) недостаточного состояния».

Для получения полной пенсии требовалось прослужить в полиции Царства Польского не менее 25 лет. Лица, прослужившие на этих землях 20 лет, получали половинную пенсию. Расчет выслуги осуществлялся так: 7 дней службы за 5.

Вдовам и детям полицейских, умерших во время прохождения службы, полагались выплаты, помимо пенсии, единовременного пособия и пособия в размере двухмесячного содержания умершего [8].

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. СПб., Т. XLII.

2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1395> (дата обращения: 03.03.2025).

3. Пенсии и пособия семействам офицерских и классных чинов: (по закону от 23 июня 1912 г. с прил. Правил о покровительстве комитетами: Александровским о раненых и Алексеевским главным) (сост. на основании законоположений, объявл. по 1 окт. 1915 г.). 2-е изд. Петроград, 1915.

4. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1867 год. Первое полугодие. СПб., 1867. Ст. 682.

5. Сборник секретных циркуляров помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Варшава, 1906.

6. Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследование по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. XV.

7. Бех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2013. № 2(14).

8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. VI.

Системные предпосылки образования и реализации права в международном контексте (исторический аспект)

Нижеследующие рассуждения определяются постановкой вопроса о праве в кантовском стиле: как возможно право? В процессе анализа исторических примеров и подведения итогов автор соблюдает нейтралитет в отношении каких бы то ни было конкретных концепций правового понимания.

Пример 1: маори и мориори. В результате случившегося в 1835 г. вторжения маори на земли новозеландского народа мориори, у которого в силу ряда причин сложилась пацифистская этика, последний был подвергнут тотальному геноциду. Единственным проблеском признания пришельцами «гуманоидности» и субъектности туземцев явилось предъявленное им в начале оккупации требование полной покорности.

Пример 2: римляне и карфагеняне. Лишившись в III в. до н. э. после двух войн с Римом ранга великой державы, Карфаген вынашивал планы реванша и продолжал богатеть. Увидев это, римляне нашли *casus belli*, отклонили мирные инициативы и, убив большинство жителей, в 146 г. до н. э. буквально исполнили формулу политика и писателя Марка Порция Катона «Я думаю, что Карфаген нужно разрушить».

Будучи основательно юридически декорированным, в сущностном плане данный пример тем не менее идентичен предыдущему. Военно-политические союзы, изощренная дипломатия, договоры служили вынужденной техникой международной политики, исходившей из встречного категорического отрицания сосубъектности. Ужиться в ойкумене Древнего мира две средиземноморские республики не могли, и одна уничтожила другую. Как следствие, история пошла не африканским, а европейским путем, «а тот, кто с напряжением всех сил боролся против него, погиб, не оставив после себя ничего, кроме славной памяти в тысячелетиях» [1, с. 328].

Пример 3: нуэры и динка. В 30-е гг. XX в. восточноафриканский народ нуэров жил несколькими племенами. Несмотря на существование вождей, институт вождества не был сформирован, действовал институт кровной мести, временами вспыхивали кровопролитные войны между сегментами племен. Меньшей остротой отличалась вражда между самими племенами — потому, предполагал исследовавший их быт методом включенного наблюдения английский антрополог Э. Эванс-Причард, что нуэров сплачивали набеги против соседнего народа динка [2, с. 119 и др.]. Над динка как солдатами нуэры насмехались, в бой шли без щитов и мах-

нужной рукой на численное превосходство противника. Прямая цель — стада и пастбища. Вместе с тем территориальная экспансия вела не к уничтожению или порабощению, а к частичному поглощению и смешению. Нуэры считали, что динка ближе к ним, чем другие чужеземцы, поддерживали с ними экономический обмен. Динка навещали пленных родственников, осевших в стране победителей, в племенах нуэров имелись группы, происходящие от динки, иногда оба народа объединялись в военный союз против центрального правительства.

В примере 3 мы сталкиваемся с далекой от стандартов гуманизма, однако устойчивой системой сосуществования двух народов и невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию. Не снимая вуали неведения, обозначим регулятивный контур данной системы техническим термином «параправо», а главное — возьмем на заметку, что война (кстати говоря, подобно кровной мести, но уже в международном масштабе) способна выполнять функцию стабилизатора, а не абсолютного разрушителя, при условии, что встроена в ментальную оболочку взаимного признания сосубъектности. Эванс-Причард отмечал: «Соприкасающиеся племена динка и нуэров являются в той же мере сегментами в рамках общей структуры, что и сегменты одного и того же племени нуэров. Их социальные отношения — это отношения враждебности, а выражаются они в войне» [2, с. 114].

Пример 4: римляне и греки. Когда в договоре по итогам одной победоносной для Рима войны начала II в. до н. э. грекам были объявлены свобода и право жить по отеческим законам, на радостях они едва не задавили насмерть полководца-победителя Тита Квинкция Фламиния. Однако времена были сложные и переменчивые, Эллада состояла из разных не державшихся твердой линии военно-политических блоков, а у Рима были свои виды на Балканах. В результате политических перипетий столетия спустя, год в год с падением Карфагена, римляне точно так же разрушили Коринф — город, возле которого его граждане некогда душили в объятиях своего освободителя. Постепенно Греция перешла на положение римской провинции, вместе с тем пользуясь благосклонностью ряда императоров, в том числе Нерона. Последний на том же празднике, что некогда Фламинин, еще раз даровал грекам свободу, что означало свободу от дани Риму, но Веспасиан вскоре это отменил. Со своей стороны греки очаровали Рим своей высокой культурой.

Пример 4 высвечивает то гетерологическое качество, которое делает возможным и вместе с тем нуждается в возникновении и реализации правового формата отношений в системе «мы — другие». С одной стороны, мозаичная совокупность греческих полисов и их агрегатов воспринима-

лась Римом как достаточно чуждая, чтобы частично разрушить и частично подчинить их экономически и политически. С другой стороны, в греках римляне видели носителей родственного культурно-исторического кода, наследников и хранителей золотого фонда творений человеческого гения, которые находили в них горячих поклонников и прилежных учеников. Таким образом, греки оказались и слишком далеки и, в другом аспекте, слишком близки римлянам, чтобы в их взаимоотношениях могли кристаллизироваться надежные формулы правового регулирования.

Подведем итоги.

1. Правовые инструменты могут использоваться в не- и антиправовых целях, а параправовые инструменты могут готовить почву для образования и реализации права.

2. Необходимой предпосылкой образования и реализации права как способа регулирования отношений в системе «мы — другие» выступает особое гетерологическое качество «юридических других», заключающееся в том, что они воспринимаются со стороны «мы» как некоторая промежуточная величина в диапазоне между полностью враждебным чуждым и таким близким, порядок сосуществования с которым может регулироваться на основе традиции, сознания общего происхождения, кровного родства, морального авторитета и не нуждающихся в обезличенных правилах и институциональных механизмах контроля и принуждения (ценные соображения на эту тему развиты в работе [3]). В данном аспекте правовая дистанция общественного бытия неожиданно совпадает с дистанцией понимания в гуманитарном познании, как ее очертил М. М. Бахтин: «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое» [4, с. 392].

Список источников

1. Ковалев С. И. История Рима. Новое изд., испр. и доп. / под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2002.

2. Эванс-Причард Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.

3. Шалютин Б. С., Кисель И. В. Происхождение и сущность права и государства. Екатеринбург, 2012.

4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

К. В. Судденюк

Практика реализации согласия публичными органами: специфика, проблемы, эффективность

Многогранность, сложность и распространенность понятия «согласие» во всех отраслях права предопределяют одну из проблем реализации согласия — отсутствие на законодательном уровне пределов и оснований выражения согласия/несогласия, сроков выражения согласия/несогласия и периода действия согласия. «Качественное» разнообразие субъектов, выражающих согласие в том или ином случае, обусловили недостаточную регламентацию и определенность самой деятельности по выдаче согласия.

Если речь идет о выражении согласия/несогласия лицом, осуществляющим властные полномочия, основания выражения согласия/несогласия не всегда четко определены. Указанное предоставляет возможность широкого усмотрения для лица, осуществляющего властные полномочия, чье согласие требуется.

Нормой ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусмотрено, что факторами, способствующими коррупции, признаются такие положения в нормативных актах (или их проектах), которые предоставляют излишне широкие полномочия правоприменителю [1].

Отсутствие в отдельных нормативных правовых актах четких пределов и оснований для выдачи согласия/несогласия должностными лицами является коррупциогенным фактором, который в определенных ситуациях может способствовать совершению правонарушения или преступления.

Данный вывод подтверждается также сложившейся судебной практикой. Например, решение Верховного Суда Республики Татарстан от 17 мая 2011 г. по делу № 3-27/11, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 11-Г11-23. Суд признал недействительными некоторые пункты Административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на использование в названиях юридических лиц наименований «Республики Татарстан», «Татарстан» и образованных на их основе слов и словосочетаний (в том числе сокращений)», потому что в них использовались расплывчатые оценочные понятия, что давало возможность чиновникам использовать их как инструмент для злоупотреблений.

Чтобы избежать этого, необходимо четко на законодательном уровне закрепить исчерпывающий перечень оснований и документов для выдачи согласия должностными лицами и/или органами государственной власти и местного самоуправления. При этом отдельно в законодательстве должны быть зафиксированы критерии и основания для отказа в выдаче требуемого согласия.

Стоит отметить, что эффективность выражаемого публичным органом согласия зависит от четкой регламентации оснований для выдачи согласия/отказа в выдаче согласия без формализма принятия решения. Следует также законодательно закрепить максимально конкретные условия толкования представляемых в органы государственной власти и местного самоуправления документов для получения испрашиваемого согласия.

Упорядочение практики принятия решений государственными и муниципальными органами, касающихся одобрения или отклонения тех или иных действий, потенциально может повысить действенность исходящих от власти разрешений. Этого можно достичь путем создания четких критериев для определения ситуаций, когда согласие должно быть предоставлено или, наоборот, в его выдаче должно быть отказано. Систематизация подобных случаев позволит избежать произвольных решений и повысит предсказуемость действий публичных органов, что, в свою очередь, укрепит доверие к ним и сделает более эффективной их работу. Должно быть также обеспечено опубликование полученной систематизации на официальных сайтах указанных органов.

Важным при обращении к органам государственной власти и местного самоуправления является имеющаяся возможность у обращающихся за получением согласия обжаловать это решение. Указанное решение обжалуется в особом порядке. При этом независимо от вида судопроизводства при обжаловании действий необходимо доказывать не только несоответствие полученного решения нормативным правовым актам, но и нарушение прав и законных интересов заявителей. Нередко решения, вынесенные государственными и муниципальными органами, признаются неправомерными. Тем не менее временной интервал между подачей искового заявления и моментом юридической силы судебных решений по подобным делам может быть весьма продолжительным. В связи с этим считаем обоснованным регулярно проводить систематизацию и анализ судебной практики в отношении оспаривания решений государственных и местных органов власти, касающихся выдачи или отказа в выдаче необходимых согласий.

Список источников

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. В. Трапезникова

Правоприменительная операция «Толкование диспозиции нормативного правового предписания»

Правоприменительная операция определяется как «совокупность действий, предписанных законом и предложенных юридической доктриной, завершающихся отдельным решением промежуточной задачи правильного применения норм материального права по правилам процессуального закона» [1, с. 469].

При рассмотрении дела одним из юридических возражений ответчика на притязание истца является заявление, что нормой права, на которую ссылается истец, предусмотрено право ответчика, а не обязанность (запрет). Тем самым ответчик указывает на несоответствие диспозиции нормы права, на которую ссылается истец, его притязанию.

Толкование диспозиций нормативных правовых предписаний (далее — НПП), адресованных субъектам правоотношения и составляющих норму права, на которую ссылается истец, при наличии спора сторон об их содержании — самостоятельная правоприменительная операция. Ее результат определяет норму права, в соответствии с которой должны устанавливаться обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу.

Для получения правоприменителем выводов о содержании диспозиции НПП при наличии спора сторон об этом в юридическом деле предлагается формула и алгоритм толкования диспозиции НПП.

Формула толкования диспозиции НПП включает в себя три основные переменные, соединенные конъюнктивной связью, которые необходимы для уяснения в каждом случае: 1) языковая форма изложения диспозиции НПП, которая представлена 18-ю лингвистическими конструкциями, указывающими на право, обязанность, запрет совершения действия; 2) количество прямых изложений нормативно-правовых предписаний, составляющих норму права (4 варианта значений изложения НПП обоим или одному субъекту правоотношения); 3) материальный (частный или

публичный) и процессуальный (истец или ответчик) статусы адресатов нормы права (3 варианта значений).

Установлен алгоритм толкования по указанному предмету — последовательное использование приемов системного, языкового, логического и телеологического способов толкования в соответствии с формулой толкования: определение статусов участников спорного отношения, семантический анализ диспозиции каждого НПП и синтез диспозиций корреспондирующих НПП в диспозицию нормы права. Для получения вывода о распределении прав, обязанностей и запретов в спорном правоотношении и его проверки возможно применение также иных приемов системного, языкового, логического, телеологического способов толкования права.

Мы доказали практическую применимость формулы толкования с использованием информационно-коммуникационных технологий. Это открывает новые горизонты для автоматизации процесса правоприменения и повышения его эффективности.

Список источников

1. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53.

А. В. Червяковский

Дискуссионные вопросы предмета толкования права

Одна из ключевых проблем в юридической науке, практике и образовании — проблема интерпретация права. Представители различных подходов к правопониманию большое внимание уделяют вопросам толкования права и юридической действительности. «Сложные юридические дела», о которых так много написано в литературе по философии права, возникают в процессе интерпретации правовых норм и фактических обстоятельств дела судами, юристами, в том числе и самими учеными.

Утверждается, что предметом толкования выступает воля законодателя. Однако возникает вопрос, как познать эту волю законодателя и в какой момент времени принятия и действия правовой нормы выявлять данную волю. Нормативные акты принимаются и действуют в течение длительного времени. Нередко, когда уже после вступления правового акта в силу проходит достаточно много времени, появляется

необходимость в реализации правовой нормы. Спрашивается, следует ли выявлять волю законодателя в тот период, когда он принимал нормативный правовой акт (первый вариант), или волей законодателя будет, по существу, наше предположение о том, как бы поступил законодатель в настоящее время (в момент необходимости реализации правовой нормы) (второй вариант). В первом случае потребуется обратиться к истории принятия правового акта, чтобы понять, что побудило законодателя создать соответствующую норму и на какие отношения, по мнению законодателя, должно было быть направлено правовое регулирование. Вполне может оказаться, что, принимая нормативный правовой акт, законодатель вообще не собирался воздействовать на те или иные отношения, а некоторых предметов и объектов, имеющих в настоящее время, между субъектами просто не существовало.

Если мы поступим так, как во втором варианте, то мы можем оказаться в положении, описанном в работах по философии права [1, с. 28]. Сержант и генерал. Генерал принял решение, которое должен выполнить сержант. Но как это решение исполняется? Не перегибает ли сержант палку? Не злоупотребляет ли он своим положением? Как мы об этом узнаем? Возможный вариант ответа: если исходить из того, что генерал молчит, значит, сержант действует в рамках принятых генералом решений. Так и с законодателем: если он никого из правоприменителей не одергивает, то лица, реализующие правовые нормы, действуют так, как и повелевает законодатель. Правда, в отличие от генерала, законодатель может только в случае необходимости вносить изменения и дополнения в действующее законодательство. И получается, если таких поправок нет, то субъекты реализации права следуют имеющимся правовым предписаниям и руководствуются волей законодателя.

При толковании права интерпретационные инстанции используют на практике как первый, так и второй вариант. И примеров достаточно много. При этом выбор одного или другого варианта поведения интерпретатора вполне можно объяснить применением им различных способов толкования. Обратимся к одному из исторических примеров применения различных вариантов установления воли законодателя, который приводила в своих работах С. В. Поленина [2]. Канада, первая половина XX в. На волне суфражистского движения в 1928 г. в правительство обратились лидеры данного движения по поводу возможности женщин заседать в Сенате. Правительством был внесен запрос в Верховный Суд данного государства. Суд, проанализировав Закон о Сенате 1867 г. вместе с Конституционным биллем 1791 г. и Актом о союзе 1840 г., пришел

к выводу, что под термином «лица», употребляемым в указанном законе о Сенате, понимаются только лица мужского пола. Исходя из этого, Верховный Суд Канады дал на запрос правительства страны отрицательный ответ. Однако в 1930 г. решением комитета тайного совета при генерал-губернаторе по делу «*Edwards. Attorney General of Canada*» было провозглашено, что термин «лица» включает и лиц женского пола, так как исключение женщин из общественных служб представляет собой «реликт времен варварства». Как видим, в первом случае Верховный Суд Канады обратился к истории вопроса, к пониманию того, как термин «лица», употребляемый в законодательстве, применялся в момент принятия закона. Перед нами пример, когда интерпретатор использует грамматический, систематический и исторический способы толкования права. Во втором случае уже Комитет тайного совета принял решение, исходя из того, как если бы законодатель принимал бы спорные положения Закона о Сенате в тот период, когда рассматривался сам спор (т. е. в момент рассмотрения спора Комитетом в 1930 г.). Перед нами применение способов толкования, которые ориентируют на те отношения, к которым непосредственно правоприменитель и собирается применить правовую норму. Используемый способ толкования можно охарактеризовать как функциональный. А. Ф. Черданцев писал: «Если при историческом способе толкования используются аргументы, доводы, опирающиеся на обстоятельства исторического характера, вызвавшие к жизни толкуемые нормы, то при функциональном способе, напротив, используются аргументы, опирающиеся на факторы, обстоятельства, в условиях которых функционируют, реализуются нормы, с которыми нормы права взаимодействуют в процессе регулирования. Или, иначе говоря, в первом случае смысл нормы права устанавливается в историческом контексте, а во втором — в функциональном» [3, с. 195].

При решении вопроса о возможности назначения женщин в Сенат Канады интерпретаторы применяли различные приемы и способы толкования, которые, как мы видим, дали в двух случаях интерпретации взаимно исключающие выводы. При этом законодательство государства не изменилось. Из российской правоинтерпретационной практики, в том числе из практики Конституционного Суда РФ, также можно было бы привести ряд примеров, когда правовые нормы интерпретировались субъектами, занимающимися толкованием диаметрально противоположным образом.

Все это, собственно говоря, еще раз доказывает, что толкование права играет весьма значительную роль в процессе принятия юридических

значимых решений, и знание правовых норм без изучения процедуры их интерпретации не позволит в полной мере познать, как действует и функционирует та или иная правовая система.

Список источников

1. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб., 2007.
2. URL: <http://www.owl.ru/win/books/polenina/index.htm> (дата обращения: 14.06.2025).
3. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М., 2003.

Э. Р. Чернова

Теоретико-правовые основы и практические проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел

Правоприменительная деятельность органов внутренних дел (далее — ОВД) представляет собой важнейший механизм реализации государственной политики в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности. В современных условиях эта деятельность приобретает особую значимость в связи с осложнением социальных отношений, появлением новых форм преступности и повышением требований общества к качеству правоохранительных услуг. Прежде всего это связано с тем, что сотрудники ОВД, принимая сложные решения в критических ситуациях, действуют от лица аппарата МВД России. Поэтому грамотное правовое и юридически обоснованное решение выступает одним из ключевых элементов эффективной правоприменительной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Правоприменение в деятельности ОВД можно определить как властную деятельность уполномоченных субъектов по реализации правовых норм в процессе обеспечения общественного порядка, безопасности и борьбы с преступностью. Данная деятельность отличается государственно-властным характером, сложной процедурной регламентацией, сочетанием дискреционных и императивных методов и индивидуально-определенным решением конкретных жизненных ситуаций.

Сотрудники ОВД при осуществлении своих должностных полномочий, прежде всего, должны помнить, что принятие правового решения носит под собой юридически обоснованное и мотивированное основа-

ние, а также должно соответствовать общепринятым правовым актам и не посягать на действующие права граждан [1, с. 66].

Основными формами правоприменения в деятельности ОВД являются:

1. Административная — применение мер административного пресечения и принуждения к правонарушителям (производство по делам об административных правонарушениях; осуществление административного надзора и применение мер административного принуждения).

2. Уголовно-процессуальная — система действий всех участников уголовного процесса в досудебном и судебном производстве, предусмотренная уголовно-процессуальным законом (производство дознания, досудебное производство по уголовным делам, розыскная деятельность).

3. Профилактическая — принятие комплекса общепреventивных мер (правовое просвещение, предупреждение и профилактика правонарушений; участие в антитеррористической деятельности). Сюда можно отнести профилактические рейды сотрудников патрульно-постовой службы полиции по пресечению административных правонарушений, а также рейды сотрудников государственной автоинспекции по урегулированию дорожно-транспортной инфраструктуры путем пресечения административных правонарушений.

Основная сущность действий правоприменительного характера заключается в «подведении» сложившейся ситуации и лица под диспозицию правоприменительной нормы [2, с. 69].

Таким образом, избрав правоприменительную норму в отношении субъекта, совершившего противоправное деяние, сотрудники ОВД в первую очередь устанавливают:

1. Факт совершенного противоправного действия и осуществляют его пресечение законными методами.

2. Избирают в отношении субъекта, совершившего противоправное действие, правоприменительную норму, соответствующую диспозиции его действия.

3. Определяют и знакомят лицо с его процессуальными правами и обязанностями.

4. Осуществляют дальнейший контроль и надзор за соблюдением и исполнением установленной законом и правоприменителем правовой нормы.

Акты правоприменения в данном случае выступают в роли регулятора общественных правоотношений в сфере общественного порядка и своей основной целью ставят защиту интересов и свобод граждан,

а также пресечение при помощи сил органов внутренних дел противоправных деяний.

Правоприменительная деятельность сотрудников органов внутренних дел должна основываться на следующих принципах.

1. Обоснованность, что подразумевает анализ и необходимость принятия соответствующего ситуации решения. Обоснованность достигается за счет профессиональных навыков сотрудников и оценки происходящей обстановки.

2. Законность, прежде всего, любое правоприменительное действие со стороны сотрудников полиции должно носить законодательный характер и соответствовать действующим правовым стандартам. Правоприменительные акты не должны унижать и посягать на достоинство гражданина, в отношении которого идет правоприменение.

3. Справедливость подразумевает, что принятие равнозначной правовой нормы равно совершенному действию. Данная норма является основанием применения равного наказания совершенному действию или нанесенному ущербу.

4. Целесообразность, указывает на необходимость принятия правоприменительного действия по отношению к сложившейся обстановке. Например, не считается целесообразным применять физическую силу к задержанному после сковывания его в наручные браслеты, так как применение в данном случае физической силы не только не уместно, но и нарушает общепринятые правовые стандарты и законные права человека.

В современных условиях правоприменительная деятельность ОВД сталкивается с рядом системных проблем, снижающих ее результативность.

1. Одной из наиболее острых проблем в системе ОВД является коррупция. Так, в 2023 г. возбуждено более 3,5 тыс. уголовных дел в отношении сотрудников полиции. Наиболее распространенные нарушения: взятка (42%), злоупотребление должностными полномочиями (28%), фальсификация доказательств (18%) [3]. По данным Счетной палаты РФ, ущерб от коррупционных преступлений в системе МВД в 2022 г. составил свыше 1,2 млрд рублей [4].

2. Чрезмерная бюрократизация и проблемы межведомственного взаимодействия. В среднем 42% рабочего времени сотрудников ОВД тратится на оформление документов. Ежегодно граждане подают около 500 тыс. жалоб на действия полиции, многие из которых связаны с волокитой. По данным МВД России, только 68% заявлений о преступлениях регистрируются в установленный законом срок [5]. Согласно исследованию

ВЦИОМ, проведенному в 2023 г., 42% граждан считают, что обращение в полицию не приводит к реальным результатам [6].

3. Недостаточная профессиональная подготовка кадров ОВД и высокая текучесть кадров. По данным за 2023 г., только 68% сотрудников прошли полный курс повышения квалификации. Каждый пятый сотрудник полиции (21%) работает сверхурочно более 10 часов в сутки [3].

4. Низкий уровень доверия населения. Согласно опросу, проведенному Левада-Центром в 2024 г., только 35% россиян доверяют полиции. В 2023 г. зафиксировано 4,8 тыс. жалоб на неправомерные действия сотрудников ОВД [7].

Приведенная статистика свидетельствует о наличии системных проблем в правоприменительной деятельности ОВД, решение которых требует комплексных мер.

Таким образом, под правоприменительной деятельностью органов внутренних дел понимается их деятельность по факту или событию возникновения изменения или прекращения отношений в области охраны общественного порядка или борьбы с преступностью. Правоприменительная деятельность ОВД связана с предупреждением и пресечением противоправных действий со стороны посягающих на общественный порядок и играет важную роль в обеспечении законности и безопасности граждан. Однако в современных условиях она сталкивается с рядом системных проблем, снижающих ее результативность, в связи с чем дальнейшее развитие системы правоприменения должно быть направлено на укрепление доверия граждан, повышение эффективности работы и минимизацию коррупционных рисков.

Список источников

1. Егоров К. И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3.
2. Гречкин Ю. И. Правовые отношения и осуществление права : монография. Л., 1987.
3. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).
4. URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2022 (дата обращения 12.03.2025).
5. URL: <https://mvd.ru/opendata/> (дата обращения: 12.03.2025).
6. URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog-1/politics> (дата обращения: 12.03.2025).
7. URL: <https://www.levada.ru/category/analiticheskiye-otchety/> (дата обращения: 12.03.2025).

В. А. Шаршун

Законодательство Республики Беларусь в сфере цифровых отношений: проблемы систематизации

В настоящее время одной из глобальных тенденций является применение цифровых технологий в различных сферах жизни общества и государства. Под воздействием данных технологий общественные отношения начинают видоизменяться, возникают новые, основанные на использовании таких технологий. Так, появление технологии блокчейн, смарт-контрактов повлекло за собой возникновение специального правового регулирования. Все это предопределяет необходимость исследования как сущности цифровых правоотношений, так и вопросов совершенствования правового регулирования данных, в том числе систематизации соответствующего законодательства.

Правовое регулирование цифровых отношений (общественных отношений в цифровой среде) обусловлено тем, что это, во-первых, частные или публичные отношения, во-вторых, они имеют цифровую форму. Эти отношения возникают как по поводу совершения определенных действий с информацией в цифровой форме, так и с реальными вещными и обязательственными правами, выраженными в цифровой форме. Поэтому по своей природе цифровые отношения можно рассматривать, с одной стороны, как часть информационных отношений (например, отношения по поводу распространения информации в сети Интернет), а с другой стороны, как часть обязательственных и вещных отношений, которые существуют исключительно в цифровой форме (например, отношения по поводу прав на виртуальные объекты).

В научной литературе существуют различные определения цифровых отношений. Так, В. В. Блажеев, М. А. Егорова определяют цифровые отношения как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий» [1, с. 67–68]. Ю. В. Волков рассматривает цифровые отношения как обмен вычислительными данными в электронно-цифровом пространстве, основанном на вычислительной технике [2].

По нашему мнению, к цифровым правоотношениям следует относить правоотношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также иные правоотношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. Цифровые отношения охватывают собой не только отношения, связанные с информацией в цифровом виде,

но и другие отношения, например по поводу осуществления цифровых прав граждан, электронной торговли, ответственности за правонарушения в цифровой среде, т. е. объектом которых является не информация, а иные блага, например, цифровые права, имущество и т. д. В самом общем виде цифровые правоотношения не имеют четко выраженной отраслевой принадлежности. Они регулируются как нормами информационного права, так и иными нормами других отраслей права.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь правовое регулирование цифровых отношений не носит системного характера. Существует значительный массив актов законодательства, которые регулируют отношения в информационной сфере, в том числе и цифровые. Так, в информационно-поисковой системе «Эталон-online» под рубрикой 10.03 «Законодательство об информации, информатизации и защите информации, цифровом развитии, средствах массовой информации, издательском деле, архивном деле и делопроизводстве, рекламе» Единого правового классификатора Республики Беларусь (далее — ЕПК) содержится 4310 действующих актов законодательства. Однако в этот массив не входят Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ), Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК РБ), Банковский кодекс Республики Беларусь, а также ряд других актов, регулирующих информационные и цифровые отношения. В то же время развитие информационных технологий требует соответствующего нормативного закрепления. Поэтому важное значение имеет совершенствование правового регулирования цифровых отношений и систематизация законодательства в данной сфере.

В научной литературе высказываются различные мнения относительно форм систематизации информационного законодательства, которое в значительной степени регулирует и цифровые отношения. Так, коллективом ученых под руководством И. Л. Бачило была разработана Концепция Информационного кодекса Российской Федерации [3]. Г. А. Василевич и М. С. Абламейко также обосновывали необходимость разработки и принятия Информационного кодекса Республики Беларусь [4].

По нашему мнению, систематизация законодательства Республики Беларусь, регулирующего информационные и цифровые отношения в форме создания Информационного (Цифрового) кодекса, в настоящее время нецелесообразна. Нормы информационного права содержатся практически во всех отраслях законодательства. Например, не представляется возможным изъятие из УК РБ и КоАП РБ и включение в новый кодекс норм, которые устанавливают ответственность за правонаруше-

ния в информационной и цифровой сферах. Это будет противоречить п. 2 ст. 1 УК РБ и п. 2 ст. 1.1 КоАП РБ, которые определяют, что данные кодексы являются единственными нормативными актами, устанавливающими соответственно уголовную и административную ответственность. Кроме того, сформированы институты информационного права, которые регулируются значительным количеством нормативных актов (институты государственных секретов, профессиональной тайны, средств массовой информации, правового регулирования отношений в сети Интернет и др.). Не так давно в Беларуси сформирован такой новый развивающийся институт информационного права, как институт персональных данных. Включение соответствующих нормативных массивов в кодифицированный акт представляется весьма проблематичным.

Кодификация в рамках одного правового акта актов, регулирующих информационные и цифровые отношения, в настоящее время нецелесообразно и по той причине, что эти отношения постоянно изменяются, что потребует и частых изменений, и соответствующего кодекса. В то же время кодекс предполагает стабильность закрепленных им норм.

Оптимальным вариантом систематизации законодательства, регулирующего информационные и цифровые отношения, в настоящее время представляется его электронная инкорпорация. Часть 5 п. 2 ст. 72 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 3 буквы «О нормативных правовых актах» определяет электронную инкорпорацию как вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой в электронной форме на основе системы классификации нормативных правовых актов без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений.

По нашему мнению, электронную инкорпорацию следует реализовать в информационно-поисковых системах (далее — ИПС), например, в рамках ИПС «Эталон». Так, в составе этой системы имеется 23 тематических банка данных правовых актов (далее — ТБД), в том числе «Здравоохранение», «Нормотворчество», «Образование» и др. В связи с этим нужно создать ТБД «Правовое регулирование информационных и цифровых отношений», который включал бы в себя все акты законодательства, относящиеся к этим сферам. Важной задачей является создание оптимальной структуры такой электронной инкорпорации. За основу целесообразно взять позиции ЕПК в части законодательства в сфере информационных и цифровых отношений, а также включить в данную структуру иные позиции, которые связаны с регулированием информационных и цифровых отношений (институты ответственности за информационные правонару-

шения, цифровых прав и т. д.). В структуре такой электронной инкорпорации следует выделить разделы, которые охватывали бы акты, имеющие отношение к общим вопросам информационных и цифровых отношений, а также разделы, включающие акты, которые регулируют отдельные институты. В случае проведения такой электронной инкорпорации будет создано электронное собрание всего нормативного массива, регулирующего информационные и цифровые отношения. Это позволит осуществлять эффективную работу по выявлению пробелов, коллизий, иных несогласованностей в соответствующих актах, проводить упорядочение, инкорпорацию и кодификацию законодательства как в пределах соответствующих институтов, так и в рамках всего законодательства. На этой основе возможно проведение перспективной кодификации законодательства, регулирующего информационные и цифровые отношения.

Таким образом, цифровые правоотношения представляют собой правоотношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также ряд других правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в цифровой среде. Цифровые правоотношения регулируются как нормами информационного, так и иных отраслей права. В настоящее время создание Информационного (Цифрового) кодекса Республики Беларусь представляется нецелесообразным, поскольку нормы, регулирующие информационные и цифровые отношения, содержатся практически во всех отраслях законодательства, далеко не все из них можно объединить в рамках кодифицированного акта, информационные и цифровые отношения активно развиваются и изменяются, что потребует и весьма частых изменений такого кодекса. Важным направлением развития правового регулирования в данной сфере является систематизация соответствующего законодательства, в первую очередь, путем его электронной инкорпорации, на основе которой в перспективе возможно будет осуществить кодификацию.

Список источников

1. *Цифровое право* : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020.
2. Волков Ю. В. Цифровые отношения как предмет права. URL: <http://surl.li/rydtyg> (дата обращения: 30.05.2025).
3. *Концепция Информационного кодекса Российской Федерации* / под ред. И. Л. Бачило. М., 2014.
4. Абрамэйко М. С., Василевіч Г. А. Подготовка и принятие Информационного кодекса Республики Беларусь — настоятельная потребность времени // *Веснік БДУ*. 2012. № 2.

РАЗДЕЛ II. Трибуна молодого ученого

М. Н. Абдрахманова

Публично-правовое разрешение на использование земельных участков

1 марта 2015 г. Земельный кодекс Российской Федерации (далее — ЗК РФ) был дополнен главой V. 6 «Использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута».

Данные изменения в ЗК РФ имеют существенное значение для публично-правового регулирования земельных отношений, поскольку затрагивают баланс частных и публичных интересов в сфере использования земли.

Использование земельных участков без предоставления и установления сервитута представляет собой разрешительный институт, основанный на императивных нормах, что отличает его от договорных форм.

Г. Н. Эйриян предлагает характеризовать такой способ как «легальное беститульное использование», поскольку, с одной стороны, оно санкционировано законом, а с другой — не предполагает наличия у пользователя традиционного титула, предусмотренного земельным законодательством [1, с. 217].

Поскольку разрешение является правовым актом публичного характера, не порождает вещных прав на земельный участок и осуществляется в рамках публично-правового регулирования, предлагается использовать термин «публично-правовое разрешенное пользование».

Одним из аргументов в пользу введения главы V. 6 ЗК РФ является сокращение административных барьеров и упрощение доступа к земельным участкам. Однако данный тезис представляется спорным, так как порядок и условия размещения объектов устанавливаются правовыми

актами субъектов Российской Федерации. Это приводит к значительной вариативности регулирования на региональном уровне.

Например, в Омской области действует порядок, утвержденный постановлением Правительства Омской области от 24 июня 2015 г. № 170-п «О Порядке и условиях размещения объектов на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичного сервитута», который за время своего действия претерпел около 10 изменений, включая расширение перечня необходимых документов.

На примере Омской области видно, что региональные акты усложняют процедуру, при этом возникают риски нарушения принципа равенства субъектов земельных отношений, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ.

Отсутствие единых федеральных стандартов в рассматриваемой сфере приводит к правовой асимметрии.

С нашей точки зрения, установление требований на уровне Российской Федерации позволит ввести для всех единые стандарты, обеспечит единообразие правоприменительной практики, а также установит равные условия для всех пользователей земельных участков.

Таким образом, установление общих требований к выдаче разрешений и перечню необходимых документов на федеральном уровне является необходимым шагом для обеспечения эффективного и справедливого регулирования земельных отношений. С учетом изложенного, считаем важным разработать определение общих требований к выдаче разрешения и необходимых для его получения документов на федеральном уровне.

Список источников

1. Эйриян Г. Н. Легальное беститульное использование земельных участков: проблемы и перспективы // Земельное право. 2017. № 3.

Л. Г. Агабекова

К вопросу о субъектном составе абсолютных правоотношений (на примере органов внутренних дел)

Категория правоотношения длительное время приковывает к себе внимание как представителей общей теории права, так и отраслевых юридических наук. Одним из дискуссионных вопросов теории правоотношений является классификация последних на абсолютные и относительные. Особенностью абсолютных правоотношений выступает то, что

в них один из участников персонально не конкретизирован (чаще всего конкретному управомоченному лицу противостоит неопределенное число обязанных лиц).

При этом, как показывает изучение юридической литературы, в основном раскрывается специфика подобных правоотношений применительно к гражданскому праву. Анализ публично-правовой сферы, в частности деятельности органов внутренних дел, позволяет прийти к выводу, что сами сотрудники полиции являются субъектами таких правоотношений и у них, соответственно, возникают абсолютные права и (или) абсолютные обязанности.

Выполняя предусмотренные законом задачи и функции по защите личности, общества и государства от преступных посягательств и обеспечению общественной безопасности, сотрудники полиции в сфере своей основной деятельности все более активно вступают в различные и многообразные правовые отношения [1, с. 173]. Ежедневное участие органов внутренних дел в области внешнего и внутреннего управления основано на законности, урегулировано нормами права [2, с. 3]. Классическими правоотношениями в этой области являются, как правило, вертикальные отношения, которые базируются на принципе власти и подчинения. Из этого следует, что сотрудники полиции осуществляют свою деятельность от имени государства, являясь носителями соответствующих полномочий государственно-властного характера.

Субъекты абсолютных правоотношений с участием органов внутренних дел обладают специальным статусом. На одной стороне данных правоотношений выступает управомоченное лицо — отдельное должностное лицо. Второй стороной таких правоотношений является множественный, неопределенный круг пассивно обязанных лиц, которые не должны препятствовать осуществлению субъективного права (полномочия) управомоченным лицом.

Возложенные на органы внутренних дел функции охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности обуславливают возникновение абсолютных правоотношений. Обязанностью другой стороны правоотношения — всех остальных лиц — является подчиненность субъективным правам сотрудников полиции.

Управомоченной стороной также может выступать неопределенный круг лиц — носители прав, а обязанной стороной — сотрудник полиции. Достаточно упомянуть ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которая предписывает полиции приходить на помощь каждому лицу в ней нуждающемуся.

Данные тезисы не позволяют раскрыть всех особенностей конструкции абсолютных правоотношений, однако постановка о существовании у сотрудников органов внутренних дел не только абсолютных прав, но и абсолютных обязанностей представляет научный интерес и нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.

Список источников

1. *Миронов А. Н.* Особенности правоотношений в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

2. *Тюрина Е. Н.* Объекты правоотношений, возникающих в системе органов внутренних дел: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Я. П. Гененко

Реализация права как признак гражданского общества России второй половины XIX — начала XX веков

Одним из признаков гражданского общества является реализация права. В основе правового статуса личности в гражданском обществе — естественные права и свободы. Реализация права предполагает, с одной стороны, регламентацию основных прав и свобод в правовом законе, прав и свобод, создающих условия для реализации основных, с другой — воплощение правовых норм в правомерном поведении людей — право в действии.

Формирование такого признака гражданского общества России второй половины XIX — начала XX вв., как реализация прав, можно разделить на три этапа: первый — середина XIX в. — 80-е гг. XIX в.; второй — 1880-е — начало XX вв., третий — начало XX в. — конец 1910-х гг.

К середине XIX в. личные права и свободы не были всеобщими, большая часть населения страны фактически находилась в положении рабов (крестьяне). Единственным сословием, правовое положение которого к середине XIX в. соответствовало положению члена гражданского общества, являлось дворянство.

В период с середины XIX в. по 1880-е гг. в Российской империи регламентировано большинство личных прав и свобод (право собственности, право на судебную защиту, право на свободу семейной жизни, передвижения, право на свободу вероисповедания, право на неприкосновенность личности), часть социально-экономических (право на выбор

рода деятельности, право быть субъектом гражданско-правовых отношений), духовных (право на образование) и политических (право на участие в местном самоуправлении, право на создание и членство в профессиональных объединениях). При этом реализация многих прав и свобод (например, право собственности, право на свободу передвижения, право на судебную защиту, право на участие в местном самоуправлении, право на свободу совести и др.) была затруднена сохранением общинных отношений, волостных судов для крестьян, телесных наказаний, наличием имущественного ценза для участия в местном самоуправлении и надзора со стороны органов власти и т. д.

Особенностью второго этапа выступает ограничение реализации ранее предоставленных прав и свобод.

Ключевым событием третьего этапа является принятие первой «конституции», закрепившей основные естественные и иные права и свободы, способствующие реализации первых.

Таким образом, такой признак гражданского общества России, как реализация права, во второй половине XIX — начале XX вв. находился на стадии формирования: регламентирован ряд прав и свобод человека, а также права и свободы, способствующие их реализации, что создавало условия для воплощения правовых норм в правомерном поведении граждан.

Д. А. Гогитидзе

Реализация принципа уважения в праве и политике

Выступая в 2024 г. на итоговой пресс-конференции, Президент РФ В. В. Путин более семи раз использовал лексему «уважение». При этом ее сущностная интерпретация была крайне разноплановой. Верховный главнокомандующий говорил об уважении участников мероприятия друг к другу, к национальным обычаям и традициям, языку, наконец, об уважении интересов государств в рамках политического сотрудничества. Сказанное ярко иллюстрирует глубокое проникновение феномена «уважение» как в содержание нормальных человеческих отношений в целом, так и через призму политико-правовой коммуникации [1].

При этом принцип уважения диалектически связан с иными общеправовыми принципами (равноправием, гуманизмом, справедливостью, разумностью и др.), сочетается с ними, кроме того, гармонично дополняет содержание последних, проецируясь на нравственно-этическую оценку человека и его социальное положение (через категории достоин-

ство личности, долг и др.) [2, с. 78]. Полагаем, что аксиомой юридической деятельности является реализация принципа равноправия без отрыва от уважения к личности.

Убеждены, что эффективная реализация принципа уважения в российской правовой системе невозможна в отрыве от политики государства по сохранению исторической преемственности в вопросах подлинного (не мнимого, насаждаемого западными медиа) понимания государства, права, национальной идентичности, духовно-нравственных основ общества. Ввиду затяжного и взаимного недоверия населения и государства следует терпеливо на протяжении нескольких поколений формировать в сознании всех членов общества необходимость уважительного отношения к праву и тем основам, которые оно регулирует и охраняет [3, с. 106].

В конечном итоге уважение нужно рассматривать не только как принцип права и осуществления публичной деятельности, оно должно стать общенациональной идеей, воплощением высших императивов в построении отношений между институтами власти и гражданским обществом. В таком качестве уважение в праве и государстве станет практической формой воплощения нравственно-этических идеалов доверия, добра, справедливости, а также формально-юридическим концептом законности и правопорядка.

Список источников

1. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909> (дата обращения: 20.12.2024).

2. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3(23).

3. Нестеров Е. А., Репьев А. Г. Уважение как принцип и ценностный приоритет коммуникации в праве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1.

Е. Ю. Гончарова

Договор доверительного управления наследственным имуществом: принципы и особенности правового регулирования

В системе российского гражданского права договор доверительного управления имуществом занимает особое место, поскольку он обеспечивает сохранность и рациональное использование имущества собственника в ситуациях, когда сам он не может осуществлять свои правомочия. Особая разновидность данного института — доверительное управление наследственным имуществом, предусмотренное ч. 3 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Его назначение заключается в том, чтобы гарантировать защиту имущественных интересов наследников и иных лиц, обладающих правами на имущество, до момента оформления наследственных прав.

Правовая природа доверительного управления наследственным имуществом носит специфический характер. Учредителем управления в данном случае выступает нотариус, действующий в интересах собственника — наследодателя, а выгодоприобретателями признаются наследники. Особенность в том, что, в отличие от обычного договора доверительного управления, заключаемого самим собственником или иным титульным владельцем, в наследственных отношениях воля собственника отсутствует: наследодатель умер, а права наследников еще не удостоверены. В связи с этим доверительное управление становится необходимой мерой по охране и сохранению имущества, которая прямо закреплена в ст. 1173 ГК РФ. Таким образом, этот договор представляет собой инструмент, соединяющий частноправовые и публично-правовые начала: с одной стороны, он регулируется нормами гражданского законодательства, с другой — его заключение осуществляется нотариусом, наделенным публичными полномочиями.

Основополагающим принципом договора доверительного управления наследственным имуществом является принцип охраны и сохранения имущества. Управляющий обязан предпринимать все меры, необходимые для предотвращения утраты или порчи наследственной массы. Он действует в интересах всех наследников, в равной мере отвечая за результат перед каждым из них. Данный принцип корреспондирует с общим принципом добросовестности, закрепленным в ст. 1 ГК РФ, и конкретизируется в положениях ст. 1171 ГК РФ, предусматривающих меры по охране наследства. Как справедливо отмечает В. В. Витрянский, имен-

но сохранение наследственной массы составляет ключевую цель доверительного управления, а институт нотариального надзора обеспечивает баланс интересов всех потенциальных наследников, независимо от их числа и конкретного статуса [1, с. 95].

Принцип независимости и добросовестности управляющего также имеет фундаментальное значение. Управляющий назначается нотариусом, что исключает возможность навязывания его кандидатуры отдельными наследниками. Закон не запрещает назначение наследника управляющим, однако в большинстве случаев предпочтение отдается лицам, профессионально занимающимся управлением имуществом, либо специализированным организациям. Как отмечает Е. А. Суханов, управляющий наследственным имуществом выполняет функцию «опекуна имущества», и поэтому он обязан воздерживаться от любых действий, которые могли бы повлечь ущерб имущественным интересам наследников [2, с. 421].

С принципом добросовестности тесно связан принцип подотчетности управляющего и контроля за его деятельностью. В силу ст. 1173 ГК РФ управляющий обязан предоставлять отчет о своей деятельности нотариусу, заключившему договор. Данный принцип обеспечивает прозрачность управления и создает механизмы для устранения злоупотреблений. Судебная практика подтверждает, что ненадлежащее исполнение управляющим своих обязанностей может служить основанием для его отстранения и возложения на него обязанности возместить причиненные убытки.

Особое место занимает принцип соразмерности полномочий управляющего целям доверительного управления. Управляющий наделяется правом совершать действия только в той мере, в какой это необходимо для достижения целей договора. Он вправе сдавать имущество в аренду, обеспечивать его ремонт, оплачивать налоги и сборы, но не вправе отчуждать имущество или обременять его без специального разрешения нотариуса. Таким образом, принцип соразмерности предполагает ограничение прав управляющего целями сохранения и хозяйственного обеспечения наследственной массы.

Важнейший принцип доверительного управления наследственным имуществом — защита прав наследников как выгодоприобретателей. Все доходы, полученные от использования наследственного имущества, подлежат включению в наследственную массу и распределяются между наследниками. Нарушение этого принципа влечет гражданско-правовую ответственность управляющего.

Баланс интересов является одним из основополагающих принципов современного отечественного права, при этом он прямо не закреплен в качестве такового применительно к наследственным правоотношениям [3, с. 174]. Однако указанные выше принципы образуют целостную систему, гарантирующую баланс интересов всех участников наследственных правоотношений. Они обеспечивают связь между публичным контролем со стороны нотариуса и частноправовыми интересами наследников. В юридической литературе подчеркивается, что договор доверительного управления наследственным имуществом выступает «правовой формой защиты наследственной массы», позволяющей предотвратить конфликты между наследниками и сохранить имущественный комплекс до его окончательного распределения [4, с. 527].

Таким образом, договор доверительного управления наследственным имуществом является особым видом гражданско-правового договора, в основе которого лежат принципы охраны и сохранения имущества, временности управления, независимости и добросовестности управляющего, подотчетности и контроля, соразмерности полномочий и защиты прав наследников. Эти принципы отражают специфику института, соединяющего частноправовые и публично-правовые элементы, и обеспечивают эффективное функционирование механизма наследственного правопреемства. Их реализация подтверждает общую тенденцию развития современного гражданского права, ориентированного на баланс интересов участников оборота и защиту достоинства личности в имущественных отношениях.

Список источников

1. *Витрянский В. В., Головина С. Ю., Гонгало Б. М. и др. Кодификация российского частного права 2017 : учеб. пособие / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2017.*
2. *Суханов Е. А. Гражданское право : в 4 т. Обязательственное право. М., 2019. Т. 3.*
3. *Борков В. Н, Москаленко Г. Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57).*
4. *Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. М., 2019. Кн. 3.*

И. А. Измайлова

Проблема неэффективности норм, предусматривающих уголовную ответственность за загрязнение атмосферы

Загрязнение атмосферного воздуха представляет собой одну из наиболее острых экологических проблем современности. Несмотря на наличие уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с данным видом преступлений (ст. 251 УК РФ), их эффективность остается низкой.

Основная сложность уголовно-правового регулирования в данной сфере кроется в конструкции состава преступления. Статья 251 УК РФ является «квазиформальной», поскольку даже незначительное загрязнение природы влечет причинение вреда [1, с. 13]. Достаточно самого факта загрязнения воздуха или изменения его природных свойств. Такой подход создает значительные затруднения в правоприменении, так как законодатель не установил четких количественных критериев, какое именно превышение предельно допустимой концентрации вредных веществ или изменение свойств воздуха следует считать уголовно наказуемым. Данная проблема порождает также конкуренцию уголовной и административной ответственности, когда аналогичные правонарушения могут квалифицироваться либо по ст. 251 УК РФ, либо по ст. 8.21 КоАП РФ, что создает возможности для избирательного правоприменения и коррупционных рисков [2, с. 63].

Особые сложности возникают при установлении источника вредных выбросов [3, с. 197]. Это связано как с объективными природными факторами, так и с недостатками системы контроля. С одной стороны, атмосферные загрязнения обладают свойством быстро рассеиваться, что затрудняет фиксацию доказательств правонарушения, с другой стороны, существующая система экологического мониторинга и контроля часто не позволяет оперативно выявлять и документировать факты загрязнения, что способствует высокой латентности таких преступлений.

Ситуация усугубляется отсутствием единообразной судебной практики и недостаточной подготовкой правоохранительных органов к расследованию сложных экологических преступлений, поскольку большая часть сообщений по фактам загрязнения атмосферы рассматривается участковыми. В результате даже при очевидных случаях систематического загрязнения атмосферы уголовные дела возбуждаются крайне редко, а большинство из них прекращается на стадии предварительного расследования.

Для изменения сложившейся ситуации требуется комплексная реформа законодательства и системы правоприменения, включающей раз-

работку четких критериев уголовно наказуемого загрязнения, совершенствование методик доказывания экологических преступлений.

Список источников

1. Попов И. В. В поисках критерия уголовной наказуемости деяний, посягающих на природную среду // Российский следователь. 2010. № 9.

2. Яковлева О. А., Чуйкин Д. А. Вопросы отграничения преступного загрязнения атмосферы от правонарушений и иных составов преступлений // LegalConcept. 2017. № 2.

3. Попов И. В. Проблемы установления признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», обусловленные бланкетностью уголовно-правовой нормы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 2.

А. К. Камолзода

Санкции за организацию незаконного вооруженного формирования и участия в нем: сравнительный анализ по Уголовному кодексу Российской Федерации и Республики Таджикистан

В уголовном праве санкция традиционно рассматривается как заключительная часть статьи Особенной части Уголовного кодекса. Она описывает негативные последствия для преступника. Это так называемая правовая реакция государственных органов, состоящая в применении к нему мер принуждения за нарушение уголовно-правовых норм. В уголовном законе единственной мерой государственного воздействия, указанной в уголовно-правовых санкциях, за совершение преступления выступает уголовное наказание. В уголовном законе содержатся относительно определенные и альтернативные санкции, указывающие на возможность применения одного или нескольких видов основных наказаний. В случаях кумулятивных санкций предусмотрены также и дополнительные виды наказаний.

Уголовно-правовая санкция определяет границы наказания, что необходимо для достижения двух целей: во-первых, для обеспечения соразмерности наказания совершенному преступлению и соответствия личности преступника [1, с. 37]. Проще говоря, это наказание, которое предусмотрено Уголовным кодексом за совершение конкретного преступления. Санкция определяет вид и размер наказания, которое может быть

назначено виновному [2, с. 710]. При разработке наказаний (уголовно-правовых санкций) за преступления важно учитывать, насколько опасным для общества является совершенное деяние. Это делает наказание справедливым и позволяет адекватно оценить степень угрозы, которую представляет конкретное преступление для общества. Однако, как считают некоторые ученые, в УК РФ содержатся следующие основные проблемы, связанные с санкциями.

1. Избыточный перечень наказаний. Санкции формируются на основе видов наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ. Однако некоторые из них применяются на практике редко, что ставит под сомнение целесообразность их закрепления.

2. Отсутствие четких критериев. При определении уголовных наказаний данное обстоятельство может привести к несогласованности санкций. Различные статьи УК РФ могут предусматривать непропорциональные наказания за сходные преступления, что свидетельствует о внутренней противоречивости уголовного закона.

3. Вариативность некоторых санкций. Некоторые статьи УК РФ закрепляют для суда возможность выбора уголовного наказания из перечисленных в норме альтернативных видов, тогда как другие статьи уголовного закона, напротив, не содержат такой альтернативы, в результате чего на практике могут возникать сложности при назначении наказания.

Уголовные санкции в разных государствах отличаются из-за принадлежности стран к разным правовым семьям. Соответственно, степень дифференциации уголовной ответственности, выраженная в видах и размерах санкций, варьируется в зависимости от исторических и законодательных особенностей каждой страны [3, с. 212]. Законодательство стран предусматривает разные санкции за участие в незаконных вооруженных формированиях. Проведем правовой анализ уголовно-правовых мер наказания, предусмотренных за создание незаконного вооруженного формирования в Российской Федерации и Республике Таджикистан (далее — РТ) [4].

За создание и финансирование незаконного вооруженного формирования или руководство им, как правило, предусмотрено довольно строгое наказание. Так, часть 1 ст. 208 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от 10 до 20 лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. В Республике Таджикистан согласно ч. 1 ст. 185 УК РТ за создание незаконного вооруженного формирования, а равно руководство таким формированием или участие в нем, наказывается лишением свободы на срок от 5 до 8 лет.

УК РФ устанавливает разные наказания для лица, создавшего незаконное вооруженное формирование, руководившее им либо финансировавшее его, и для лица, принявшего в нем участие, а также для лица без гражданства, принявшего участие в вооруженном конфликте на территории иностранного государства.

По части 2 ст. 208 УК РФ уголовная ответственность наступает в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Часть 3 ст. 208 УК РФ предусматривает самостоятельный состав за участие гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, при отсутствии признаков преступления. За данный вид преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет. Аналогичной нормы в УК РТ не имеется.

Часть 1 ст. 185 УК РТ содержит три альтернативных деяния (создание, руководство, участие). Как отмечалось ранее, в ч. 1 ст. 185 УК РТ устанавливается одинаковое уголовное наказание для лиц, создавших незаконное вооруженное формирование, а также осуществляющих руководство и участие в нем, в отличие, например, от состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, где санкция за создание, руководство и финансирование незаконного вооруженного формирования отличается от санкции за участие в нем.

Законодатель Таджикистана разделяет санкции по следующему признаку: совершены ли преступные действия с использованием служебного положения преступником или нет. Так, часть 2 ст. 185 УК РТ за те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, предусматривает лишение свободы от 8 до 12 лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) показала, что незаконные вооруженные формирования представляют серьезную угрозу национальной безопасности и социальной стабильности. Их деятельность может привести к распаду государства, массовым жертвам и долгосрочным негативным последствиям для страны. Поэтому борьба с неза-

конными вооруженными формированиями должна быть приоритетной задачей государства, включающей в себя политические, экономические, социальные и уголовно-правовые меры по устранению причин, порождающих данный вид преступлений. Опыт Таджикистана также подчеркивает необходимость международного сотрудничества в борьбе с незаконными вооруженными формированиями, так как их деятельность часто имеет транснациональный характер.

С нашей точки зрения, в настоящее время в ч. 1 ст. 185 УК РТ содержатся достаточно мягкие санкции по сравнению с санкциями ст. 208 УК РФ за организацию и участие в незаконных вооруженных формированиях. В связи с этим считаем необходимым ужесточить их, внести соответствующие изменения в анализируемую уголовно-правовую норму.

Полагаем, что в целях совершенствования уголовной ответственности, установленной за действия, предусмотренные ст. 185 УК РТ, необходимо внести следующие изменения:

- привести название ст. 185 УК РТ в соответствие с ее содержанием;
- увеличить сроки лишения свободы в качестве наказаний за совершенное преступление;
- дифференцировать уголовную ответственность за создание, руководство, финансирование незаконного вооруженного формирования и участие в нем.

Таким образом, предлагаем следующую авторскую редакцию ст. 185 УК РТ «Создание незаконного вооруженного формирования, руководство таким формированием, его финансирование или участие в нем»:

«1. Создание незаконного вооруженного формирования, а равно руководство таким формированием, или его финансирование — наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет.

2. Участие в вооруженном формировании — наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

3. Те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, наказываются лишением свободы от 10 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет».

По нашему мнению, следует использовать положительный опыт российского законодателя по дифференциации уголовной ответственности и наказания за рассматриваемые преступные посягательства применительно к конструированию ст. 185 УК РТ. Это касается как совершенствования диспозиций, так и санкций.

Список источников

1. Шуба Е. С. Проблемы формирования уголовно-правовых санкций // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 4.
2. Рогова Е. В., Ишигеев В. С., Парфиненко И. П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4.
3. Казимов З. И. Уголовно-правовые санкции за преступления, совершаемые отдельными категориями лиц // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10(74).
4. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 10.03.2025).

А. А. Козлова

Роль медиации в защите духовно-нравственных ценностей

Духовно-нравственные ценности — это не только смыслоопределяющие ориентиры, но и объект правовой защиты. При этом наряду с традиционными инструментами (правовыми запретами, мерами превенции, мерами юридической ответственности) в их защите важную роль играют правовые средства, по природе имеющие иное назначение. К числу таких средств относится медиация.

Во-первых, медиация обеспечивает непосредственную защиту духовно-нравственных ценностей в ситуациях, когда причиной конфликта либо значимым фактором, способствовавшим его появлению, выступает возникновение разрыва между личностно значимыми ценностями одного из участников конфликта и традиционными для общества духовными ценностями. Например, медиация, направленная на урегулирование семейных конфликтов, выполняет функцию защиты такой ценности, как крепкая семья [1, с. 61].

Особую значимость в качестве средства защиты духовно-нравственных ценностей медиация приобретает в ситуациях, когда конфликт касается вопросов веры, морали, традиций, поскольку в таких ситуациях традиционно применяемый в правозащите инструментарий часто оказывается неэффективным либо его использование даже усугубляет существующую проблему.

Во-вторых, медиация играет важную роль в защите духовно-нравственных ценностей в отношениях, возникающих между субъектами в про-

цессе самого урегулирования конфликта. Она позволяет сторонам сохранять уважение друг к другу и находить компромиссы, не допуская потери веры в справедливость, гуманизм, милосердие, приоритет духовного над материальным.

В-третьих, медиация служит правовым средством актуализации духовно-нравственных ценностей в качестве тех смысложизненных ориентиров, обращение к которым позволяет урегулировать конфликт. Это особенно значимо тогда, когда конфликт затрагивает фундаментальные мировоззренческие установки, либо тогда, когда нахождению взаимоприемлемого решения препятствует игнорирование ценностей общества участниками конфликта.

Важно, что сама процедура медиации требует от медиатора «уважать религиозные и моральные убеждения, ценности и права личности клиентов и коллег» [2, с. 461].

В-четвертых, придавая моделям поведения, воплощающим духовно-нравственные ценности, значение способов разрешения конфликтов, медиация тем самым повышает актуальность защиты таких ценностей посредством права уже не только как терминальных, но и как инструментальных.

Существуют и другие подтверждения того, что, не будучи нацеленной непосредственно на защиту духовно-нравственных ценностей, медиация в то же время играет в ней значимую роль.

Список источников

1. Минкина Н. И. Медиация в системе защиты семьи как конституционной ценности // Современное право. 2019. № 5.
2. Голуб О. Ю. О взаимосвязи медиации и правовой культуры // Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, № 4.

А. А. Леднев

Правовой эксперимент и эффективность реализации права

В современных условиях правовой эксперимент выступает не только как эффективный способ проверки новых регуляторных механизмов, но и как инструмент повышения эффективности реализации права. Когда государство тестирует нестандартные подходы в отдельной сфере, например, внедряет альтернативные способы кредитования [1] или вводит

особый налоговый режим [2], гражданам предоставляется возможность самим принять реальное участие в формировании закона.

Подобное «пилотное» тестирование положительно влияет на общественные отношения, поскольку формирует более осознанное восприятие закона: люди видят, что законодатель учитывает возможные риски и открыт для обратной связи [3, с. 45], прежде чем окончательно закрепить решение. В результате выстраивается своеобразный диалог между государством и обществом, при котором субъекты экспериментирования ощущают личное участие и приобретают уверенность в том, что нововведения основываются не только на абстрактных теоретических умозаключениях, но и на реальном опыте.

Правосознание при таком подходе эволюционирует, так как граждане начинают шире понимать конкретные цели и последствия реформ. Ключевое значение имеет обратная связь для совершенствования законодательства. Вместе с тем на другой уровень поднимается реализация права. Граждане начинают осознавать, что их отзыв на результаты правового эксперимента способен повлиять на окончательные решения. Эта вовлеченность повышает уровень доверия к правотворческим органам, так как эксперимент воспринимается как прозрачный способ выработки полезных для общества решений, а не как произвольное навязывание политики «сверху». В результате общество обретает представление о праве не просто как о совокупности статических правил, а как о системе, своевременно реагирующей на социальные запросы. Такой опыт способствует формированию более зрелого правового сознания, при котором граждане готовы способствовать повышению уровня реализации права, помогая законодательству становиться ближе к потребностям современного общества.

Список источников

1. *О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации* : федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»* : федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ.

3. Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пре-

Д. В. Малик

Реализация почетного правового статуса

Президент РФ В. В. Путин в начале 2024 г. на одном из рабочих совещаний заложил курс на формирование новой социальной элиты [1]. Одним из организационно-правовых средств реализации данной задачи на федеральном уровне является наделение отдельных членов общества почетным правовым статусом (например, сенатор — представитель Российской Федерации), как правило, за достижение особых (выдающихся) заслуг.

Можно с уверенностью заявлять, что данный институт совершенствования деятельности органов публичной власти выступает компонентом полноценной системы мер правового, организационного, материального стимулирования социальной активности граждан Российской Федерации [2, с. 28]. Вектор государственной политики направлен на поощрение достижения высоких показателей в труде и на государственной службе, формирование высоких личностных качеств, воспитание подрастающего поколения, конструирование прочной идеологической основы государства, базирующейся на фундаментальных духовных, нравственных ценностях.

Между тем для адресата соответствующих предписаний не всегда является ясным, что представляет собой феномен «заслуга», тем более с отвлеченной характеристикой «выдающаяся», а в ряде конкретизирующих нормативных правовых актах, заменяемая на «особая» [3]. Медиаисточники, средства массовой информации используют и такую характеристику наших соотечественников, как «выдающиеся россияне» [4].

Полагаем, что оценочная характеристика юридической лексики «выдающиеся заслуги» ориентирует правоприменителя на необходимость интерпретации нравственно-этического понятийно-категориального ряда (достоинство, героический поступок, подвиг и др.). Это, в свою очередь, представляется вынужденным и обоснованным приемом технико-юридического изложения воли законодателя. Закрепление исчерпывающего перечня поступков субъекта, которые могли бы характеризоваться в качестве «выдающихся заслуг», будет являться примером излишней правовой конкретизации нормативного материала, сузит возможности

адекватной интерпретации, может нивелировать разумные начала правоприменения.

Список источников

1. URL: <https://ria.ru/20240126/putin-1923780838.html> (дата обращения: 03.12.2024).

2. Репьев А. Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1.

3. Об утверждении перечня документов, необходимых для назначения дополнительного ежемесячного материального обеспечения гражданам Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией : приказ Минтруда России от 20 марта 2018 г. № 172н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Герейханова А. Мужественные люди, достоверно отражающие происходящие события: Путин вручил государственные награды выдающимся россиянам // Рос. газета. 2024. 12 дек.

Р. К. Медведев

Роль правоприменительной практики при преодолении коллизий в оценке малозначительных деяний

Институт малозначительности деяний, регламентированный ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ, выступает важным механизмом гуманизации уголовного законодательства. Вместе с тем оценочный характер данного института порождает существенные коллизии в правоприменительной практике, что подтверждается при анализе конкретных судебных решений.

В первом рассматриваемом деле (№ 1-69/2024 Тарского городского суда Омской области) подсудимый был признан виновным в покушении на мелкое хищение алкогольной продукции стоимостью 100 рублей 25 копеек, и, несмотря на незначительную стоимость предмета хищения, суд отклонил доводы защиты о малозначительности деяния[1].

В противоположность этому решению в другом случае (постановление Октябрьского районного суда г. Владимира) при рассмотрении обвинения в покушении на хищение шоколадного батончика стоимостью 39 рублей 79 копеек суд пришел к выводу о малозначительности деяния, указав на отсутствие существенного вреда интересам потерпевшего и общественной опасности, и прекратил уголовное дело [2].

Данные расхождения в судебной практике свидетельствуют о различных подходах к оценке критериев малозначительности, среди которых можно выделить: стоимость предмета посягательства, характеристики личности виновного, наличие или отсутствие претензий со стороны потерпевшего, конкретные обстоятельства дела. При этом суды по-разному интерпретируют значимость каждого из этих критериев, что приводит к неединообразной правоприменительной практике. В преодолении данных коллизий ключевую роль должна играть практика вышестоящих судебных инстанций, в первую очередь, Верховного Суда Российской Федерации, который способен обеспечить единообразие правоприменения через формирование обобщающих разъяснений, разработку четких критериев оценки малозначительности и механизм пересмотра судебных решений.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что правоприменительная практика выступает ключевым фактором преодоления коллизий в оценке малозначительных деяний. Именно через нее происходит выработка и конкретизация критериев малозначительности, их адаптация к меняющимся социально-экономическим условиям. Последовательная реализация указанных мер позволит обеспечить единообразное применение института малозначительности и исключить субъективизм при принятии судебных решений, что имеет принципиальное значение для обеспечения принципа справедливости в уголовном праве.

Список источников

1. Приговор № 1-69/2024 от 11 июля 2024 г. по делу № 1-69/2024 Тарского городского суда Омской области URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5gbu3CpxI6lX/> (дата обращения: 21.04.2025).

2. Постановление № 1-282/2020 от 10 сентября 2020 г. по делу № 1-282/2020 Октябрьского городского суда г. Владимира. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ptxhJlyHgprd/> (дата обращения 22.04.2025).

Н. В. Митрофанов

Государственный строй в Российской империи в учении Ф. Ф. Кошкина

Вопрос о будущем государственном строе Российской империи являлся одним из самых значимых в конце XIX — начале XX вв. и исследовался отечественными учеными-правоведами и юристами-практиками,

такими как В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, С. А. Муромцев. В модели конституционного государства Ф. Ф. Кокошкина обозначенная проблема представлена наиболее подробно.

Ф. Ф. Кокошкин рассматривал идею конституционного государства всеобъемлюще, предполагая возможность существования как конституционной монархии, так и конституционной республики [1, с. 284], называя уже позднее, в 1917 году, первую форму правления «... вопросом политической целесообразности» [2, с. 4]. Правовед отмечал зарубежный опыт установления конституционных учреждений и указывал на наиболее распространенный компромиссный вариант «в виде конституционной монархии» [1, с. 286], допуская его применение в России на переходном этапе. Выступая на Седьмом съезде Партии народной свободы, Ф. Ф. Кокошкин отстаивал позицию о желательном государственном строе для Российской империи, согласно которой необходимо было разграничивать вопрос о форме правления от вопроса о существе и содержании [2, с. 5].

Ф. Ф. Кокошкин называл проблему существа и содержания государственного строя одной из важнейших. На взгляд ученого, указанный вопрос раскрывался в программе кадетской партии и базировался на следующих принципах: неприкосновенность начала гражданской свободы и гражданского равенства, обеспечение полного господства народной воли, осуществление начал социальной справедливости. Первый принцип затрагивал взаимодействие государства и личности, второй принцип охватывал внутренний строй государства, третий принцип выступал в качестве задачи государственной деятельности [2, с. 5–6].

Идеальной формой правления в Российской империи, с точки зрения Ф. Ф. Кокошкина, должна была стать парламентарная республика, «...в которой президент управляет страной через посредство министерства, ответственного перед народным представительством и пользующегося доверием последнего» [3, с. 19]. Отрицание монархии обосновывалось ученым разрушением связей с населением, притеснением его в правах. Идеальным вариантом формы правления, с позиции правоведа, являлся французский тип республики [2, с. 19].

Таким образом, пересмотр программы Конституционно-демократической партии по вопросу о форме правления произошел только после Февральской революции. На протяжении своей общественно-политической деятельности Ф. Ф. Кокошкин отстаивал интересы государства и общества, а также выступал за установление демократической парламентарной республики в Российской империи.

Список источников

1. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912.
2. Кокошкин Ф. Ф. Республика. Петроград, 1917.
3. Митрофанов Н. В. Концепция конституционного государства в воззрениях Ф. Ф. Кокошкина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2.

Т. Ф. Мусагитов

Судебный прецедент в романо-германской правовой системе

Общеизвестно, что Россия относится к странам романо-германской правовой семьи, где основным источником права выступает нормативный правовой акт. Несмотря на то что судебный прецедент в романо-германской правовой системе не является источником права, он все же занимает определенное место в отечественной правоприменительной практике.

Судебные акты выполняют скорее регулятивные функции и заметно отличаются друг от друга в зависимости от целей, форм и содержания. При этом судебные акты регулируют различные общественные отношения как индивидуального характера, так и возникающие между государственными органами или организациями различных форм.

В юридической науке достаточно давно и все чаще высказываются идеи касательно роли судебного прецедента, признания его функций за некоторыми правовыми актами, возможности применения судебного прецедента в качестве источника права в странах романо-германской правовой семьи [1, с. 29].

В условиях долгосрочности применения судебная практика становится неким ориентиром при рассмотрении судами однотипных дел. Не являясь при этом нормой права, судебные акты становятся актами толкования, а постановления Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации регулярно указывают на необходимость соблюдения единообразия в толковании и применении норм права.

Кроме того, в современном многообразии и обширности законодательной базы роль судебных актов находится в условиях естественного усиления. Судебное правотворчество более динамично, эффективно и современно по сравнению с нормами права, которые требуют опреде-

ленных временных затрат для своего изменения и приведения в соответствие текущим требованиям и условиям общественных институтов и социальных систем.

Судебный прецедент хотя и вторично, но все-таки фактически выступает формально юридически не признанным источником права. Многие юристы предлагают законодательно закрепить судебный прецедент как источник права, что позволит упростить рассмотрение дел в судах, заполнить пробелы правоприменительной практики, обеспечить единообразие рассмотрения дел и создаст возможность ссылаться на судебную практику не только как на авторитетный источник правоприменения, но и как на законный источник толкования.

Действительно, проблема судебного правотворчества весьма сложна, ведь расширение спектра полномочий судебной власти происходит фактически за счет сужения компетенций законодательных органов [2, с. 39].

Таким образом, судебный прецедент, не являясь источником права в романо-германской правовой системе, имеет авторитет и влияет на решение вопросов, связанных с толкованием закона и применением правовых норм. Позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в решениях, имеют определенные признаки судебного прецедента и используются судами при вынесении решений по однотипным делам наравне с другими источниками права.

Список источников

1. *Блохин П. Д.* Аналогия в праве и судебный прецедент: сравнительно-правовые параллели // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3.
2. *Михайлова А. А.* Правотворчество Верховного Суда РФ: судебный прецедент // Юридическая наука. 2023. № 7.

М. А. Мялицына

Уголовно-правовая охрана права на справедливое правосудие

Концепция монополии государства на применение принуждения получила широкое теоретическое обоснование в трудах классиков политико-правовой мысли. Наиболее известное определение дал Макс Вебер, указав, что «государство — это то человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует на монополию легитимного физического насилия» [1, с. 645]. Смысл данного высказывания заклю-

чается в том, что государство — это единственный институт, который имеет исключительное право на применение легитимного (законного) насилия в пределах своей территории. В современном правовом государстве такая монополия на принуждение приобретает сугубо правовой характер: государство не только вправе применять меры принуждения, но и обязано строго регламентировать их пределы, формы и основания.

Право на справедливое правосудие является одним из фундаментальных прав человека, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Уголовно-правовая охрана этого права предполагает установление ответственности за действия, которые его нарушают. К числу норм, охраняющих право на справедливое правосудие, можно отнести: ст. ст. 294–297, 298¹, 303, 305–311 УК РФ. Кроме того, данный ряд дополняется ст. ст. 285 и 286 УК РФ, так как данные составы являются общими по отношению к некоторым составам, закрепленным в главе 31 УК РФ.

Райгородский В. В., давая классификацию преступлениям против правосудия, выделил в качестве основы для деления субъект совершения преступления. По мнению автора, преступления против правосудия могут совершаться: лицами, осуществляющими процессуальную деятельность; лицами, являющимися участниками данной деятельности; лицами, призванными по закону содействовать ей; любыми лицами [2, с. 166–167]. Таким образом, субъектами преступлений могут быть как должностные лица — представители государства, так и частные лица, задействованные либо не задействованные в уголовном судопроизводстве. С учетом данной классификации можно сделать вывод, что уголовно-правовая охрана правосудия решает две взаимосвязанные задачи: обеспечивает защиту прав участников процесса на справедливое правосудие и сохраняет государственную монополию на применение легитимного принуждения.

Таким образом, уголовно-правовая охрана правосудия играет ключевую роль в поддержании баланса между защитой прав граждан и обеспечением государственной монополии на легитимное принуждение.

Список источников

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Райгородский В. В. Классификация преступлений против правосудия // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1.

В. Д. Огорелкова

Реализация права в теоретическом наследии Якова Ивановича Баршева

Проблема реализации права является одной из ключевых в юридической науке, поскольку именно с процессом реализации связывают «претворение в жизнь или осуществление в поведении людей конкретных правил, моделей поведения, которые содержатся в юридических нормах» [1, с. 180]. Вопросы, касающиеся реального действия права, занимают особое место в отечественной правовой мысли. Анализ трудов выдающихся ученых-правоведов, чьи идеи и концепции заложили основы для понимания механизмов функционирования права, может оказать положительное влияние на осознание процесса реализации современной юридической наукой.

Ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургский университета, доктор права Яков Иванович Баршев был выдающимся ученым в области уголовного права. Несмотря на то что творческое наследие профессора не так велико, он оставил заметный след в российской юридической науке. Я. И. Баршев, помимо преподавания курсов уголовного права и уголовного судопроизводства, занимался и практической деятельностью в государственных учреждениях, разрабатывавших проекты законов [2, с. 308–309]. Возможно, взгляд на право и как теоретика, и как практика обусловили его отношение к реализации права. В одной из своих работ он отмечает, что «народная жизнь, есть истинная, действительная сфера, в которой право находит для себя осуществление, здесь оно выражается в возможной полноте, разнообразии и живости, здесь оно осуществляется, делается наглядным и осязаемым, дает себя созерцать в бесконечно-разнообразных явлениях» [3, с. 64]. Не менее любопытно мнение ученого относительно правоприменения и личности судьи в этом процессе. С точки зрения исследователя, именно в практике происходит оживление права. И. Я. Баршев пишет: «Судья-практик есть более, нежели простой только сводчик, который определенные случаи подводит под законы, он есть представитель права своего народа, его призыв состоит в том, чтобы быть живым источником права» [3, с. 64]. Профессор считает, что судья должен не просто знать законы, он должен уметь их толковать и соотносить с народными воззрениями.

Таким образом, краткий экскурс в теоретические труды Я. И. Баршева показывает универсальность и оригинальность подхода к пониманию значимости реализации права. Малоизученность правового наследия отечественной юридической науки не позволяет объективно оценить

и выявить общие тренды развития русского права. Исторический опыт дореволюционных правоведов, несмотря на свою историческую удаленность, по-прежнему сохраняет свою актуальность, что обуславливает необходимость его тщательного изучения.

Список источников

1. *Абрамов А. И.* Понятие реализации функций права. Соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 3.

2. *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. М., 2015.

3. *Баршев Я. И.* О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности русского, права // Акт в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1846.

М. С. Самойлюк

Особенности юридической техники в современных правовых системах

Отправной точкой любого эффективного правового регулирования является четко определенная концептуальная основа. Выявление сложных междисциплинарных и всеобъемлющих технологий без сужения или расширения сферы правового регулирования — одна из сложнейших задач. Более того, быстро развивающаяся индустрия требует, чтобы правовые системы в различных сферах деятельности сохраняли свою актуальность при дальнейшем развитии технологий и их постоянном обновлении.

В настоящее время существуют различные классификации правовых систем, которые имеют свои особенности. Например, Р. Давид выделяет такие правовые системы, как религиозная, романо-германская и англосаксонская правовая семья [1, с. 26]. Особенности юридической техники в современных правовых системах имеют как сходства, так различия.

Сходством юридической техники в современных правовых системах является прежде всего использование технологий искусственного интеллекта в различных сферах деятельности, данные технологии позволяют ускорить правотворческий процесс с учетом анализа общественного мнения и предложения граждан по различным законопроектам.

Следующей общей чертой можно назвать применение таких универсальных методов, как прогнозирование, моделирование и экспертная

оценка. Эти методы помогают при принятии и создании различных нормативных правовых актов.

Концептуальный подход является еще одной важной чертой, определяющей сходство юридической техники в современных правовых системах. Он помогает при разработке нормативных правовых актов учитывать интересы общества, что способствует достижению согласованного результата между участниками правотворческой деятельности.

Если вести речь о различиях особенностях юридической техники в правовых системах, то в данном случае мы говорим о типах правовых систем. Например, в англо-саксонской правовой семье основным подходом является судоговорение, романа-германская семья имеет свой подход по технике нормотворчества, а у мусульманской правовой семьи — подход, связанный с интерпретационной техникой.

Еще одним важным различием особенностей юридической техники в правовых системах выступает понимание справедливости в юридической технике. В качестве примера можно взять за основу проект закона, в котором необходимо определить, как соотносится формальная и фактическая справедливость.

Подводя итог, необходимо отметить, что повышение эффективности и качества юридической техники в современных правовых системах не может происходить без учета отличительных черт сходства и различий особенностей юридической техники в каждой правовой системе [2, с. 372]. Обеспечение условий для реализации права с учетом особенностей юридической техники в современных правовых системах в обществе является важной составляющей качественной подготовки нормативных правовых актов.

Список источников

1. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988.
2. *Кирьянов А. Ю.* Культура техники законотворческого процесса как предпосылка эффективного нормотворчества // *Юридическая техника.* 2016. № 10.

В. С. Севостьянов

Вопросы реализации экономической функции государства в учении Г. Ф. Шершеневича

Экономическая функция государства является одной из приоритетных в государственной деятельности, так как она связана с накоплением и использованием ресурсов страны. Г. Ф. Шершеневич как видный цивилист конца XIX — начала XX вв. в рамках своих научных интересов рассматривает реализацию экономических функций преимущественно применительно к области торгового права в Российской империи.

Позиция правоведа четко прослеживается в его работах «Общая теория права» и «Общее учение о праве и государстве», где он определяет государство как институт, призванный направлять экономическую жизнь общества. Так, по его мнению, «государство может и должно обеспечить существование и благосостояние каждого из своих граждан» [1, с. 26]. Однако реализация экономической функции на практике сталкивается с рядом проблем.

Научная полемика по поводу статуса торгового права (самостоятельная отрасль или подотрасль гражданского права), несмотря на бурное развитие внутренней и внешней торговли, не мешает Г. Ф. Шершеневичу сохранить приверженность классическому подходу. Он утверждает, что «торговое право есть нечто иное, как специальная часть права гражданского, приспособленная к особенностям торгового оборота» [2, с. 63].

Юридическая регламентация гражданско-правовых отношений позволяет в том числе установить рамки деятельности государства в сфере экономики. При этом, подчеркивает Г. Ф. Шершеневич, «государство, определяя условия торговой деятельности, не может ограничиваться только частными интересами, но обязано принимать во внимание потребности всего народного хозяйства» [3, с. 3]. Главная задача здесь состоит «в том, чтобы, не стесняя свободы промышленности, оградить общественные интересы от возможных злоупотреблений этой свободой» [4, с. 45]. Тем самым будет установлен стабильный правопорядок, без которого «невозможно правильное экономическое развитие» [2, с. 11].

Задача законодателя, считает ученый, должна состоять в следовании принципу согласованности «свободы промышленной деятельности с требованиями общественного блага» [4, с. 78], что означает необходимость не только установления границ государственного вмешательства в экономику, но и соблюдение баланса государственных, частных и общественных интересов. Истинная мудрость законодателя проявляется в том, чтобы, «не подавляя частную инициативу бюрократической регламента-

цией, одновременно предотвращать злоупотребления экономической свободой в ущерб общественным интересам» [3, с. 45], — писал автор. Это требует тщательного анализа конкретных хозяйственных условий, поскольку, по замечанию ученого, «меры, полезные для одной эпохи, становятся вредными для другой» [5, с. 12]. Особое значение приобретает гибкость правового регулирования, позволяющая, с одной стороны, сохранить стабильность развития экономики, с другой — не препятствовать развитию новых форм хозяйственной деятельности.

Таким образом, в работах Г. Ф. Шершеневича эффективность реализации экономической функции государства связана с наличием стабильного правопорядка, взвешенным правовым регулированием хозяйственной деятельности, развитием торгового права, соблюдением интересов всех субъектов экономических правоотношений.

Список источников

1. *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве. М., 1911.
2. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1911.
3. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права. М., 1914.
4. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. СПб., 1908.
5. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1.

К. В. Степина

Реализация статьи 79 Конституции Российской Федерации в стратегии отношений России и Китая

Конституция РФ, являясь основополагающим документом, определяет не только внутреннее устройство государства, но и его ключевые ориентиры на международной арене. Статья 79 Конституции РФ устанавливает правовые рамки, в которых осуществляется международная интеграция: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Данная норма, с одной стороны, открывает возможности для глубокой международной интеграции, а с другой — устанавливает четкие конституционные пределы такой интеграции, защищая суверенитет, права человека и основы конституционного строя России.

Таким образом, конституционная норма выступает не просто как разрешение, а как охранительный механизм. Она позволяет проводить многовекторную внешнюю политику, но гарантирует, что ни одно международное соглашение не поставит под угрозу фундаментальные ценности и суверенитет Российского государства.

Одним из наиболее стратегически важных и стабильных направлений является линия на построение всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой [1]. Отношения с КНР основаны на принципах суверенного равенства, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела и уважения интересов друг друга, что позволяет России эффективно отстаивать свои национальные интересы, не поступаясь конституционными принципами.

Отношения между Россией и Китаем, прошедшие путь от нормализации до всеобъемлющего взаимодействия, представляют собой наглядный пример реализации конституционного предписания. Они демонстрируют модель, при которой углубление интеграции происходит не через создание наднациональных органов, а через гармонизацию национальных интересов и совместную работу в международных институтах.

Россия и Китай активно взаимодействуют в рамках БРИКС и ШОС. Эти организации, особенно ШОС, основаны на принципе консенсуса, что означает: ни одно решение не может быть принято против воли одного из членов. Это исключает возможность навязывания России какой-либо позиции, противоречащей ее национальным интересам. Участие в этих объединениях является прямой реализацией права, предусмотренного ст. 79 Конституции РФ, и служит укреплению суверенных позиций обеих стран на мировой арене, способствуя формированию многополярного мира.

Крупные проекты, такие как газопровод «Сила Сибири», или увеличение товарооборота реализуются на основе двусторонних межправительственных и коммерческих договоров, которые не предусматривают создания наднациональных экономических органов, что является прямым отражением смысла ст. 79 Конституции РФ.

Совместные военные учения, например «Морское взаимодействие», носят оборонительный и антитеррористический характер. Они не предполагают создания аналога блоку НАТО с единым командованием и автоматическими обязательствами по коллективной обороне. Это сотрудничество укрепляет обороноспособность каждой из стран, не требуя делегирования суверенных полномочий в критически важной сфере безопасности, что полностью согласуется с конституционными основами Российской Федерации.

Анализ стратегии отношений России и Китая позволяет сделать вывод, что данное направление внешней политики является последовательной и эффективной реализацией ст. 79 Конституции РФ. Партнерство с КНР строится на модели, которая полностью сохраняет национальный суверенитет, а также способствует достижению национальных целей, таких как экономическое развитие и безопасность.

Список источников

1. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 15.02.2025)

Е. А. Фомина

Особенности реализации функций милиции в раннесоветский период и их репрезентация в искусстве

Раннесоветский период характеризуется необходимостью укрепления позиций новой власти, в том числе через деятельность органов правоохранительной системы. На первых этапах данная цель достигалась в большей степени через устрашение населения и формирование уважительного отношения к сотрудникам милиции со стороны обычных граждан. Искусство является самым простым и наглядным способом донести определенную мысль до массового зрителя, данная причина послужила определяющей при выборе ключевой площадки репрезентации.

В картинах начала 20-х гг. XX в. милиционер появляется в качестве эпизодического персонажа, сливающегося с красноармейцами. Одна из его функций — охрана революционного порядка, что подчеркивается и в нормативно-правовых актах того времени [1, с. 71].

К середине 20-х гг. властью разворачивается активная политико-воспитательная работа, основной линией которой выступает противопоставление народной советской милиции коррумпированной имперской полиции. Наиболее ярко данное направление отражалось через выпуск карикатур в журнале «Заноза». Художниками создается негативный образ старого режима через трансляцию образа полицейского как чрезмерно упитанного человека с холодным и высокомерным взглядом, обвешанного различными наградами, которых он явно не заслуживает.

Репрезентуется в искусстве и основная функция милиции — борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка. Так, в 1926 г.

выходит стихотворение В. Маяковского «Стоящим на посту». Автор обращается к милиционерам, отмечая, «береги своим караулом копейку рабочую, дом и покой» [2, с. 240]. Особо подчеркивается также необходимость борьбы с бандитизмом и белым движением «бандит и белый живут в ладах» [2, с. 241].

С 30-х гг. наблюдается тенденция к гуманизации образа милиционера, и как следствие, все большее освещение функций, связанных с охраной общественной безопасности. Так, выходит целая серия плакатов, связанных с необходимостью соблюдения правил дорожного движения, где милиционер в образе «дяди Степы» объясняет взрослым и детям, как нужно вести себя на дороге.

Таким образом, анализируя искусство в качестве одной из основных площадок репрезентации, можно проследить, как сменялись ключевые функции милиции, и выявить тенденцию к постепенной гуманизации правоохранительных органов в целом.

Список источников

1. *Хрестоматия по истории органов внутренних дел России (XVII — начало XXI вв.)* / сост. Т. М. Ашенова, А. В. Быков. Омск, 2019.
2. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1955–1961. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года — 1926 года и очерки об Америке / подгот. текста и примеч. В. В. Кожина, И. Л. Робина, В. В. Тимофеевой. 1957.

А. Е. Чернышев

Формирование, развитие и современное состояние экологического законодательства Германии

Состояние окружающей среды, отвечающее общепринятым стандартам безопасности, является гарантией реализации одного из базовых прав человека [1]. Российское государство, следуя традиционной экологической повестке, предпринимает значительные усилия по совершенствованию правовых основ природоохранной политики. Полагаем, что в этом процессе должен быть учтен опыт иностранных государств, достигших серьезных результатов в данной сфере, к числу которых следует отнести ФРГ.

Проблемы состояния и охраны окружающей среды впервые получили нормативное закрепление в Германии на рубеже 1960–1970-х гг.

В 1971 г. в Экологической программе правительства В. Брандта [2] была детерминирована общая стратегия природоохранной политики, ее идеология, конкретизированная первым Федеральным законом «Об охране окружающей среды от экологически вредных выбросов» 1974 г.

Необходимость минимизации экологического ущерба стала первопричиной новелл хозяйственного курса в ФРГ в 1980-е гг. К их числу относились, в первую очередь, меры по реструктуризации системы электроснабжения и перепрофилирования крупного индустриального производства [3]. Во-вторых, следует упомянуть о системном реформировании фискальной политики [4, с. 97]. Несомненным проявлением воздействия экологической повестки на налоговое законодательство стало снижение налогов на прибыль предприятий, внедряющих новейшие очистные технологии [5, с. 43].

На протяжении последнего десятилетия XX в. имела место тенденция роста внимания федерального и земельного законодателей к проблемам бережного отношения к природным ресурсам. Свидетельством, подтверждающим это утверждение, является восприятие национальным законодательством экологических директив Евросоюза, а также внесение 27 октября 1994 г. поправок в Конституцию ФРГ [6; 7].

Формально в современных условиях экологическая повестка для ФРГ, типичного промышленно-развитого государства, представляет собой один из важнейших приоритетов национальной политики. Ресурсосберегающая политика характеризуется системно-комплексным подходом, включая в себя не только реализацию природоохранных мероприятий (снижение промышленных выбросов, развитие «зеленой» энергетики и др.), но и соответствующие образовательные проекты, направленные на формирование определенного типа мировоззрения [8, р. 22].

Признавая несомненные успехи экологической политики Германии, следует отметить, что ей в какой-то степени не хватает последовательности. По мнению специалистов в сфере природоохранной политики, в 2000–2020-е гг. в федеральном законодательстве проблемы природоохраны в целом, равно как и вопросы правового регулирования политики по обеспечению чистоты воздуха и водных ресурсов, сохранению биоразнообразия и др., перемещаются на второй план. Очевидно, что это никак не связано с окончательным разрешением давних экологических проблем, но вполне соответствует общемировому тренду. Реализация природоохранных мероприятий имеет достаточно финансово-затратный характер, может способствовать утрате конкурентного преимущества

в экономике и сокращению ассигнований на реализацию социальных программ, что в глазах значительной части политической элиты ФРГ является неоправданным риском [9, с. 89].

Список источников

1. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NL7/300/05/IMG/NL730005> (дата обращения: 07.03.2025).
2. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/273/21/IMG/NR027321> (дата обращения: 07.03.2025).
3. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro (дата обращения: 07.03.2025).
4. Глазачев С. Н., Косоножкин В. И. Устойчивость биосферы в условиях интенсивного антропогенного освоения природных систем // Социально-экологические технологии. 2012. № 1.
5. Гурьева М. А. Глобальные экологические проблемы современности: тенденции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15.
6. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bimschg/inhalts_bersicht.html (дата обращения: 07.03.2025).
7. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bimschv_39/inhalts_bersicht.html (дата обращения: 07.03.2025).
8. Altmann J. Umweltpolitik. Stuttgart, 1997.
9. Люббе-Вольф Г. Основные характеристики права окружающей среды Германии // Государство и право. 2000. № 11.

С. Н. Шарипов

Роль судебного контроля в обеспечении законности в административной деятельности милиции Таджикистана

С обретением независимости Республики Таджикистан 9 сентября 1991 г. милиция претерпела значительные реформы, направленные на ее преобразование в современный правоохранительный институт. Изменения включали реформирование структуры, применение новых методов работы и адаптацию к международным стандартам правоохранительной деятельности. Принципы законности, объективности и беспристрастности легли в основу административной деятельности милиции. Законность предполагает, что все административные действия милиции должны быть обоснованы, документально подтверждены и соответствовать

надлежащим правовым процедурам. Однако без эффективного механизма контроля за административной деятельностью законность может оказаться под угрозой.

Судебный контроль представляет собой форму проверки соответствия действий и решений правоохранительных органов, в том числе милиции, осуществляемую судами в рамках административного, уголовного и гражданского судопроизводства. Международные документы, такие как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, стандарты ООН подчеркивают необходимость независимого судебного контроля за действиями милиции. Согласно Конституционному закону «О судах Республики Таджикистан» граждане имеют право обращаться в суд в случае нарушения их прав милицией, включая неправомерные задержания, незаконные обыски, досмотры, другие процессуальные действия. Судебная практика в Таджикистане показывает, что количество дел, связанных с административной деятельностью милиции, постепенно увеличивается. Основные типы нарушений включают превышение служебных полномочий, необоснованное применение силы, нарушение процедуры задержания и др. Однако при реализации милицией отдельных направлений ее деятельности, в частности административно-юрисдикционной, судебный контроль выступает, безусловно, важнейшим способом обеспечения законности.

П. П. Шинкевич

Правоприменительная практика в сфере миграций: советский опыт 1920–1930-х годов

Период 1920-1930-х гг. связан с формированием в СССР новой системы регулирования миграционных процессов. Именно в это время закладываются основы советской миграционной политики, которые на долгие годы определяют развитие данной сферы в СССР. Реализация новых идейных установок приводит к формированию новой нормативной базы для регулирования миграционных потоков, создается система правового регулирования движения населения [1, с. 81].

Первая мировая война, революция 1917 г., гражданская война и интервенция приводят огромные массы населения в движение как внутри страны, так и за ее границами. В ноябре 1917 г. советская власть, упразднившая дореволюционную паспортную систему, начинает поиск новых форм упорядочивания миграционных процессов. Первым шагом на пути

регулирования в сфере миграции становится Декрет Совета народных комиссаров от 5 октября 1918 г. «О трудовых книжках для нетрудящихся», в котором взамен прежних удостоверений личности, паспортов и прочего вводились трудовые книжки. Лица, не явившиеся для получения трудовых книжек в обмен на паспорт, наказывались штрафом до 10 000 рублей или подвергались тюремному заключению до полугода. Данная мера рассматривается как способ закрепления гражданина в определенном месте (в контексте регулирования перемещения трудовых ресурсов) и связана с социально-экономической ситуацией в стране.

Напротив, курс на индустриализацию, провозглашенный на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., потребовал изменений в миграционной политике СССР. Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу с 1 января 1927 г., ужесточил ответственность за выезд за границу или въезд в СССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей (ст. 84) — теперь данное преступление предусматривает ответственность в виде заключения в лагерь на срок от одного года до трех лет (ст. 84).

Вводится уголовная ответственность и за нарушение паспортного режима (ст. 192-а): повторное нарушение установленных правил прописки паспортов или временных удостоверений лицами, приезжающими в местности, где введена паспортная система, имеющими установленные документы, предусматривает уголовную ответственность в виде исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев. Проживание в тех же местностях лиц, не имеющих паспорта или временного удостоверения и подвергшихся уже административному взысканию за указанное нарушение, предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 28 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» устанавливает для лиц, прибывших на жительство в дом, находящийся в пределах городского поселения на срок более трех дней, обязанность немедленно заявить о своем пребывании домовому управлению, владельцу или арендатору дома, гостиницы или меблированных комнат, которые обязаны были в течение 48 часов внести сведения о прибывшем в домовую книгу и зарегистрировать запись в соответствующем отделении милиции. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР, утвержденным Политбюро ЦК ВКП(б) 16 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки», вводятся единая паспортная система и обязательная прописка. Здесь же предусматривалась административная ответ-

ственность за нарушения паспортного режима: за отсутствие паспорта или временного удостоверения, а равно за нарушение правил прописки налагался административный штраф в размере до 100 рублей. Повторное нарушение указанных требований могло повлечь уголовную ответственность [2, с. 8].

Таким образом, мы видим, что в указанный период в правоприменительной практике советского государства в сфере миграции последовательно сменяются две тенденции: разрешительная (отмена в начале 1920-х гг. всех ограничительных мер) и контрразрешительная (введение контроля, запретов и ограничений на перемещения), что было продиктовано политическими, социально-экономическими и демографическими обстоятельствами.

Список источников

1. *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
2. *Волошинова И. В.* Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Маржан Нурзадаевна — начальник отдела экспертизы правового, организационно-кадрового и информационного обеспечения министерства имущественных отношений Омской области (г. Омск)

Агабекова Людмила Григорьевна — соискатель 3 факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров, заведующий кабинетом кафедры управления деятельностью подразделений охраны общественного порядка Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва)

Алафьев Михаил Михайлович — заместитель прокурора прокуратуры Москаленского района Омской области (Омская обл., р. п. Москаленки)

Амиров Рустем Загирович — кандидат юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, доцент кафедры теории и истории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России

Богданов Алексей Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва)

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

Гененко Яна Петровна — командир взвода факультета подготовки сотрудников полиции Омской академии МВД России

Гогитидзе Дарья Алексеевна — аспирант кафедры теории и истории государства и права Южно-Российского института управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Гончарова Елена Юрьевна — секретарь нотариуса нотариального округа (г. Омск)

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Давыдова Марина Леонидовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

Измайлова Ирина Александровна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Кальченко Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России

Камолзода Амриддин Камол — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Карпов Кирилл Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России

Квасников Евгений Сергеевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Кожевина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Кожевников Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Козлова Анастасия Александровна — преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

Корабельникова Юлия Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (г. Москва)

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Кузнецов Александр Александрович — кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Лановая Галина Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Леднев Артур Артурович — адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России (г. Москва)

Луговик Виктор Федорович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Лыга Алексей Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Малик Дмитрий Валерьевич — адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России (г. Москва)

Медведев Роман Константинович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Митрофанов Никита Владиславович — ассистент кафедры цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности; аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Мурин Дмитрий Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Мурина Юлия Викторовна — кандидат юридических наук, старший прокурор управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Омской области (г. Омск)

Мусагитов Тимур Филарстович — преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

Мушаков Виталий Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России

Мялицина Мария Андреевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России

Никитчик Алина Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Николаев Константин Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Огорелков Дмитрий Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Огорелкова Вероника Дмитриевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Плетников Виктор Сергеевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Плетникова Мария Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Плешаков Евгений Александрович — вице-президент Московской коллегии адвокатов «Международная коллегия адвокатов № 1 г. Москвы»

Половников Олег Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Поляков Сергей Борисович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики»

Репьев Артем Григорьевич — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса Российского университета транспорта (г. Москва)

Рунаев Роман Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Самойлюк Маргарита Сергеевна — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская обл., г. Домодедово)

Севостьянов Вадим Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Семенов Игорь Геннадьевич — начальник отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры Омской области (г. Омск)

Сидоркин Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, Почетный адвокат России, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина (г. Москва)

Синченко Георгий Чонгарович — доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Степина Кристина Вадимовна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Судденюк Кристина Васильевна — аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, адвокат адвокатской конторы № 2 Нижегородской областной коллегии адвокатов

Трапезникова Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Червяковский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Чернова Эльвира Рамилевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Шаршун Виктор Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Фомина Елизавета Александровна — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Чернышев Андрей Евгеньевич — ассистент кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета

Шарипов Сайфуддин Нуриддинович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шинкевич Павел Петрович — преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Алафьев М. М. Реализация законодательных новелл об ответственности за взяточничество по Уголовному уложению 1903 г.	3
Амиров Р. З. Некоторые аспекты реализации законодательства в сфере обеспечения внутренней безопасности СССР в период кризиса советской государственности.	7
Бабурин В. В. Реализация поощрительных норм уголовного права на примере необходимой обороны.	12
Богданов А. В. Роль и место полиции в системе органов государственной власти зарубежных стран, основные модели организации ее деятельности.	17
Борков В. Н. Реализация принципа правовой определенности в уголовном законе	21
Быков А. В. Проблемы реализации гражданского права в России в XIX — начале XX вв.	25
Грязнова Т. Е. Вопросы реализации права в юридической науке России конца XIX — начала XX вв.	27
Давыдова М. Л. О значении средств умного регулирования в контексте реализации права	31
Кальченко Н. В. Некоторые дискуссионные вопросы аутентичного толкования права	35
Карпов К. Н. Судимость как инструмент социального контроля за лицами, совершившими преступление.	39

Квасников Е. С. Роль правоприменительной практики в совершенствовании уголовного закона	41
Кожевина М. А. Проблема толкования и реализации права в истории отечественной юридической науки	43
Кожевников О. А. Историко-правовое развитие полномочий Конституционного Суда РФ по толкованию Конституции	47
Корабельникова Ю. Л. Реализация принципа взаимодействия и сотрудничества в деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе.	52
Кошелев Е. В. Конституционный контроль как инструмент совершенствования законодательства.	56
Кузнецов А. А. Криминалистический анализ юридических фактов как метод информационного обеспечения деятельности по расследованию преступлений	59
Лановая Г. М. Соотношение реализации права и его применения: вопросы теории	63
Луговик В. Ф. Реализация конституционного права граждан на конфиденциальное осведомительство	67
Лыга А. П. О некоторых вопросах правового регулирования мер принуждения имущественного характера в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.	72
Москаленко Г. Е. Влияние идеи солидарности на трансформацию прав и свобод личности: взгляд отечественных либеральных правоведов второй половины XIX — начала XX веков.	76
Мурин Д. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению: проблемы правоприменения	79
Мурина Ю. В. Роль органов прокуратуры в реализации прав и свобод граждан.	81
Мушаков В. Е. Понятие и возможности реализации права на развитие посредством интернета.	83
Нечепуренко А. А. Социальная справедливость при реализации общеправовых ограничений в отношении лиц, совершивших преступления	85
Никитчик А. А. Институт особого мнения судьи в контексте реализации принципов правосудия	90

Николаев К. Д. Система отягчающих обстоятельств уголовно-правовых норм об ответственности за хищения: исторический аспект	92
Огорелков Д. А. Контент-анализ проблем регламентации и практики применения наказания в виде штрафа по современному уголовному законодательству России	94
Плетников В. С., Плетникова М. С. Реализация права в условиях технологического развития: вопросы теории и практики	97
Плешаков Е. А. Приоритеты реализации трудовой (кадровой) политики России	101
Половников О. Г. Социальное единство как фундамент правопорядка в современном обществе	102
Поляков С. Б. Анализ судебной правоприменительной техники	105
Репьев А. Г. Реализация транспортной политики в Арктике и проблемы правового регулирования	109
Рунаев Р. Ю. Образ сотрудника полиции как проводника и хранителя ценностно-ориентирующих установок права	112
Семенов И. Г. Влияние судебной практики на процесс правореализации	118
Сидоркин А. И. Особенности комплектования кадров полиции на польских территориях Российской империи	120
Синченко Г. Ч. Системные предпосылки образования и реализации права в международном контексте (исторический аспект)	125
Судденков К. В. Практика реализации согласия публичными органами: специфика, проблемы, эффективность	128
Трапезникова Е. В. Правоприменительная операция «Толкование диспозиции нормативного правового предписания»..	130
Червяковский А. В. Дискуссионные вопросы предмета толкования права	131
Чернова Э. Р. Теоретико-правовые основы и практические проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел.	134
Шаршун В. А. Законодательство Республики Беларусь в сфере цифровых отношений: проблемы систематизации.	138

РАЗДЕЛ II. Трибуна молодого ученого

Абдрахманова М. Н. Публично-правовое разрешение на использование земельных участков	142
Агабекова Л. Г. К вопросу о субъектном составе абсолютных правоотношений (на примере органов внутренних дел)	143
Гененко Я. П. Реализация права как признак гражданского общества России второй половины XIX — начала XX веков	145
Гогитидзе Д. А. Реализация принципа уважения в праве и политике	146
Гончарова Е. Ю. Договор доверительного управления наследственным имуществом: принципы и особенности правового регулирования.	148
Измайлова И. А. Проблема неэффективности норм, предусматривающих уголовную ответственность за загрязнение атмосферы.	151
Камолзода А. К. Санкции за организацию незаконного вооруженного формирования и участия в нем: сравнительный анализ по Уголовному кодексу Российской Федерации и Республики Таджикистан	152
Козлова А. А. Роль медиации в защите духовно-нравственных ценностей	156
Леднев А. А. Правовой эксперимент и эффективность реализации права	157
Малик Д. В. Реализация почетного правового статуса	159
Медведев Р. К. Роль правоприменительной практики при преодолении коллизий в оценке малозначительных деяний. ...	160
Митрофанов Н. В. Государственный строй в Российской империи в учении Ф. Ф. Кокошкина	161
Мусагитов Т. Ф. Судебный прецедент в романо-германской правовой системе	163
Мялицина М. А. Уголовно-правовая охрана права на справедливое правосудие	164
Огорелкова В. Д. Реализация права в теоретическом наследии Якова Ивановича Баршева	166

Самойлюк М. С. Особенности юридической техники в современных правовых системах.	167
Севостьянов В. С. Вопросы реализации экономической функции государства в учении Г. Ф. Шершеневича.	169
Степина К. В. Реализация статьи 79 Конституции Российской Федерации в стратегии отношений России и Китая.	170
Фомина Е. А. Особенности реализации функций милиции в раннесоветский период и их репрезентация в искусстве.	172
Чернышев А. Е. Формирование, развитие и современное состояние экологического законодательства Германии.	173
Шарипов С. Н. Роль судебного контроля в обеспечении законности в административной деятельности милиции Таджикистана.	175
Шинкевич П. П. Правоприменительная практика в сфере миграций: советский опыт 1920–1930-х годов.	176
Сведения об авторах.	180

Научное издание

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Редактирование и корректура Е. А. Жуковой
Техническое редактирование М. Ю. Чалковой
ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 12.12.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 125 экз. Заказ № 329.

